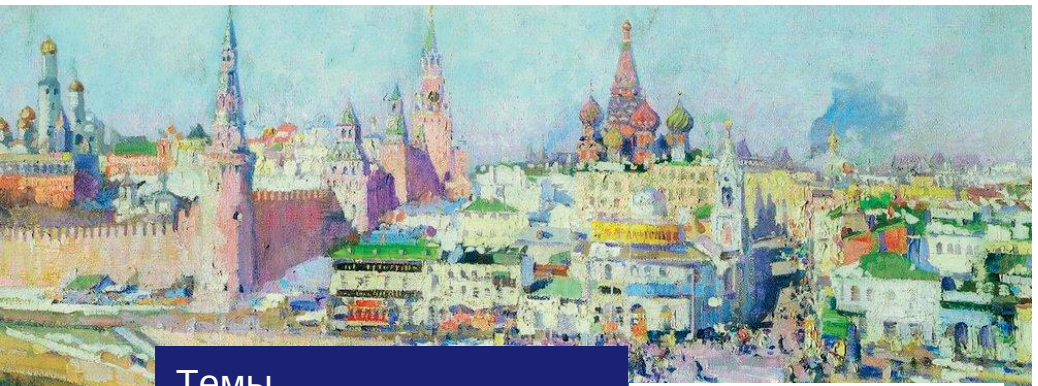

РОССИЯ:

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ

Темы ВЫПУСКА

Эксперты

- Технологическая независимость России: способы обеспечения
- Создание концепции бренда или как найти смысл территории
- Тенденции социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и роль круизного туризма на Севморпути
- Тула в русской национальной картине мира

Молодые исследователи

- Содействие международному развитию: к вопросу о трактовке понятия
- Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта

СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ

ISSN 2782-621X (Online)
ISSN 2949-1142 (Print)

РОССИЯ

ОБЩЕСТВО,
ПОЛИТИКА,
ИСТОРИЯ

Russia: Society, Politics, History

№1(6)
Апрель | April | 2023

ISSN 2949-1142

9 772949 114001 >

ISSN 2782-621X (Online)

ISSN 2949-1142 (Print)

УДК: 32; 93/94; 316

Информация об издании

«Россия: общество, политика, история»

- сетевое издание, печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):

ЭЛ № ФС77 - 82408 от 10 декабря 2021 года.

ПИ №ФС77-83544 от 26 июля 2022 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN

Российской Федерации:

ISSN: 2782-621X (Online), ISSN 2949-1142 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Учредитель, Издатель

ООО «Институт региональных и международных исследований»

108819, г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345

E-mail: info@irmi.ru

Партнеры

Комитет Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

103265, Москва, ул. Охотный ряд, дом 1

<http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/>

Контакты редакции

Главный редактор, заместитель Главного редактора

E-mail: rossiya.ob-pol-ist@mail.ru

Для отправки рукописей и консультаций e-mail: ropi.journal@yandex.ru

Миссия журнала

Журнал «Россия: общество, политика, история» предоставляет возможность для начинающих и опытных ученых высказать авторскую точку зрения на процессы, происходящие в России, вокруг России и с участием России. Мы приветствуем научный диалог и аргументированные научные дискуссии.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

Исторические науки

07.00.02 Отечественная история / 5.6.1. Отечественная история* (исторические)

07.00.07 Этнография, этнология, антропология / 5.6.4. Этнология, антропология и этнография* (исторические)

Социологические науки

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы / 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы* (социологические)

22.00.08 Социология управления / 5.4.7. Социология управления* (социологические)

Социологические науки/политические науки

22.00.05 Политическая социология / 5.4.5. Политическая социология* (социологические)

Политические науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии / 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии* (политические)

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / 5.5.4. Международные отношения* (политические)

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 года.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

© ООО «Институт региональных и международных исследований», 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., профессор, директор Института региональных и международных исследований, заместитель директора Национального исследовательского института развития коммуникаций (Москва, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна – к.и.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЗВОНОВА Мария Евгеньевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ТИХОНОВ Юрий Павлович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУДАНОВ Владимир Григорьевич – д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Отдела сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития, Институт философии РАН (Москва, Россия).

ВЕЛИКАЯ Анна Алексеевна – к.п.н., преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

ГРИШАЕВА Лидия Евгеньевна – д.и.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – к.с.н., доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – д.и.н., профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, этнограф (Ижевск, Россия).

КИСЕЛЕВА Наталья Васильевна – к.п.н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, учёный секретарь Крымского отделения Российской ассоциации политических наук (Симферополь, Россия).

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна – д.с.н., доцент, руководитель Отдела этнодемографических и интеграционных процессов, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

НЕССАР Омар – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт Востоковедения РАН, директор Центра изучения современного Афганистана (Москва, Россия).

ПОРТНЫХ Валентин Леонидович – д.и.н., заведующий сектором всеобщей истории Лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия).

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – д.с.н., заведующая кафедрой психологии и социологии управления, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия).

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – д.и.н., доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).

ЦЕПИЛОВА Елена Сергеевна – д.э.н., профессор, Сочинский государственный университет (Сочи, Россия).

ШАБРОВ Олег Федорович – д.п.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БИГУАА Батал Геннадьевич – к.ю.н., руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей (Москва, Россия).

ЗАХАРОВ Александр Вячеславович – к.ю.н., доцент, заместитель председателя Арбитражного суда Тамбовской области (Тамбов, Россия).

НАЛЕТОВА Ирина Владимировна – д.ф.н., профессор, первый проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

ПЫЗИН Владимир Александрович – к.с.н., директор Центра избирательных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

САЛИХОВ Шамиль Магомедович – к.э.н., руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики (Москва, Россия).

ISSN 2949-1142

9 772949 114001 >

ISSN 2782-621X (Online)

ISSN 2949-1142 (Print)

УДК: 32; 93/94; 316

Information about the journal

Russia: Society, Politics, History

- online edition, print media (mass media), journal.

Published since 2021, 4 times a year

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): EL No. FS77 - 82408 dated December 10, 2021.

PI No. №FS77-83544 dated July 26, 2022.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation
ISSN: 2782-621X (Online), ISSN 2949-1142 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Founder, Publisher

Institute for Regional and International Research Ltd.

108819, Moscow, Moskovsky, microdistrict 3, 11-345

E-mail: info@irmi.ru

Partners

State Duma Committee on the Development of the Russian Far East and the Arctic

1, Okhotny Ryad str., Moscow, 103265

<http://komitet2-1.km.duma.gov.ru/>

Contacts of the Editorial Office

Editor-In-Chief, Deputy Editor

E-mail: rossiya.ob-pol-ist@mail.ru

For submission of manuscripts and consultations e-mail: ropi.journal@yandex.ru

Our Mission

The journal *Russia: Society, Politics, History* provides an opportunity for beginners and experienced researchers to express an independent point of view on the processes taking place in Russia, around Russia and with the participation of Russia. We welcome scientific dialogue and thoughtful scientific discussions.

Scientific specialties and branches of science corresponding to them:

HISTORICAL SCIENCES

07.00.02 History of Russia / 5.6.1. History of Russia* (historical),

07.00.07 Ethnography, Ethnology and Anthropology / 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography* (historical)

SOCIOLOGICAL SCIENCES

22.00.04 Social structure, social institutions and processes / 5.4.4. Social structure, social institutions and processes* (sociological)

22.00.08 Sociology of administration / 5.4.7. Sociology of administration* (sociological)

SOCIOLOGICAL SCIENCES/POLITICAL SCIENCES

22.00.05 Political Sociology / 5.4.5. Political Sociology* (sociological)

POLITICAL SCIENCES

23.00.02 Political institutions, processes and technologies / 5.5.2. Political institutions, processes and technologies* (political)

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development / 5.5.4. International Relations* (political)

Note: *in accordance with the nomenclature of scientific specialties and corresponding branches of science, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 118 dated February 24, 2021.

EDITOR-IN-CHIEF

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), Professor, Director of Institute for Regional and International Research, Deputy Director for Science Research of National Research Institute for Communication Development (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITOR

Elena A. KUZMENKO – CandSc (Hist.), Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Maria E. ZVONOVA

RESPONSIBLE EDITOR

Yury P. TIKHONOV

EDITORIAL BOARD

Vladimir G. BUDANOV – DSc (Philos.), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of the Sector for Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development, Institute of Philosophy RAS (Moscow, Russia).

Anna A. VELIKAYA – CandSc (Polit.), Lecturer, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Lidiya E. GRISHAEVA – DSc (Hist.), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia).

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, ethnographer (Izhevsk, Russia)

Natalya V. KISELEVA - CandSc (Polit.), Associate Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Scientific Secretary of the Crimean Office of the Russian Association of Political Sciences (Symferopol, Russia).

Viktoria Y. LEDENEVA – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Ethnodemographic and Integration Processes, IDR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Moscow, Russia).

Omar NESSAR – CandSc (Hist.), Senior Researcher, IOS RAS, Director of the Center of Modern Afghanistan Research (Moscow, Russia).

Valentin L. PORTNYH – DSc (Hist.), Head of the Department of General History of the Laboratory of Humanitarian Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. PROKAZINA – DSc (Soc.), Head of the Department of Psychology and Sociology of Management, Altai Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Barnaul, Russia).

Elena V. KHAKHALKINA – DSc (Hist.), Associate Professor, Professor of Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Leading Researcher of Laboratory for Social and Anthropological Research, Faculty of History and Political Studies, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Elena S. TSEPILOVA – DSc (Econ.), Professor, Sochi State University (Sochi, Russia).

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), Professor, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Science (Moscow, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Batal G. BIGUAA – CandSc (Law), Chief of Staff of the Committee for Nationalities Affairs of the Russian State Duma (Moscow, Russia).

Alexander V. ZAKHAROV – CandSc (Law), Associate Professor, Deputy Chairman of the Arbitration Court of the Tambov Region (Tambov, Russia).

Irina V. NALETOVA – DSc (Philos.), Professor, First Vice-Rector of Derzhavin TSU (Tambov, Russia).

Vladimir A. PYZIN – CandSc (Soc.), Director of the Center for Electoral Technologies of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Shamil M. SALIKHOV – CandSc (Econ.), Chief of Staff of the Committee for the Development of the Far East and the Arctic of the Russian State Duma (Moscow, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Комлева В.В.

Приветственное слово главного редактора.....14

●●● ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Сухарев О.С.

Технологическая независимость России: способы обеспечения....24

Трофимов В.В.

Государственно-правовая политика в сфере научно-технологического и инновационного развития в российских регионах: проблемы и перспективы практической реализации.....40

●●● РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Гаджиева Е.В., Севастьянов Д.В.

Тенденции социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и роль круизного туризма на Севморпути.....66

Лейман И.И.

Создание концепции бренда или как найти смысл территории (на примере кейса «Сыктывкар – столица леса»).....88

Бунеев Т.П., Зайончковский А.И.

Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта.....102

●●● ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Павленко И.Е.

Гавани мыса Таран Пор.....124

Сазоненко М.А.

Гендерные образы в детских журналах середины 1930-х – середины 1950-х годов: формирование военно-спортивного детства.....142

●●● КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

Захарова Н.Н.

Тула в русской национальной картине мира.....166

Гудков М.М.

Пьеса «Мать» М. Горького – Б. Брехта на Бродвее (1935): мировая известность и провал.....186

Васильева Ж.В., Лидерман Ю.Г.

Экспериментальный театр XX-XXI вв. как лаборатория публичной речи (постановка проблемы).....208

●●● МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аничкин Е.С., Куликов Е.А.

Правовое обеспечение национальных интересов России в рамках Шанхайской организации сотрудничества при осуществлении научно-технического партнёрства.....234

Райнхардт Р.О., Немудров К.А., Петухин Л.А.

Метаморфозы вакцинной дипломатии в глазах экспертов и политиков.....250

Пильщиков А.К.

Содействие международному развитию: к вопросу о трактовке понятия.....262

CONTENTS

V. Komleva

Editor-in-chief Foreword.....14

●●● **POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES**

Oleg Sukharev

Technological Independence of Russia: Methods of Provision.....24

Vasily Trofimov

State and Legal Policy in the Field of Scientific, Technological and Innovative Development in Russian Regions: Problems and Prospects of Practical Implementation.....40

●●● **TERRITORIAL DEVELOPMENT**

Elena Gadzhieva, Dmitry Sevastyanov

Trends in the Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and the Importance of Cruise Tourism on the Northern Sea Route.....66

Irina Leyman

Creating a Brand Concept or How to Find the Meaning of the Territory (a Case Study «Syktyvkar - the Capital of the Forest»).....88

Timofey Buneev, Artyom Zayonchkovskiy

Development of National Creative Industries: Comparison of Foreign and Domestic Experience.....102

●●● **HISTORICAL RETROSPECTIVE**

Igor Pavlenko

Harbors of Cape Tagan Rog.....124

Marina Sazonenko

Gender Images in Children's Magazines from the mid-1930s to the mid-1950s: the Formation of Military-Sports Childhood.....142

●●● **CULTURES AND NATIONS**

Nadezhda Zakharova

Tula in the Russian National Picture of the World.....166

Maxim Gudkov

The Play "Mother" by M. Gorky – B. Brecht on Broadway (1935): World Fame and Failure.....186

Zhanna Vasilyeva, Yulia Liderman

Experimental Theater of XX-XXI Centuries as a Public Speech Laboratory (Problem Statement).....208

●●● **INTERNATIONAL RELATIONS**

Evgeny Anichkin, Egor Kulikov

Legal Support of Russia's National Interests Within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization in the Implementation of Scientific and Technical Partnership.....234

Roman Reinhardt, Konstantin Nemudrov, Leonid Petukhin

Metamorphoses of Vaccine Diplomacy As Seen by Experts and Politicians.....250

Anton Pilshchikov

International Development Assistance: on the Issue of Concept Interpretation.....262

В.В. Комлева,
доктор социологических наук,
профессор

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Прошедший 2022 год был для нашей страны годом трудных решений, важных геополитических выборов, поиска путей сохранения устойчивости в условиях жёстких санкций и международных ограничений. В научном и медийном дискурсе все чаще стали говорить о суверенности России - международной, научной, технологической, духовной. В контексте этих обсуждений первый выпуск нашего журнала в 2023 году посвящен ряду значимых проблем суверенитета России и тому, что составляет его духовные основы – нашим ценностям, культурным достижениям, геокультурной и геополитической роли наших регионов и городов.

Одной из критически значимых проблем суверенитета является проблема научно-технологического развития. Поэтому открывает наш журнал публикация доктора экономических наук **Сухарева О.С.**, которая содержит глубокий анализ проблем научно-технологической независимости России. Автор считает, что «независимость в области технологий обеспечивается в стране тогда, когда значительную часть из них создают и внедряют отечественные специалисты в результате проведения научных исследований и применения накопленного

научного потенциала». В статье обстоятельно анализируются системные и институциональные проблемы научно-технологического суверенитета и предлагаются варианты их решения. Нельзя не согласиться с автором, что именно в институциональной области сосредоточены основные проблемы современной научной отрасли и технологического базиса России. Есть проблемы и в измерении уровня технологического развития, связанные с несовершенностью и малой информативностью применяемых методов. Автор предостерегает от режима зависимого развития научной сферы и дает рекомендации, как избежать такого пути.

В продолжение темы доктор юридических наук **Трофимов В.В.** поднимает вопрос о формировании и реализации политики научно-технологического (инновационного) развития с правовой точки зрения. Он исходит из того, что источником законодательных инициатив должен стать регион. Анализ нормативно-правового обеспечения государственной политики научно-технологического (инновационного) развития показывает большие возможности субъектов России для правотворческой политики в области инновационного развития, однако этого не происходит (за исключением некоторых регионов). Автор считает, что региональная инициатива могла бы стать опережающей по отношению к федеральной, что позволило бы быстрее и результативнее решать проблемы инновационного развития регионов. Но сложилась ситуация, когда регионы «следуют в фарватере инновационной (научно-технологической) активности федерации, причем нередко имитируя деятельность по данной линии». Автор поднимает вопросы правореализационной политики в сфере научно-технологического (инновационного) развития и вопросы правообучающей политики. По его мнению, необходима система обучения специалистов в области инновационного права, обучения научных кадров соответствующим правовым компетенциям.

На наш взгляд, без решения системных и институциональных проблем, обозначенных в статье Сухарева, мы вряд ли сможем сделать технологический рывок в краткосрочной перспективе, несмотря на совершенствование правовой базы и законодательные инициативы регионов. Статьи указанных авторов, по сути, показывают два взаимосвязанных подхода к решению институциональных проблем инновационного развития России – необходимость институционализации особого типа отношений акторов инновационного развития (Сухарев) и правовое закрепление этого типа отношений (Трофимов).

Для обеспечения суверенитета России важнейшее значение имеет развитие ее обширных территорий. Три статьи в разделе «Развитие территорий» посвящены разным способам такого развития - туризму, креативным индустриям, необходимости поиска смысла, ценности территории и созданию ее бренда.

Роль круизного туризма на Севморпути в развитии Арктической зоны России рассматривают наши авторы – доктор географических наук **Севастьянов Д.В.** и кандидат географических наук **Гаджиева Е.А.** Рассматривая историю создания, значение и актуальное состояние Севморпути, авторы обращают внимание на то, что по сравнению с соседними арктическими странами, в России не в полной мере используется потенциал туристского пространства Арктики и развития арктического туризма. Положительно оценивая государственную политику развития Арктики, авторы аргументируют необходимость «переосвоения арктических территорий» на основе экологического императива. Такой подход позволит развивать уникальный туризм, «круизные туристские путешествия к Северному полюсу и по морям Российской Арктики, посещение природных достопримечательностей на территориях Национальных парков и других ООПТ, с посещением портовых городов по курсу судна, а также разнообразные развлечения на борту круизных судов». Авторы обращают внимание на перспективы использования атомного ледокольного флота и перспективы совершенствования инфраструктуры портов в северных полярных районах. На страницах нашего журнала не раз поднималась тема развития Арктики и, благодаря сотрудничеству с Комитетом Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, идеи наших авторов не остаются только на страницах журнала, а обсуждаются в государственных органах власти. Так, 19 апреля т.г. совместно с Комитетом мы проведем в Государственной Думе круглый стол, посвященный жизненным стратегиям молодежи Арктики и Дальнего Востока.

Выбор жизненных стратегий и места их реализации во многом зависит от субъективной оценки возможностей той территории, на которой живет человек. В этой связи актуализируется вопрос правильного позиционирования территории, повышения ее ценности для каждого жителя, приезжающих гостей, инвесторов. В статье кандидата исторических наук **Лейман И.И.** анализируются подходы к созданию бренда территории. Автор предлагает рассматривать бренд с точки зрения социальной истории, как умение создавать энергию ценности через трансляцию смысла территории. Географический фактор связан с людьми и культурой, но геокультурные особенности территории – это еще не бренд. На основе анализа

бренда Республики Коми и бренда города Сыктывкара автор приходит к выводу, что самым надежным источником поиска смысла территории является естественная среда пребывания населения в определённой локации, а самым сложным является «символическая интерпретация физико-географических характеристик и культурно-географических объектов территории, то есть преобразование материального фактора в нематериальный, обладающий энергией ценности как для внутренней, так и для внешней аудитории».

Инструментальную сторону развития территорий рассматривают молодые исследователи из Российской академии народного хозяйства и государственной службы **Бунеев Т.П.** и **Зайончковский А.И.** Авторы сравнивают зарубежный и российский опыт развития креативных индустрий, опыт государственных политик Великобритании, Германии и России. В статье систематизированы международные классификаторы видов деятельности, характерных для креативной экономики, и проанализирован опыт Москвы и Якутии по созданию и оценке экономического значения креативных индустрий. В результате, авторы пришли к выводу, что для российской модели, находящейся в стадии своего развития, требуется совершенствование нормативной правовой базы и разработка мер системной поддержки креативных индустрий. Такие меры предлагаются авторами статьи, и наши читатели могут ознакомиться с ними, обратившись к самой публикации.

Исторический опыт обеспечения суверенитета и интересов России рассматривается в разделе «Историческая ретроспектива». Открывает этот раздел статья **Павленко И.Е.** «Гавани мыса Таган Рог». Ретроспективный анализ создания и развития морских гаваней на мысу Таган Рог, начиная с VII века до н.э. показывает геополитическое и внешнеэкономическое значение Таган Рога для России. Материал статьи наглядно показывает стратегическое мышление российских царей и то, как Россия развивала свои рубежи для укрепления суверенитета. Согласимся с выводами автора о необходимости продолжения археологических раскопок в научных и просветительских целях. Материалы статьи демонстрируют, что осмысление исторического прошлого Таганрога могло бы стать источником его правильного брендинга и развития внутреннего туризма. Обратим внимание читателей на исторические карты и фотографии, рисунки, иллюстрирующие материал статьи. Редакция не решилась сократить их количество, настолько органично они связаны с текстом и, на наш взгляд, будут очень интересны читателю.

Весьма любопытное исследование предоставила в редакцию аспирантка

Высшей школы экономики **Сазоненко М.А.** По сути, речь идет о способе социализации детей с целью формирования определённого типа гражданина. Практически каждое современное государство задумывается, какого гражданина оно хотело бы воспитать и какие поведенческие модели сформировать у него в процессе социализации. Сазоненко М.А. рассматривает опыт такой социализации (в частности, формирование гендерных образов) на примерах детских журналов сер. 1930-х – сер. 1950-х гг. Автор приходит к выводу о формировании особого типа военно-спортивного детства. Отмечая, что этот временной период определяется некоторыми социологами как период «тоталитарной андрогинии» и попытки сформировать образ бесполого «советского человека», сама автор приходит к выводу об утверждении бинарной гендерной модели. Можно соглашаться с автором, можно дискутировать, но статья вызывает живой интерес. Несмотря на несогласие редакции и рецензентов с некоторыми позициями автора, мы публикуем это исследование, потому что считаем его, действительно, актуальным и грамотным. Читатели увидят способы репрезентации в детских журналах воспитательных и образовательных установок советского времени, способы закрепления установок посредством игровой и творческой деятельности. Статья будет интересна и тем, кто в настоящее время занимается формированием определённых ценностей и установок молодого поколения, формирует представления об «идеальном типе» гражданина в современном страновом контексте.

О духовных основах российской суверенности говорят авторы статей, посвященных российской провинции, российской культуре и искусству. В разделе «Культуры и народы» представлены статьи, содержащие уникальные архивные материалы. Кандидат филологических наук **Захарова Н.Н.** анализирует концепт Тулы в русской национальной картине мира. Суть статьи можно выразить фразой, написанной автором: «Есть земли, на которых полагается жить поэтам. Есть земли, на которых полагается жить воинам. Любовь к родной земле рождается не только красотой пейзажей, а пониманием важности своего назначения, патриотического, национального, христианского долга». Но было бы слишком просто отметить только эту цитату. Автор провел серьезные научный анализ информационного, когнитивно-образного и интерпретационно-прагматического компонентов концепта Тула как провинциального, ремесленного, оружейного города, описала лингвокогнитивные черты концепта Тула как фрагмента русской национальной когнитивной и языковой картины мира. Статья наглядно показывает ценность каждого уголка нашей страны

для обеспечения ее суверенитета.

Суверенность страны обеспечивается и эффективными инструментами продвижения ее ценностей и достижений за рубежом. Современная Россия находится в поиске таких инструментов, о чем свидетельствует недавно принятая Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. В этом контексте весьма интересное исследование представил **Гудков М.М.**, преподаватель из Санкт-Петербургского государственного университета, актер театра и кино. Исследование знакомит читателей с постановками пьес М. Горького в США. В частности, речь идет о единственной в США постановке повести М. Горького «Мать» в обработке Б. Брехта, которую осуществил крупнейший «рабочий театр» Нью-Йорка – театр «Юнион» (Theatre Union). Опираясь на редкие архивные материалы и зарубежные источники, автор знакомит читателей не только с особенностями постановки пьесы, особенностями восприятия произведения Горького (американцам оказалась близка реалистическая эстетика и психологизм Горького), но и показывает процесс экспортирования советского произведения в США, показывает роль структур Коминтерна и то, каким образом идеи советского писателя инкорпорировались в американское общество. Материалы статьи показывают, насколько продуманной была советская культурная дипломатия и как точно выбирались инструменты работы с целевыми группами за рубежом.

Культурной, театральной тематике посвятили свое исследование и кандидаты культурологии **Васильева Ж.В.** и **Лидерман Ю.Г.** Исследователи ставят своей целью создать историю экспериментального театра XX века, понимаемого как лаборатория публичной речи. Подчеркивая роль и значение экспериментального театра в истории российского искусства, авторы говорят о некоем мультимедийном перформансе и особом типе влияния на аудиторию. Исследование интересно еще и комплексом используемых методов, в том числе социологии искусства, истории идей, культурной истории.

Суверенность России обеспечивается не только культурными достижениями, духовными основами, научными открытиями и инновациями, но и умением выстроить международные отношения, сохранить свою международную конкурентоспособность.

В разделе «Международные отношения» анализируется правовое обеспечение национальных интересов России в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) при осуществлении научно-технического партнёрства. Авторы публикации

доктор юридических наук **Аничкин Е.С.** и кандидат юридических наук **Куликов Е.А.** сравнивают национальное право, правовые и программные международные акты ШОС и приходят к выводу о приоритетности охраны национальных интересов в политике нормативно-правового регулирования научно-технического сотрудничества в ШОС. Статья интересна тем, что авторы не ограничиваются только правовым подходом, а рассматривают нормативно-правовое регулирование в контексте политических и структурных изменений ШОС. Например, поднимается вопрос о кризисе идентичности ШОС (основой которой является «шанхайский дух») в связи с вступлением в ШОС Индии и Пакистана, и тем, что само понятие национальных интересов в контексте ШОС все теснее связывается с самосознанием и самоидентичностью наций. По причине того, что ШОС превращается в трансазиатскую международную организацию, по мнению авторов, необходимо рассматривать обеспечение суверенных прав России в научной сфере и развитие собственных научных технологий в контексте обеспечения информационной и научно-технологической безопасности России.

Изменяющаяся реальность продуцирует новые форматы международных отношений, в том числе и особые виды дипломатии. Метаморфозы вакцинной дипломатии рассматривают коллеги из МГИМО - кандидат экономических наук **Райнхардт Р.О.** и два молодых исследователя **Немудров К.А., Петухин Л.А.** Статья содержит результаты НИР, выполненного при поддержке Российского научного фонда. Исследование может считаться пилотным, но в нем поставлены значимые вопросы о том, как национальный протекционизм препятствует решению глобальных проблем, как глобальные проблемы цинично используются некоторыми странами для решения проблем международной конкуренции и как «вакцинная дипломатия» превратилась в «вакцинную войну». По результатам исследования авторы приходят к выводу: «Делать окончательные выводы относительно перспектив «вакцинной дипломатии» в условиях продолжающихся международных противостояний бессмысленно и бесполезно». На наш взгляд, действительно, нельзя делать окончательные выводы и были бы интересными дальнейшие исследования авторов, проведенные не только методом фокус-групп и контент-анализа, но и методами обработки статистических данных, глубокого сравнительного анализа политик разных стран в области «вакцинной дипломатии». Высока вероятность того, что проблемы такого рода дипломатии будут все более актуализироваться на фоне новых инфекций и активизации биолaborаторий во

всем мире. Разработки российских ученых становятся необходимым условием обеспечения суверенитета России, а «вакцинная дипломатия» - одним из его инструментов. Эффективность такого инструмента, например, по линии содействия международному развитию доказана практикой.

Деятельность России по содействию международному развитию является важнейшим направлением по продвижению идей международной справедливости, взаимопомощи, солидарности. Однако в российском информационном, научном и правовом пространствах, по мнению молодого исследователя из Перми **Пильщикова А.К.**, отсутствует общепринятая трактовка понятия «содействие международному развитию». Автор считает, что исследователи и массмедиа концентрируются на экономической помощи иностранным государствам и практически не учитывают гуманитарные аспекты. Автор предлагает свое уточнение определения содействия международному развитию, а также некоторые рекомендации по его обеспечению с целью упрощения учёта результатов предоставления помощи и принятия управленческих решений. Со своей стороны отметим, что в российском и зарубежном медийном пространстве крайне мало информации о проектах России по содействию международному развитию. Запрос на такую информацию есть не только в России, но и среди зарубежной общественности, ориентированной на развитие дружественных отношений с Россией.

Дорогие читатели, этот выпуск журнала содержит разные по направленности и методам исследования статьи, но все они отличаются индивидуальной, интересной, дискуссионной позицией авторов. Научный и творческий потенциал наших авторов убедительно доказывает, что именно они, своими разработками, мыслями, предложениями способны обеспечить интеллектуальный суверенитет России – основу всех других видов суверенитета. В этой связи предлагаю один из выпусков нашего журнала посвятить теме развития человеческого потенциала России.

До новых встреч на страницах нашего журнала.

*С глубоким уважением к нашим читателям
и с благодарностью к нашим авторам,*

Валентина Комлева

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИННОВАЦИОННОМ ИНДЕКСЕ

Материал подготовили Валерия Власова и Анастасия Сапрыкина
Источник: ИСИЗ НИУ ВШЭ
<https://www.hse.ru/inman/news/779201583.html>

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) издается с 2007 года Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

Итоговый рейтинг рассчитывается как среднее двух субиндексов — **ресурсов инноваций** (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, уровень развития рынка и бизнеса) и **результатов инноваций** (развитие технологий и экономики знаний, результаты креативной деятельности)

132 страны участвуют в рейтинге
81 показатель **7** блоков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

Политические науки

УДК 321.01; 316.422.44

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-24-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-24-39)

Технологическая независимость России: способы обеспечения

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация

o_sukharev@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

Аннотация. В статье исследуется проблема обеспечения технологической независимости России. Автор рассматривает её многоаспектно, в привязке к обеспечению независимого развития российской науки, выявляя, посредством сравнительного анализа различных методов (по затратам на НИОКР, «экономике знаний», инновационной продукции, ресурсоёмкости), существенные недоработки, в частности, в измерении технологического уровня страны. Используя представления об «институциональной конкуренции» государств описан режим зависимого развития научной сферы, обеспечивающий весьма низкие темпы технологического обновления и провоцирующий технологическую зависимость. Кроме этого, опираясь на прошлые свои исследования, выделены структурные особенности и специфические связи параметров для секторов (обрабатывающий, сырьевой и транзакционный) российской экономики, затрудняющие решение задачи обеспечения технологической независимости России. Для снижения технологической зависимости требуются не только усилия по замещению импорта технологий, но и набор иных действий, без которых вряд ли будет работать в нужном масштабе и технологическое замещение. Например, восстановление управления академическими институтами фундаментальной тематики из единого центра, введение разумной открытости при рассмотрении диссертаций, интенсификация усилий вузов в деле возрождения прикладной науки, в рамках создания так называемого «технологического сектора» и др. Совершенствование измерения уровня технологичности требует разработки технологических карт и новых показателей, например, «технологического охвата», которые расширяют возможности стандартных методов, применяемых сегодня.

Ключевые слова: технологии, наука, технологическая независимость, измерение, научно-техническая политика

Для цитирования: Сухарев О.С. Технологическая независимость России: способы обеспечения. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 24-39.

© Сухарев О.С.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-24-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-24-39)

Technological Independence of Russia: Methods of Provision

Oleg S. Sukharev

Institute of Economics RAS, Moscow, Russian Federation
o_sukharev@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

Abstract. The paper examines the problem of ensuring the technological independence of Russia. The author considers it in many aspects, in relation to ensuring the independent development of Russian science, revealing, through a comparative analysis of various methods (in terms of R&D costs, «knowledge economy», innovative products, resource intensity), significant shortcomings in measuring the technological level of the country. Using the concept of «institutional competition» of states, the mode of dependent development of the scientific sphere is described, which provides a very low rate of technological renewal and provokes technological dependence. In addition, based on past research, structural features and specific relationships of parameters for the sectors (manufacturing, raw materials and transaction) of the Russian economy are highlighted, which make it difficult to solve the problem of ensuring the technological independence of Russia. Reducing technological dependence requires not only efforts to replace technology imports, but also a set of other actions, without which technology substitution is unlikely to work on the required scale. For example, restoring the management of academic institutions of fundamental subjects from a single center, introducing reasonable openness when considering dissertations, intensifying the efforts of universities in the revival of applied science, within the framework of creating the so-called «technological sector», etc. Improving the measurement of the level of manufacturability requires the development of technological maps and new indicators, such as «technological coverage», which expand the capabilities of standard methods used today.

Keywords: technology, science, technological independence, measurement, science and technology policy

For citation: Sukharev, O.S. Technological Independence of Russia: Methods of Provision. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 24-39.

Введение

Современные технологические революции характеризуются высокой скоростью и определённой дестабилизацией экономики (9), изменяя её облик, но, не приводя к трансформации базовых капиталистических институтов (12), слишком сильно изменяя индустрию, чего ещё не было несколько десятилетий назад, например, при проведении классической индустриализации (2), которая в СССР проводилась плановыми методами.

Новые технологии модернизируют сегодня не только производство, но и транзакционные виды деятельности (11), возникают и способы управления социальными институтами, включая институты знаний (10). Однако известен «парадокс производительности», обнажающий слабость внедрения новых технологий, не приводящих к росту эффективности (18), в основном касающийся компьютерных (цифровых) технологий¹. Этот парадокс говорит о том, что возможны подобные исходы при иных форматах и режимах технологического обновления. Причём у каждого могут оказаться свои причины и обстоятельства.

Технологии могут создаваться агентами страны для своего использования, но могут и заимствоваться. В связи с чем величина привязки к внешним технологическим поставкам составляет содержание проблемы технологической зависимости, актуализируя на повестку дня, в частности, для России, задачу обеспечения технологической независимости. То есть, речь идёт о способах производства, управления, институционального планирования – создаваемых отечественными агентами. В этом случае зависимость будет низкой, а независимость соответственно высокой, при условии, что элементы этих технологий, из которых они выстроены, также будут создаваться усилиями внутренних экономических агентов.

Создание способов воздействия на объекты и ресурсы с целью изменения их поведения или трансформации зависит от научных достижений, всецело ими определяется. Вместе с тем, вопрос о том, насколько сильно, например, затраты на НИОКР детерминируют уровень технологического развития, остаётся открытым. По нему не может быть однозначного ответа, поскольку могут быть НИОКР с малыми затратами, приводящими к перевороту в науке, и наоборот. Тенденция капитализации современной науки не исключает такой результат. Если страна зависима от импорта технологий, то она не создаёт или не умеет внедрять ранее созданные собственные разработки в силу различных причин и обстоятельств, например, разрушительного реформирования и трансформации своей экономики. В связи с этим возникает задача обеспечения её технологической независимости,

¹ Точнее, он обнаружен на данном классе технологий, что не даёт гарантии проявления его по другим классам технологий, но и не исключает такую возможность

что предполагает замещение импорта технологий, а также разработку и внедрение своих собственных технологий. А это, в свою очередь, предъявляет требования к организации науки и проведению научных исследований разного уровня и назначения.

Сказанное определяет цель настоящей статьи в виде поиска способов повышения технологической независимости на уровне макроэкономической постановки (без отраслевой детализации). Для достижения данной цели требуется выяснить, насколько хорошо измеряется уровень технологического развития в рамках применяемых подходов, а затем подвергнуть анализу модель институциональной конкуренции, обеспечивающей привязку российской науки к внешним центрам развития, следовательно, препятствующей достижению технологической независимости, так как технологии развития самой науки, если можно сказать, не являются отечественным продуктом. Рассмотрим материалы и методы исследования, перейдя к его методологии и результатам.

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования используются данные по оценке технологий – разрабатываемых и внедряемых в российской экономике, инновационные результаты, концептуальные позиции и оценки роли науки различных её отечественных представителей (1, 4-6, 8). Применяются статистический анализ, эмпирические сопоставления, методы измерения технологического уровня и развития (3, 7, 13, 16).

Теоретико-методологическую основу исследования составляет модель «институциональной конкуренции», то есть конкуренции по правилам и международным стандартам, воспроизводящая режим зависимого развития экономических подсистем, в частности, науки и образования, одной страны от внешних центров. Применяется теория измерений – относительной оценки технологического уровня развития, без которой невозможно продвинуться в решении задачи обеспечения технологической независимости страны. Показано, что существующие подходы обнажают отсутствие решения проблемы измерения. Автором демонстрируется один из вариантов оценки уровня технологического развития по соотношению инновационной к неинновационной продукции, работам услугам, который также, справедливости ради, не безупречен.

Таким образом, для решения задач развития требуется изменять и подходы в области методов управления и методов измерения и оценки, а иногда и концептуально-идеологическую основу не только функционирования и принятия решений, но и проведения самих исследований вопроса.

Результаты исследования

Измерение технологического развития

Независимость в области технологий обеспечивается в стране тогда, когда значительную часть из них создают и внедряют отечественные специалисты в результате проведения научных исследований и применения накопленного научного потенциала. Следовательно, при зависимом состоянии в области исследований, утрате в силу различных причин научно-технологического потенциала, низкой изобретательской активности, а также примитивного функционирования субъектов потенциального спроса на технологии, обеспечить независимость довольно проблематично. Причины зависимости в России – в сложившейся ранее структуре, а также деградации собственных условий для развития техники и технологий. Для преодоления этого требуется двигаться, как минимум, по следующим направлениям.

Во-первых, наращивать масштаб научных исследований по релевантным позициям поисковой работы, представляющим передовой край современной науки. Причём завершаться они должны формированием технологий.

Во-вторых, расширять возможности и потребности в новых способах производства и ведения деятельности, что выступает базовой предпосылкой технологического обновления.

В-третьих, институционально обеспечить относительно невысокие затраты в получении новых результатов в рамках конкретных задач развития, с воссозданием промышленной базы как основы для проведения прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ.

Одним из важных условий при планировании научно-технической политики в стране выступает адекватное измерение уровня технологического развития. Если по идентификации собственного состояния имеются проблемы, то это не может не сказаться на дальнейших решениях и разрабатываемых планах.

Новый способ производства или ведения некой деятельности, то есть, новая технология характеризуется далеко не всегда ресурсной экономией, хотя материалоёмкость и энергоёмкость в промышленном производстве выступают базовыми показателями для оценки уровня технологии. Однако, новая технология может показать рост этих показателей, а не снижение на каком-то интервале времени. Следовательно, ориентироваться исключительно на снижение не всегда бывает правильным при технологическом обновлении. Для новой технологии затраты на освоение могут быть большими, но спустя время она так встраивается в технологические цепочки осуществляемых видов деятельности, что обеспечивает большую отдачу или положительный эффект. Следовательно, методы измерения уровня технологичности весьма неоднозначные. Более того, в

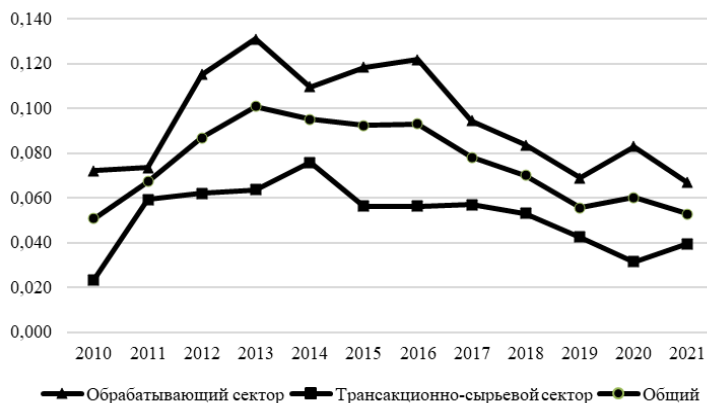
каждом виде деятельности, могут быть реализованы в этой части свои подходы, детерминируемые спецификой данного вида деятельности.

Сказанное позволяет отметить несколько применяемых способов для оценивания уровня технологичности экономики, которые важны при принятии решений обеспечения технологической независимости, выступая своеобразным институциональным условием наравне с прочими. Например, известно, согласно официальным данным по России², что число разработанных передовых производственных технологий возрастало, включая и абсолютно новые технологии для России, а также принципиально новые, но динамика по внедрению была значительно более скромной. Тем самым активизация разработки технологий не компенсирована внедрением, и проблемы спроса на технологическое обновление сохраняются.

Применяемые методы измерения технологического развития по затратам на НИОКР (выделение видов деятельности по технологическому уровню), либо по числу технологий (обычно в штуках), или «экономике знаний» по числу занятых с определённым уровнем образования являются малоинформативными. Точнее, они дают лишь некую косвенную оценку технологичности и уровня развития технологий. Причина в том, что при таких измерениях не уделяется внимание оценке связи самого уровня технологичности и соответствующих затрат, которые должны его обеспечивать, либо числа созданных и внедрённых технологий. Например, одна технология может привести к перевороту в данном виде деятельности, а десять внедрённых меньшего уровня значимости, не привести к аналогичному результату. Это непременно скажется и на уровне технологичности, не приводя его к повышению. Можно констатировать, что надёжного способа измерения технологичности на сегодня не существует, хотя на макроэкономическом уровне оценка технологических укладов по добавленной стоимости выступает вполне приемлемым измерением (3), как и предлагаемые авторские варианты оценки технологического уровня по соотношению объёма инновационной к неинновационной продукции, работам, услугам (14) или величины «цифровой экономики» (13). Эти варианты исходят также из предположения, что инновационная продукция, работы, услуги относительно неинновационной создаются на более совершенной технологической базе, во всяком случае, предполагают её наличие, а уровень цифровизации также выступает своеобразным показателем распространения новых технологий, базируются на соответствующих научных разработках. Таким образом, позитивная динамика по вводу цифровых технологий будет показателем успешности технологического обновления, а будучи воплощённой в соответствующих средствах производства и приборной базе – показателем научных разработок.

Представим расчёт одного варианта измерения технологического развития агрегированных секторов России (Рисунок 1).

Рисунок 1. Уровень технологичности России, 2010-2021 гг.³
Figure 1. The level of manufacturability of Russia, 2010-2021

Как видно из Рисунка 1, снижение показателя довольно ощутимо происходило с 2013 по 2020 гг.

Таким образом, ввод капиталоемких технологий в обработке не приводил к росту технологичности экономики, если измерять данный показатель по соотношению инновационной к неинновационной продукции, работам, услугам. Нужно заметить, что высвобождаемый труд при соответствующей макроэкономической и структурной политике, должен распределяться так, чтобы работать и на создание новых технологий, формируя тем самым своеобразный «технологический сектор»⁴. Однако в России наблюдался псевдоэффект «технологического дуализма», при котором происходит высвобождение кадров из обрабатывающего сектора, но не по причине технологического обновления (13).

Осуществляя оценки в предположении связи, что изменение валовой добавленной стоимости в секторе есть функция эластичности инвестиций по

³ Рассчитано автором по данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. В данном случае уровень технологичности определяется отношением объема инновационных товаров, работ, услуг к неинновационным (разница между общим объемом и инновационным).

⁴ В старой терминологии близкий термин – это сектор «средств производства». Однако разработка технологий все-таки несколько иной вид труда и работы, предполагающий создание и фондов (техники, устройств, инструмента), но и создание самого способа, следовательно, проведение ОКР и НИР, а также экспериментальных работ и опытного производства.

рisku и отношения «риск–доход», а изменение инвестиций в основной капитал представляет собой функцию, зависящую от изменения риска, доходности и технологичности, по России на интервале 2006-2016 гг. автором были получены такие результаты (13, 19).

Во-первых, для экономики России в целом увеличение валовой добавленной стоимости (ВДС) происходило при росте эластичности и структурного соотношения «риск–доход». Это говорит о том, что оно сопровождалось увеличением риска, что подтверждают и эмпирические данные.

Во-вторых, для сырьевого сектора эластичность инвестиций тормозило НДС, соотношение «риск–доход» сопровождало увеличение. Риск и технологичность сопровождали увеличение инвестиций в основной капитал этого сектора, причём риск в наибольшей степени, доходность оказывала тормозящее действие.

В-третьих, в обработке эластичность и структура «риск–доход» тормозили рост НДС, инвестиции в основной капитал тормозили изменение риска и доходности, но увеличение технологичности способствовало их наращению. Это говорит о высокой потребности технологических изменений в обработке.

В-четвёртых, в транзакционном секторе эластичность и структура «риск–доход», увеличиваясь, стимулировали рост добавленной стоимости. Учитывая масштаб данного сектора, его влияние распространялось и на общероссийском уровне (такой же результат регрессии). Инвестиции в основной капитал росли при росте риска.

Подобное распределение влияния по секторам и для экономики в целом предъявляет новые требования по формированию мер отраслевой политики как важнейшего инструмента в проведении общей структурной политики в стране. Элиминирование эффекта «технологического дуализма» требует создания новых секторов экономики, в обработке, в связующих цепочках сырьевого и обрабатывающего секторов, а также инфраструктурного обеспечения двух последних, включая и сервисные виды деятельности. На сегодня такие подходы отсутствуют, лишь отдельные шаги только планируются в весьма суженном варианте.

Обсуждение результатов

Институциональная конкуренция в науке

Оценка институтов (правил, включая законодательные) развития науки и техники представляется наиболее сложной задачей, и именно в институциональной области сосредоточены основные проблемы современной научной отрасли и технологического базиса России. Методики оценки качества институтов в принципе

не совершенны, а по большому счёту отсутствуют и официально не применяются. Возникает вопрос относительно того, по каким причинам развитие науки в одной стране может быть признано худшим, нежели в другой стране? Очень часто применяется такая оценка, что наука мало что даёт развитию, дескать, её организация и управление ею являются неэффективными. Однако, при этом, упускается из виду, что надо тогда говорить о критерии эффективности, измерении результатов науки, а также, оценки необходимости перенесения внешних правил для реорганизации научной сферы. Если правдоподобных оценок нет, тогда нет оснований для осуществляемых трансформаций, ибо они могут усугубить ситуацию в области развития науки данной страны, а не повысить эффективность её функционирования. Кстати, ввод стажировок и якобы обмена научной информации также требует более пристального рассмотрения и не во всех случаях может быть фактором, улучшающим состояние науки.

Иными словами, если развитие науки является зависимым от внешних центров, то проблематично будет достичь технологической независимости. Зависимость науки выражается по публикациям, лабораторно-аппаратной базе, реактивам, приборам, подготовке кадров, ориентированной на стажировки за рубежом. Классический научный обмен и взаимодействие учёных в мире не следует путать с зависимым развитием, когда именно содержательная, а также формальная сторона проведения исследований, становятся зависимыми от событий или нормативов, создаваемых вне данной страны. Более того, учитывая, что современная наука давно стала главным генератором социально-экономического развития, причём с ориентацией результатов на отдалённое будущее, конкуренция в области науки приняла форму создания институциональных схем, когда одним центрам науки удаётся благодаря этим схемам получать научную информацию из центров и от учёных иных стран. Таким образом, воссоздаётся модель подчинения развития науки, причём не осознаваемая часто учёными данных стран, которые думают, что благодаря навязанным в виде мягкой силы нормативам они приобщаются к общей мировой науке и её достижениям. Указанное институциональное явление принимающие вид «институциональной конкуренции» весьма слабо изучено, выводы здесь не могут быть однозначными, но то, что это явление может провоцировать технологическую зависимость на основе научно зависимого развития страны вряд ли может вызвать крупные возражения.

Известное клише, что «наука не знает границ» является выражением апогея либеральных взглядов на развитие науки и, кстати, способствует победе в институциональной конкуренции одних за счёт других. Важно, чтобы эти другие

не заметили своей привязки и зависимости как можно дольше. Да, действительно, теорема Пифагора или модель увеличения ВВП С.Г. Струмилина за счёт простого и сложного труда могут быть, после их создания, применены где угодно, и такое знание – не имеет границ. Но вот характер применения научного знания, генерация самого такого знания имеет национальные границы и национальную принадлежность. Более того, целые пласты научного знания в военно-технической области, составляя реально передовой технологический уровень развития, составляют государственную тайну, потому что служат обеспечению обороны страны и подлинной технологической независимости. Кроме того, в оборонной области можно иметь передовые технологические рубежи и полную технологическую независимость, а в гражданских направлениях деятельности иметь большие проблемы и с разработкой, и внедрением новых технологий, показывая и высокий уровень зависимости от импорта технологий.

Современная Россия показывает именно такой дуализм (13). Преодоление технологического дуализма предполагает, помимо указанных выше усилий, институциональные преобразования деятельности, сводимые к созданию схем межсекторального технологического трансфера внутри страны. Кроме того, необходимо проведение структурных изменений с целью исключения псевдоэффекта «технологического дуализма», блокирующего по существу технологическое обновление гражданских российских секторов. А это возможно при выравнивании рентабельности и риска деятельности в обрабатывающих, транзакционных и сырьевых секторах. Решение такой задачи также будет зависеть от ввода производственных технологий, которые должны быть результатом отечественных усилий, а не поступать по импорту.

Суммарно можно отметить, что технологическая независимость России может быть обеспечена только тогда, когда удастся преодолеть институциональную зависимость в развитии научных исследований. Причём преодоление институциональной зависимости предполагает вполне понятные, на мой взгляд, шаги в области развития науки.

Прежде всего, речь должна идти о регулировании сферы науки посредством отечественных правил: работа научных журналов, диссертационных советов, лабораторий, образовательных учреждений, включая и их научные подразделения, должна быть выведена полностью из «внешней институциональной юрисдикции». Причём эта задача не может трактоваться иначе, как задача обеспечения национальной безопасности России. Именно в её рамки укладывается и решение задачи обеспечения технологической независимости.

Выводы

Подводя итог проведенному анализу, сформулируем релевантные позиции, которые, на взгляд автора, необходимо заложить в основу построения научно-технической политики в России за счёт генерации и ввода технологических инноваций (15). Для этого нужно создавать условия посредством государственной политики (17).

Во-первых, предоснова обеспечения технологической независимости российской экономики – это «институциональное освобождение» или отказ от ранее заимствованных правил организации сферы науки и научно-технического развития в пользу проектирования отечественных норм, которые открывали бы свободу научному творчеству, снижали издержки этой деятельности, вовлекая в неё все большие слои населения. Это и отвечает представлениям о расширении «экономики знаний». Условия обеспечения национальной безопасности требуют отказа от ряда нормативов, например, вывешивания диссертаций в открытом доступе, подчинения научных журналов нормам вхождения в иностранные базы индексирования. Кроме того, необходимо будет отказаться от набора «неявных санкций», которые российская бюрократия, решая задачи регулирования, накладывает на функционирование сфер науки и образования. Речь идёт о формальных нормативах защиты диссертаций, нормах на публикации, правилах болонского процесса и т.д.

Во-вторых, решение задачи обеспечения технологической независимости предполагает, с одной стороны, снижение существующей зависимости, то есть, целенаправленные усилия по замещению импорта технологий (за счёт разработки и ввода отечественных), с другой стороны, активизацию функционирования экономических субъектов, создающих потенциальный спрос на новые технологии. Необходимо создавать тех, кто разрабатывает и готов предложить российские технологии, причём и ранее созданные, запатентованные. Бизнес России не потянет решение такой задачи по многим хорошо известным причинам, в связи с чем в рамках государственного сектора должна быть организована такая работа. По существу, речь идёт о создании своеобразного «технологического сектора», который бы восполнил потери в области прикладной науки, конструкторских бюро, отраслевых институтов. Вузы России могут и должны сыграть в этом ключевую роль, причем нет необходимости специально переносить в них подразделения фундаментальной науки. Следует ориентировать их на отраслевые исследования, которые и составляли основную тематику работ в технических вузах прежде. Российская академия наук должна вернуть свой статус генератора фундаментальной поисковой работы в базовых науках, повысить уровень управления секциями (институтами) и

направлениями, связав свою поисковую задачу с необходимостью технологической модернизации и восстановлением отдельных видов производств.

В-третьих, потребуется изменить механизмы учёта технологического развития и измерения, количественной оценки технологического уровня. Один из вариантов показан в настоящей статье, но это не означает, что он абсолютно удовлетворительный, как и применяемые официально методы. Они требуют существенного изменения и создания иных способов. В частности, одним из них может быть метод «технологически карт» и подсчёта «охвата технологии», которые предлагаются в отдельных авторских работах (13).

Таким образом, обеспечение технологической независимости России предполагает систему действий, которые требуется реализовывать на систематической основе, то есть постоянно, корректируя по мере необходимости и находя новые решения. Успех решения государственной задачи обеспечения технологической независимости будет тогда, когда подавляющая часть производств и правил поведения в экономике будут снабжены отечественными технологиями, включая и главную технологию – аналитическую подготовку решений, которая, по идее, должна быть лишена импортной идеологической канвы в качестве сегодняшнего ядра. Задача обеспечения науки кадрами – это задача восстановления российского высшего образования на базе соответствующего среднего образования. Тем самым, потребуются подстройки на всех уровнях образовательной и научной сферы. Да и обеспечение независимости в технологиях касается указанных элементов экономики без исключения, включая и независимость от «неявных санкций» собственного производства, возникающих по причине отсутствия должного аналитического обоснования и уровня принимаемых решений.

Список источников

1. Абалкин Л.И. (2005), Россия: поиск самоопределения [Russia: the Search for Self-determination]. Очерки. М.: Наука.
2. Базаров В.А. (2014), Избранные произведения [Selected Works]. В 2-х Т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
3. Глазьев С.Ю. (2010), Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Russia's Advanced Development Strategy in the Conditions of the Global Crisis]. М.: Экономика.
4. Иванов В.В. (2022), Новая научно-техническая политика [New Science and Technology Policy]. Экономическое возрождение России. №3(73). С. 24-28.

5. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. (2016), Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука [Russia: XXI Century. Breakout Strategy: Technologies. Education. Science]. М.: Ленанд.
6. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. (2011), Синергетика и прогнозы будущего [Synergetics and Forecasts of the Future.]. М.: Эдиториал УРСС.
7. Львов Д. С., Глазьев С. Ю. (1986) Теоретические и прикладные аспекты управления НТП. Экономика и математические методы [Theoretical and Applied Aspects of STP Management.]. № 5. С.793-804.
8. Менделеев Д.И. (2008), Познание России. Заветные мысли [Knowledge of Russia. Cherished Thoughts]. М.: Эксмо.
9. Перес К. (2011), Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания [Technological Revolutions and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages]. М.: Изд. дом «ДЕЛО».
10. Попов Е.В., Власов М.В. (2012), Институты знаний [Knowledge Institutes] Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
11. Попов Е.В. (2011), Трансакции [Transactions] Екатеринбург: ИЭ УрО РАН
12. Стиглиц Дж. (2020), Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства [People, Power and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent]. М.: Альпина Паблишер.
13. Сухарев О.С. (2021), Измерение «цифровой» экономики и псевдоэффект технологического дуализма [Measuring the Digital Economy and the Pseudo-Effect of Technological Dualism] Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 14, № 6. С. 206–218.
14. Сухарев О.С. (2016), Теория реструктуризации экономики [Theory of Economic Restructuring] М.: Ленанд.
15. Шумпетер Й.А. (2007), Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. М.: Эксмо.
16. Antonelli, C., Gehringer, A. (2017), Technological change, rent and income inequalities: A Schumpeterian approach. Technological Forecasting & Social Change. Vol. 115. pp. 85–98.
17. Anyebe, A. A. (2022), Public Policy Studies, Overview. Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict (Third Edition). Vol. 1. pp. 149-159 <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820195-4.00225-9>

18. Triplett, J.E. (1999), The Solow productivity paradox: What do computers do to productivity? The Canadian Journal of Economics. Vol. 32. No. 2. pp. 310–334.
19. Sukharev, O.S. (2020), Structural analysis of income and risk dynamics in models of economic growth. Quantitative Finance and Economics. Vol. 4(1). pp. 1-18.

References

1. Abalkin, L.I. (2005), Russia: the Search for Self-determination. Essays. Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Bazarov, V.A. (2014), Selected Works. In 2 Vol. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa. (In Russian)
3. Glazyev, S.Yu. (2010), Russia's Advanced Development Strategy in the Conditions of the Global Crisis. Moscow: Economics. (In Russian)
4. Ivanov, V.V. (2022), New Science and Technology Policy. Economic revival of Russia. No. 3(73). pp. 24-28. (In Russian)
5. Ivanov, V.V., Malinetskii, G.G. (2016), Russia: XXI century. Breakthrough Strategy: Technology. Education. Science. Moscow: Lenand. (In Russian)
6. Kapitsa, S.P., Kurdyumov, S.P., Malinetskii, G.G. (2011), Synergetics and Forecasts of the Future. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)
7. Lvov, D.S., Glazyev, S.Yu. (1986), Theoretical and applied aspects of STP management. Economics and Mathematical Methods. No. 5. pp.793-804. (In Russian)
8. Mendelev, D.I. (2008), Knowledge of Russia. Cherished thoughts Moscow: Eksmo. (In Russian)
9. Perez, K. (2011), Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. Moscow: Ed. house «DELO». (In Russian)
10. Popov, E.V., Vlasov, M.V. (2012), Knowledge Institutes Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
11. Popov, E.V. (2011), Transactions. Ekaterinburg: IE Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
12. Stiglitz, J. (2020), People, Power and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian)
13. Sukharev, O.S. (2021), Measuring the Digital Economy and the Pseudo-Effect of Technological Dualism. Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Social and economic sciences. Vol. 14, No 6. pp. 206–218. (In Russian)
14. Sukharev, O.S. (2016), Theory of Economic Restructuring Moscow: Lenand. (In Russian)
15. Schumpeter, J.A. (2007), Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Eksmo. (In Russian)

16. Antonelli, C., Gehringer, A. (2017), Technological change, rent and income inequalities: A Schumpeterian approach. *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 115. pp. 85–98.
17. Anyebe, A.A. (2022), Public Policy Studies, Overview. *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict* (Third Edition). Vol. 1. pp. 149-159. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-820195-4.00225-9>
18. Triplett, J.E. (1999), The Solow productivity paradox: What do computers do to productivity? *The Canadian Journal of Economics*. Vol. 32. No. 2. pp. 310–334.
19. Sukharev, O.S. (2020), Structural analysis of income and risk dynamics in models of economic growth. *Quantitative Finance and Economics*. Vol. 4(1). pp. 1-18

Информация об авторе

СУХАРЕВ Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, профессор кафедры «Теория и методологии государственного и муниципального управления» факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация. E-mail: o_sukharev@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.01.2023. Одобрена после рецензирования: 23.01.2023. Принята к публикации: 14.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Oleg S. SUKHAREV, DSc (Econ.), professor, Chief Researcher of the Center for Socio-Economic Development Institutes of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: o_sukharev@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3436-7703>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 21.01.2023. Approved after peer review: 23.01.2023. Accepted for publication: 14.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

Политические науки

УДК 321; 342.51; 316.422.44

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-40-63](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-40-63)

Государственно-правовая политика в сфере научно-технологического и инновационного развития в российских регионах: проблемы и перспективы практической реализации

Василий Владиславович Трофимов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация
magistr.pocht@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования и реализации в субъектах Российской Федерации государственно-правовой политики в сфере научно-технологического (инновационного) развития. Отмечается потребность в планомерной и последовательной деятельности власти в области оптимизации инновационного климата в регионах. Раскрываются методологические основания исследования проблемы управления инновационной экономикой на региональном уровне. Оцениваются подходы к осуществлению управленческих задач в сфере научно-технологического развития субъектов Российской Федерации. Выявляются проблемы практической реализации заложенных в проектах и программах инновационного развития России целей и задач. Характеризуется нормативная основа осуществления мероприятий по инновационному развитию российских регионов. Предлагаются некоторые рекомендации, направленные на совершенствование и повышение эффективности государственно-правовой политики в сфере научно-технологического и инновационного развития в российских регионах.

Ключевые слова: право, государство, законодательство, регионы России, стратегии, программы, проектный метод, государственно-правовая политика, инновации, наука, технологии, научно-технологическое развитие

Для цитирования: Трофимов В.В. Государственно-правовая политика в сфере научно-технологического и инновационного развития в российских регионах: проблемы и перспективы практической реализации. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 40-63.

© Трофимов В.В.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-40-63](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-40-63)

State and Legal Policy in the Field of Scientific, Technological and Innovative Development in Russian Regions: Problems and Prospects of Practical Implementation

Vasily V. Trofimov

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation
iptgutv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

Abstract. The article considers the issue of formation and implementation in the subjects of the Russian Federation of state-legal policy in the field of scientific and technological (innovative) development. There is a need for systematic and consistent activity of the authorities in the field of optimization of the innovation climate in the regions. The methodological foundations of the study of the problem of innovation economy management at the regional level are revealed. The role of the project method of implementing management tasks in the field of scientific and technological development of the subjects of the Russian Federation is evaluated. The problems of practical implementation of the goals and objectives laid down in the projects and programs of innovative development of Russia are identified. The regulatory framework for the implementation of measures for the innovative development of Russian regions is characterized. Some recommendations aimed at improving and increasing the effectiveness of state legal policy in the field of scientific, technological and innovative development in the Russian regions are proposed.

Keywords: law, state, legislation, regions of Russia, strategies, programs, project method, state and legal policy, innovation, science, technology, scientific and technological development

For citation: Trofimov, V.V. State and Legal Policy in the Field of Scientific, Technological and Innovative Development in Russian Regions: Problems and Prospects of Practical Implementation. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 40-63.

Введение

Перед регионами России сегодня стоит очень непростая и вместе с тем принципиальная задача — обеспечить развитие и рост своих территорий (в широком смысле, включая население (улучшение его благополучия), инфраструктуру, производство, и пр.). В современной управленческой парадигме это осуществляется, главным образом, через механизм проектов, программ, стратегий, концепций, которые ориентируют не только на текущие задачи, но и на перспективу. При этом никто не отменяет насущный клубок экономических, политических, социальных и иных проблем, которых в настоящей жизни любого субъекта РФ немало, но решение их во многом обуславливается решением проблемы развития (роста), и именно на этом нужно стараться делать упор.

В этом, как представляется, и заключается значение стратегического планирования и программно-целевого подхода, чтобы, ориентируясь на будущие цели, в настоящем моменте решать задачи более эффективно, связывая с этими решениями приближение ожидаемого в перспективе результата, либо добиваться достижения тех уровневых показателей, с которыми более глобальные планы могут стать реалистичными. Этот стиль управления страной в целом и ее регионами при всех возможных дефектах и издержках в общем неплохо зарекомендовал себя на опыте различных стран. В некотором смысле это наиболее оптимальный и цивилизованный метод управления большими социальными системами. Кроме того, как справедливо замечают в своей книге, посвященной государству и регионам, В.Н. Лексин и А.Н. Швецов, это «тот законный путь решения некоторых региональных проблем, которым не только целесообразно, но и (что более важно) можно пользоваться», имея в виду также тенденцию «постепенного улучшения качества программ» (5, с. 293).

Иными словами, в любых документах стратегического планирования заложен важный стимулирующий посыл, благодаря которому движение становится более оптимальным и быстрым. В регионах, где часто наблюдается излишний консерватизм подходов и порой чрезмерная «осмотрительность» в связи с любыми изменениями и амбициозными проектами, роль таких документов (и связанных с ними подходов) нельзя недооценивать. Они подстегивают динамику деятельности властных и социальных структур. И стоит отметить, что на сегодняшний момент времени таких документов набирается очень внушительное число, при этом регионы вынуждены учитывать не только собственные «стратегии» подобного рода, но также — федерального центра.

Есть, наверное, и некий отрицательный момент от перманентного воспроизводства таких стратегий и прочих подобных документов в современной

практике: за масштабom всевозможных планов власть может упускать реальный перечень проблем, стремясь «уйти» от них в заоблачные высоты различных стратегий, зачастую, что называется, «для галочки» принимая решения, проводя те или иные мероприятия, осуществляя другие действия, имитируя во многом движение в рамках реализации «стратегий», «осваивая» большие объемы средств, при этом не предоставляя обществу (населению региона) качественных результатов. Так, В.Н. Лексин и А.Н. Швецов отмечают, что «лихорадка» программ 70-80 гг. XX в. во многом показала, как может быть искажена в целом благая идея программно-целевого метода, поэтому остается надеяться, что нынешнее «второе пришествие» принесет более ощутимые положительные результаты (5, с. 293-359). Эти аспекты, конечно, требуют контроля со стороны общественности, прокуратуры, правоохранительных органов и других профильных ведомств с тем, чтобы негативные проявления в рамках стратегических решений были минимальны, иначе это может девальвировать все благие начинания.

Приведем в качестве примера следующий перечень документов подобного рода, которыми определяются как общие контуры стратегического (проектного) подхода в управлении федерацией и ее регионами, так и конкретные стратегические направления:

- Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹.
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»².
- Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.»³.
- Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁴.
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы»⁵.
- Распоряжение Правительства РФ от 10.03.2006 № 328-р (ред. от 29.11.2014) «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”»⁶.

1 Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

2 Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

3 Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (часть II). Ст. 702.

4 Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

5 Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

6 Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1226.

- Региональные стратегии развития, например, в Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 4 июня 2018 г. № 246-З «О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года» (принят Тамбовской областной Думой 30 мая 2018 г.)⁷.

Как сегодня принято говорить, на современном этапе для Российской Федерации необходимы точки роста, фокусировка на которых способна будет повести за собой все иные сферы развития. Предметные области, определяемые в названных и других стратегиях и программах, и представляют собой те самые точки роста, обладающие «локомотивным» потенциалом. Об этих сферах и нужно рассуждать в первую очередь, констатируя либо результативность, либо нерезультативность осуществляемых здесь государственных и правовых мер.

Одной из таких точек роста (и, как показывает реальный опыт, далеко не беспроблемных) является сфера научно-технологического и/или инновационного развития Российской Федерации, подразумевая в этом случае не только общефедеральный, но и субъектный (региональный) уровень реализации данной стратегической линии государства.

Именно последний станет предметом основного внимания в статье, имея в виду, что Россия — это большая страна, и во многом сильна она своими разнообразными (в географическом, социально-экономическом, культурном планах) регионами. Это, соответственно, накладывает на региональный уровень особое бремя ответственности за качество и эффективность осуществляемой деятельности, в том числе в области научно-технологического и/или инновационного развития. С данной областью жизни страны, как известно, сегодня связываются весьма серьезные ожидания, так как развитие собственных (национальных) технологий и воспроизводство инноваций есть путь к достижению технологического суверенитета государства, без которого сложно говорить о возможности проведения самостоятельной политики как внутри государства, так и на международной арене.

Материалы и методы исследования

Проблема, поднимаемая в статье и имеющая отношение к изучению проблем и перспектив реализации государственно-правовой политики российских регионов в направлении развития науки, технологий, инноваций в социально-экономических целях, является комплексной и сложной, поэтому предполагает применение целого ряда разноуровневых и вместе с тем взаимосвязанных на почве рассмотрения единого предмета исследования методов научного поиска.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными и

⁷ Тамбовская жизнь (спецвыпуск). 15 июня 2018 г. № 40 (1888).

специально-научными методами, методами теоретического и эмпирического уровня. В ходе исследования сочетаются специально-юридические понятия и категории с категориальным аппаратом смежных наук (экономики и др.), применяются общенаучные (дедукция, индукция, синтез) и частнонаучные (прежде всего, юридические, а также экономические и др.) методы.

Особое место при рассмотрении заявленной проблемы отводится теории инновационной динамики как направлению исследований в экономической науке, связанному с выявлением факторов оптимизации экономического роста (28) на основе внедрения инноваций (1; 20), формально-юридическому (13) и инструментальному подходам в правоведении (18), связанными с изучением и анализом правовых текстов (в ходе подготовки материала научной публикации изучено и проанализировано несколько десятков законодательных актов федерального и регионального уровней), их построением, с пониманием потенциала юридических средств (стимулирующих, ограничительных, обеспечивающих и др.), с помощью которых решаются задачи государственно-правовой политики (21).

Одним из главных познавательных приемов выступает принцип системного исследования социальных явлений и процессов как структурно дифференцированной целостности (структурно-функциональный анализ). Структурно-функциональный анализ призван раскрыть и проанализировать активный, функциональный аспект сложных социальных систем, изучить и промоделировать сам процесс функционирования исследуемой экономико-инновационной системы на региональном срезе с учетом связи с правовым обеспечением и государственным сопровождением (19).

Особое значение в исследовании отводится методу логического конструирования целереализующей инновационной системы в региональной экономике и системы государственно-правовой политики в названной сфере как одному из ключевых факторов влияния на эффективность проводимых мероприятий.

Методологический ресурс непосредственно будет выражать и сама доктрина государственно-правовой политики (23): во-первых, высокий уровень концептуализации правовых решений и научного обоснования правовых нововведений; во-вторых, системность предпринимаемых правовых мероприятий; в-третьих, четкая ориентация на позитивный социально-юридический результат (7).

Комплекс предлагаемых научных методов и подходов позволяет всесторонне изучить и проанализировать вопросы проектирования государственно-правовой

политики в сфере инновационного (научно-технологического) развития российских регионов, проблемы и перспективы практической реализации проектных целей и задач в данном направлении.

Результаты исследования

Развитие страны в направлении инноваций можно считать крайне принципиальным, так как от этого, в конечном итоге, может зависеть будущее суверенное положение нашей державы в контексте мировых отношений. Интеллект сегодня рассматривается как главное орудие государства в острой конкурентной схватке за первенство и достойное место на международной арене. И именно в силу данной причины этому аспекту в разных странах в настоящее время уделяется особое внимание на государственном уровне. То же характерно и для современной России. В 2009 г. в Послании Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации довольно убедительно было сказано: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире» (11, с. 3). Закономерно, что одной из важнейших программных задач по управлению страной Президент Российской Федерации В.В. Путин видит именно этот аспект. «Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе» (16, с. 51).

Декларации о намерениях строить развитие экономики страны, прежде всего, на интеллектуальных инновационных разработках были сформулированы довольно давно (речь шла о так называемой «умной экономике», о пяти «И» — институты, инфраструктура, инновации, инвестиции, интеллект), говорить о том, что все цели достигнуты, а задачи решены, пока не приходится, в особенности, имея в виду региональный срез развития. (Для справки: Впервые о стратегии четырех «И» Д.А. Медведев, будучи первым заместителем Председателя Правительства РФ, высказался в феврале 2008 г. на V Экономическом форуме в Красноярске «Россия 2008–2020. Управление ростом» (9). Затем уже в рамках Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в ноябре 2008 г. им была добавлена пятая составляющая — интеллект (10)).

Российское государство с конца 1990-х гг. целенаправленно проводит курс

на усиление инновационной составляющей социально-экономической сферы жизни общества^{8,9,10,11,12}.

Федеральный уровень государственно-правовой активности в области оптимизации инновационного развития российского государства в относительном плане заметен. В правотворческом плане сделано немало необходимых шагов. Так, в частности, приняты и действуют: Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹³, которым определяются основные параметры научной деятельности и научной политики в Российской Федерации, регулируются отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции (редакцией данного закона от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» сформулированы понятия инновации и инновационной деятельности, а также смежные с ними понятия инновационного проекта и инновационной инфраструктуры¹⁴); Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»¹⁵ (законом определяется правовое положение наукоградов — муниципальных образований с градообразующим научно-производственным комплексом, в рамках которого осуществляются приоритетные для данного наукограда направления научной, научно-технической, инновационной деятельности); Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»¹⁶ (определяет возможности бизнес-структур осуществлять инновационные научные проекты в рамках деятельности центра); Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹⁷ (комплексный законодательный акт, регулирующий отношения между юридическими лицами,

8 Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998-2000 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 32. Ст. 3886

9 Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 30 марта 2002 г. № Пр-576) (Приложение № 2 к приказу Госстроя РФ от 3 июня 2002 г. № 92). URL: <http://base.garant.ru/12127915>

10 Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утв. Правительством РФ от 05.08.2005 № 2473 п – П 7). URL: <http://sci-innov.ru/law/base/586>

11 Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике при Министерстве образования и науки Российской Федерации (протокол от 15.02.2006 № 1)). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=101907>

12 Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.

13 Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

14 Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4602.

15 Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 15. Ст. 1750.

16 Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 4970.

17 Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

индивидуальными предпринимателями, органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления при формировании и реализации промышленной политики); Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁸ (регулирует отношения, возникающие при создании инновационных научно-технологических центров и обеспечении их функционирования в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации); и др.

Из числа подзаконных нормативных актов особо следует отметить утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 такой значимый в этой предметной области документ, как «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (далее — Стратегия НТР РФ), которым «определяются цель и основные задачи научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливаются принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области...» (п. 1)¹⁹. Также интерес представляет упоминавшееся выше Распоряжение Правительства РФ от 10.03.2006 № 328-р (ред. от 29.11.2014) «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”»²⁰; важен в плане рассмотрения проблемы и данный документ: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»²¹. Все это, по идее, должно задавать управленческий тон, как для федерального уровня властных полномочий, так и для уровня регионального, на котором пока сохраняются проблемы по части активной реализации целей научно-технологического (инновационного) развития.

Сегодня все более очевидно то, что основную инициативу как в части воспроизводства самой идеи научно-технологического развития Российской Федерации, так и в части ее практической реализации (в том числе на основе соответствующих правовых мер: правотворческих, административно-правовых и пр.) принимает на себя именно федеральный центр, регионы в этом смысле проявляют меньшую активность (по разным, в том числе «уважительным», причинам (нехватка финансов, демографические проблемы), но факт остается фактом). Один из видных специалистов в области региональной политики О.В. Кузнецова справедливо замечает, что обратиться к рассмотрению региональных аспектов федеральной инновационной политики заставляет «отсутствие сколь угодно явно выраженной инновационной составляющей непосредственно

18 Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4765.

19 Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

20 Собрание законодательства Российской Федерации. 13.03.2006. № 11. Ст. 1226.

21 Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

в региональной политике. Само по себе это можно считать негативной характеристикой региональной политики...» (4, с. 328).

Обсуждение результатов

Ситуация, при которой регионы следуют лишь в фарватере инновационной (научно-технологической) активности федерации, причем нередко имитируя деятельность по данной линии, естественно, нуждается в исправлении, в связи с тем, что от субъектов Российской Федерации в этом плане также немало зависит. Как верно отмечается в литературе: «Подсистемами национальной инновационной системы выступают отдельные регионы, поэтому устойчивое развитие национальной системы представляет, в некотором роде, совокупный результат развития каждого из них» (2, с. 135).

На уровне регионов должны изыскиваться возможности для осуществления более целенаправленной работы в этом направлении. Кстати, в Указе Президента РФ, утверждающем Стратегию НТР РФ, прямо указывается: «3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации при осуществлении своей деятельности в этой сфере, предусмотрев внесение необходимых изменений в государственные программы субъектов Российской Федерации»²².

В свою очередь, известный майский 2018 года Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина по национальным целям и стратегическим задачам в числе прочего дополнительно настойчиво обращается к проблеме научно-технологического развития России, поручая Правительству РФ обеспечить «ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа», причем эту работу по активному воздействию на инновационный сектор предписывается осуществлять «совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации»²³.

На уровне федерального законодательства определяется, что субъекты РФ призваны содействовать (главным образом, в формате поддержки и стимулирования) формированию инновационного (научно-технологического) климата в стране. Этот аспект четко обозначен в Федеральном законе Российской

²² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642). Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

²³ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20.

Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 1 ст. 16.2 «Субъекты и формы предоставления поддержки инновационной деятельности»), где в числе соответствующих субъектов непосредственно указаны российские регионы, которым закон рекомендует более активно влиять путем поддержки на данный сектор общественных отношений: «Государственная поддержка инновационной деятельности может осуществляться субъектами государственной поддержки, к которым относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, органы исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также соответствующие организации, через которые может осуществляться такая поддержка, либо способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». При этом к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации закон относит в том числе «право принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о поддержке инновационной деятельности; право принятия и реализации программ и проектов субъектов Российской Федерации, направленных на поддержку инновационной деятельности» (п. 2 ст. 16.3)²⁴.

Это говорит о том, что региональным властям отводится прямая прерогатива оказывать поддержку инновационной деятельности и разрабатывать в этих целях комплекс правовых и властно-управленческих решений / мероприятий, иными словами, на своем уровне осуществлять правотворческую политику в области инновационного развития субъектов Российской Федерации (26).

Все это позволяет более определенно двигаться к намеченным целям и достигать необходимые результаты. Вместе с тем, вопрос еще заключается в том, каким будет искомое движение, насколько оно будет оптимальным, динамичным. Очевидно, что решение задачи по активному переходу российского общества на вектор инновационного (целенаправленного научно-технологического) развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации, и на различных государственно-правовых уровнях (федеральном, региональном). Если с этих позиций вести речь о государственно-правовом сопровождении, то государственное управление и юридическое регулирование в этой области также должно отвечать признакам научной обоснованности, системности, планомерности, последовательности, предсказуемости, ожидаемой эффективности и пр.

К такому настрою правовой системы, всех ее основных и вспомогательных

²⁴ Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике"». Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4602.

компонентов, призван особый вид юридической деятельности, получивший в науке права название «правовая политика» (8; 6; 17), которая задает для юридической активности целый ряд критериев, важных ориентиров деятельности, или несколько шире — «государственно-правовая политика» как высококультурно организованный вид социально значимой деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработкой, принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой степени эффективности действия (23, с. 80).

При этом государственно-правовая политика рассматривается нами как более широкое явление по сравнению с правовой политикой, включающее наряду с собственно правовой политикой политику государственного управления, таким образом, выражая своего рода их функциональный синтез.

Синтез государственной (публично-властной) и правовой политики во многом объективно предначертан: проектируемые и принимаемые государственные (федеральные и региональные, на соответствующем уровне — также муниципальные) решения рано или поздно получают выражение в правовой форме. Вместе с тем, чтобы гармония государственных замыслов и права была очевидной и не случайной, необходимо четкое следование алгоритму компетентных действий, заложенному в формате государственно-правовой политики. Только в этом случае, пожалуй, можно рассчитывать на то, что задачи, стоящие перед современным социумом, могут быть решены своевременно, а имеющие место глобальные вызовы (как правило, угрожающего характера) будут нивелированы, общее развитие человечества будет переведено в позитивно-прогрессивное русло, в исомом развитии будет найден правильный вектор.

В комплексе это будет, на наш взгляд, выражать реализацию базовых элементов общего алгоритма государственно-правовой политики в современной России, то «рабочее состояние», при котором фундаментальные основания для ее проведения в виде правотворчества, государственного управления, учета роли науки и гражданского общества в этих процессах, оказываются приведенными в должную форму и могут быть работоспособными. То, что именно такой механизм действия крайне необходим в современных условиях (внутренних и внешних вызовов) очевидно, с его помощью станет возможным достичь так называемого «прорывного» роста для Российской Федерации.

Это непосредственно может быть отнесено к проблеме научно-технологического, в том числе инновационного развития России, что, собственно, мы и наблюдаем последние годы, замечая в федеральном законодательстве все

новые нормативные правовые акты, которые направляются на регулирование тех или иных аспектов инновационной и в целом научно-технологической практики современной жизни (22). Вместе с тем уже назрела пора более решительных мер в этой области, для реального достижения технологического суверенитета. Как обоснованно было отмечено Президентом РФ В.В. Путиным на XXV Петербургском международном экономическом форуме, «сквозной, объединяющий нашу работу принцип развития — это достижение настоящего технологического суверенитета, создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов. Нам нужно выстраивать все сферы жизни на качественно новом технологическом уровне и при этом быть не просто пользователями чужих решений, а иметь технологические ключи к созданию товаров и услуг следующих поколений»²⁵.

В этой связи право, как форма государственной политики должно предоставить все необходимые условия для более интенсивного развития науки, технологий, инноваций, инновационного предпринимательства в стране. Необходима целенаправленная государственно-правовая политика в сфере науки, технологий, инноваций. Только в этом формате допустимо в современных сложных условиях социально-экономического развития проводить правотворческие и иные мероприятия по воздействию на научно-технологический климат в стране, в том числе на уровне регионов (субъектов Российской Федерации), в особой степени — в плоскости поддержки и стимулирования инновационной активности.

Субъекты Российской Федерации не должны оставаться в стороне от воздействия на научно-технологическую, инновационную активность. Это притом, что на конституционном уровне у субъектов Российской Федерации, для того чтобы проявлять необходимую активность, формировать и проводить соответствующую инновационно-правовую политику, есть все необходимые возможности в виде тех предметов ведения и правовых полномочий, которые закреплены за субъектами Российской Федерации в Основном законе страны (ст. 72-73 Конституции Российской Федерации)²⁶.

Конституционные положения дают возможность проявлять довольно широкий творческий конструктивный подход к созданию системы правовых регуляторов для поддержки и стимулирования различных сфер региональной социально-правовой жизни, в том числе — в области научно-технологического, инновационного развития современной России. Однако эту возможность следует использовать умело и профессионально, в частности, в рамках правотворческой формы региональной

²⁵ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669>

²⁶ Конституция Российской Федерации 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ). Российская газета. 4 июля 2020 г. № 144.

инновационной правовой политики, где наиболее принципиальным шагом могла бы стать разработка специальных комплексных законов, регламентирующих вопросы государственной поддержки научно-технологического и инновационного развития в субъекте Российской Федерации. «Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, открытий, новых технологий» (12, с. 5). И пусть пока такого акта мы не наблюдаем на федеральном уровне, региональная инициатива здесь могла бы стать опережающей, что вполне характерно для федеративного государства.

В отдельных регионах такие акты уже существуют (Архангельская, Волгоградская, Орловская, Рязанская, Свердловская области и др.^{27,28,29}), однако они также не всегда близки к совершенству, не всегда имеют комплексный характер (ограничиваются рядом статей без четкого определения механизма поддержки инноваций в регионах). Вместе с тем, сам опыт подобного законотворчества следует более активно развивать и распространять по другим российским регионам.

Это было бы особо приемлемо, например, для Тамбовской области, где пока еще не в полной мере налажен инновационный климат (хотя для этого имеется серьезный потенциал (производственные заводские мощности, научные университетские кадры и пр.)). При этом нельзя сказать, что на Тамбовщине ничего в этом плане не осуществлялось. Нет, определенные меры предприняты, и некий регулятивный климат для рассматриваемой сферы в той или иной степени налажен. Так, еще с 2003 г. в Тамбовской области действует Закон от 25 апреля 2003 г. № 119-3 «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области»³⁰, который регулирует отношения между субъектами научной, научно-технической, инновационной деятельности и органами государственной власти Тамбовской области и направлен на реализацию государственной научно-технической политики, научной и инновационной деятельности, создание условий развития и функционирования субъектов научно-технической и инновационной деятельности на территории области, причем последней в законе нередко уделяется отдельное место.

По своей идеологии указанный региональный акт во многом воспринял логику

27 Закон Архангельской области от 29 октября 2012 г. № 567-34-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Архангельской области». Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2012. № 34.

28 Закон Орловской области от 5 июня 2015 г. № 1794-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области». Орловская правда. 09.06.2015. № 60.

29 Закон Рязанской области от 09 ноября 2012 года № 85-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Рязанской области». Рязанские ведомости. 10.11.2012. № 210.

30 Закон Тамбовской области «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» от 25 апреля 2003 г. № 119-3 (с изм. и дополн.). Тамбовская жизнь. 16.05.2003. № 96-98 (22790-22792).

федерального закона в области науки и научно-технической политики, который также помимо собственно аспектов регламентации научной и научно-технической деятельности включает в себя нормы, направленные на инновационный компонент. Но то, что такой синтетический подход проводится на общефедеральном уровне, вовсе не означает, что он безупречен. Интегрируя в одном законодательном акте несколько разные по природе общественные отношения (наука — это культурное достояние государства, которое следует поддерживать при любых условиях, инновации — это технологии, которые должны и могут быть коммерциализированы, т. е. получить промышленную применимость и рыночную привлекательность), порождаются проблемы реализации данного законодательства на практике и претензии к его эффективности, поэтому резоннее выводить законодательное регулирование инновационных отношений на отдельный самостоятельный уровень, приняв соответствующий специальный закон о поддержке инноваций на региональном уровне (не говоря уже об уровне федеральном). Кроме того, если обратиться к тексту закона Тамбовской области, можно в определенном смысле констатировать, что регулятивный механизм предоставления мер государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности мог быть прописан более отчетливо и детально.

В связи с этим, оправданным следует считать предпринимаемые властью тамбовского региона шаги по разработке проекта закона Тамбовской области «О государственной поддержке инновационной деятельности в Тамбовской области», который вносился на рассмотрение главой администрации области (законопроект был рассмотрен на специально организованном Межведомственном совете по научно-технической и инновационной политике Тамбовской области³¹, заседание которого состоялось 13 марта 2020 года³²). В этом смысле регион приближается к тем положительным примерам, которые встречаются в целом ряде других регионов Российской Федерации, и, думается, в определенном плане учитывает их опыт (правда, в какой мере, нужно смотреть внимательнее).

Предметом регулирования подобных комплексных законов в сфере инновационной деятельности могут становиться отношения по поводу государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности в регионах, которые возникают между субъектами Российской Федерации и государством в лице Российской Федерации, муниципальными образованиями, субъектами инновационной деятельности, включая субъекты инновационной

31 Северин Т. В Тамбовской области создан межведомственный совет по научно-технической и инновационной политике. URL: <https://www.tambov.gov.ru/news/archive/v-tambovskoj-oblasti-sozdan-mezhvedomstvennyj-sovet-po-nauchno-tehnicheskoi-i-innovacionnoj-politike.html>

32 Состоялось заседание межведомственного совета по научно-технической и инновационной политике области. URL: <https://urrtmbreg.ru/novosti/sostoyalos-zasedanie-mezhvedomstvennogo-soveta-po-nauchno-tehnicheskoi-i-innovacionnoj-politike-oblasti>

инфраструктуры (научно-технологические центры и пр.). Закон должен определять объекты, субъекты, направления, виды и формы государственной региональной поддержки инновационной деятельности, особенности отдельных видов и форм государственной региональной поддержки, порядок оказания поддержки субъектам инновационной деятельности в регионе, а также права и обязанности участников инновационных отношений в регионе.

Думается, такого рода кодифицированные акты регионов в сфере инноваций могут стать наиболее оптимальной формой законодательного регулирования инновационных отношений, четко определив правила взаимодействия между всеми участниками инновационных процессов.

Целесообразно на уровне каждого субъекта РФ иметь Стратегию инновационного (научно-технологического) развития (кстати, это было предусмотрено и федеральной Стратегией ИР до 2020 г.). Далеко не во всех регионах подобные Стратегии инновационного (научно-технологического) развития приняты. Однако есть и примеры положительного в этом отношении опыта. Так, отдельные регионы поняли необходимость планомерной реализации инновационного развития и разработали соответствующие стратегии (Томская область, Новосибирская область и др.) или концепции (Нижегородская область, Кемеровская область и др.).

Также не менее важно наладить как на общенациональном, так и на региональном уровне систему эффективной реализации принятых законодательных (правовых) положений в области регулирования инновационной деятельности. И это уже почва для проведения правореализационной политики в сфере научно-технологического (инновационного) развития. Основная ее цель — достижение на практике результатов правовой политики в области науки, технологий и инноваций (от принятых решений к их осуществлению). Должен быть создан такой действенный механизм, при котором с помощью правовых средств получали бы развитие инновационные идеи, новые технологии, научные разработки, инновационные проекты. Для этого, главным образом, следует сформировать качественные правовые основы функционирования инфраструктуры основных участников инновационных процессов и посредников, обеспечивающих создание научно-прикладных инновационных продуктов, финансовую и иную поддержку инновационных проектов (имеются в виду, прежде всего, корпорации, специализирующиеся на коммерциализации инновационных разработок, в том числе венчурные фирмы (в западных странах (США, Англия, Франция) венчурное предпринимательство является одной из развитых сфер экономики; именно в его рамках проводится основной массив инновационных разработок, которые затем внедряются в промышленное производство (3)), и пр.).

Еще одним значимым направлением работы, в том числе регионального масштаба, является правовое просвещение участников инновационных

отношений. Это должно осуществляться в рамках правообучающей формы государственно-правовой политики в сфере науки, технологий и инноваций. Ее целью является создание условий для эффективного воспроизводства научных кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании, подготовка кадрового состава специалистов в области инновационного права, а также обучение научных кадров соответствующим правовым компетенциям. Проведение правообучающей политики может быть связано с внесением корректив в систему юридического образования в части усиления учебно-методической составляющей, сопровождающей предметы инновационного цикла (право интеллектуальной собственности, право промышленной собственности и пр.), разработкой новых учебных курсов, отвечающих стратегии инновационного развития (например, курс подготовки патентных поверенных³³ и пр.).

Выводы

Отметим, что государственно-правовая политика субъектов Российской Федерации в сфере научно-технологического (инновационного) развития — это комплексная и, вместе с тем, специально ориентированная властная и, прежде всего, юридическая деятельность, направленная на организационное и правовое обеспечение процессов развития науки, технологий и инноваций (25; 24; 27). Все, что связано непосредственно с региональной государственно-правовой политикой в этой области общественных отношений (правотворчество, правореализация, правовое обучение), должно находиться в единой системе, быть внутренне согласованным, разрабатываться и проводиться в жизнь на основе глубокого научного обоснования, в рамках единой тактики и стратегии, взаимосвязанным образом осуществляться на федеральном и региональном уровнях. При этом регионы России не должны лишь двигаться в заданном из федерального центра фарватере действий, ими — на своем уровне — должны осуществляться активные действия (в рамках имеющихся возможностей) по инновационной модернизации социально-экономического комплекса, по созданию и применению новых технологий (или, как минимум, по подготовке соответствующих технологических прототипов, которыми может заинтересоваться федеральный центр). От этого во многом будет зависеть успешное решение задачи в сфере инновационного (научно-технологического) развития современной России, российских регионов, конструктивность перехода от стадии проектов (проектирования) создания

³³ Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных». Российская газета. 31 декабря 2008 г. Вып. № 4824.

инновационной экономики к стадии практической реализации, и одновременно — способность своевременного и адекватного реагирования Российской Федерации на существующие глобальные экономические и иные не менее серьезные вызовы.

Список источников

1. Базанкова Д.Н. (2011), Инновационная динамика: теоретический аспект [Innovative dynamics: theoretical aspect]. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4. С. 21-24.
2. Белякова Г.П., Кочемаскин А.Н. (2013), Проблема управления научно-технологическим развитием экономики России: соотношение национального и регионального уровней [The problem of managing the scientific and technological development of the Russian economy: the correlation of national and regional levels]. Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. № 7-1. С. 134-137.
3. Гаврилова Ж.Л. (2011), Государственное регулирование венчурного инвестирования: мировой и российский опыт [State regulation of venture investment: world and Russian experience]. Проблемы современной экономики. Вып. 3. С. 137-141.
4. Кузнецова О.В. (2015), Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности [Russia's Regional Policy: 20 years of Reforms and new Opportunities]. М.: ООО «Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
5. Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2014), Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития [State and Regions: Theory and practice of State regulation of territorial development]. М.: УРСС.
6. Малько А.В. (2012), Теория правовой политики: монография [Theory of legal policy: monograph]. М.: Юрлитинформ.
7. Малько А.В., Трофимов В.В. (2013), Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования [Legal Policy in Modern Russia: Problems of Doctrinal Understanding and Formation]. Государство и право. № 2. С. 5-13.
8. Малько А.В., Шундилов К.В. (2003), Цели и средства в праве и правовой политике [Goals and means in law and legal policy]. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. акад. права».

9. Медведев Д.А. (2008), Стенограмма выступления первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом» [Transcript of the speech of the First Deputy Prime Minister of Russia Dmitry Medvedev at the V Krasnoyarsk Economic Forum “Russia 2008-2020. Growth Management”]. Среднерусский вестник общественных наук. № 2 (7). С. 138–149.
10. Медведев Д.А. (2008), Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Среднерусский вестник общественных наук. № 4. С. 176-192.
11. Медведев Д.А. (2009), Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. № 8 (95). С. 1-12.
12. Медведев Д.А. (2009), Россия, вперед! [Go Russia!]. Экономика и управление. № 9 (47). С. 3-7.
13. Напалкова И.Г. (2018), Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма [The formal legal method as the basis of the methodology of legal positivism]. Философия права. № 3 (86). С. 7-12.
14. Плотников В.А., Федотова Г.В. (2013), Программно-целевой метод в управлении экономикой региона [Program-target method in the management of the region's economy]. Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 7 (145). С. 2-9.
15. Придворов Н.А., Трофимов В.В. (2012), Правообразование и правообразующие факторы в праве [Law-formation and law-forming factors in law]. М.: Норма: ИНФРА-М.
16. Путин В.В. (2012), О наших экономических задачах [About our economic tasks]. Вестник Российской нации. № 2-3 (22-23). С. 51-58.
17. Рудковский В.А. (2009), Правовая политика и осуществление права: монография [Legal policy and the exercise of law: monograph]. Волгоград: Волгоградская акад. МВД РФ.
18. Сапун В.А., Шундилов К.В. (2013), Инструментальная теория права и человеческая деятельность [Instrumental theory of law and human activity]. Правоведение. № 1. С. 14-32.

19. Системный подход в современной науке: (К 100-летию Людвига фон Берталанфи): Сб. ст. [A systematic approach in modern science: (To the 100th anniversary of Ludwig von Bertalanfi): Collection of articles]. Отв. ред.: И.К. Лисеев, В.Н. Садовский (2004), М.: Прогресс-Традиция.
20. Сухарев О.С. (2020), Шумпетеровская инновационная динамика в России [Schumpeter's Innovative dynamics in Russia]. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 3. С. 221-234.
21. Сырых В.М. (1980), Метод правовой науки. Основные элементы, структура [The method of legal science. Basic elements, structure]. М.: Юрид. лит.
22. Трофимов В.В. (2017), Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России [Problems of organization and implementation of law-making policy in the field of innovative development of Russia]. Государство и право. № 3. С. 5–14.
23. Трофимов В.В. (2018), Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации [State and Legal policy of Modern Russia: from doctrine to practice of implementation]. Правовая политика и правовая жизнь. № 3. С. 79-87.
24. Трофимов В.В. (2021), О выработке и проведении региональной правотворческой политики в сфере поддержки и стимулирования инновационной деятельности (на примере Тамбовской области) [On the development and implementation of regional law-making policy in the field of support and stimulation of innovation activities (on the example of the Tambov region)]. Актуальные проблемы государства и права. Т. 5. № 18. С. 253-270.
25. Трофимов В.В. (2019), Правовая политика в сфере научно-технологического развития современной России [Legal policy in the field of scientific and technological development of modern Russia]. Правовая политика современной России в условиях глобализации и регионализации. Под ред. А.В. Малько [Legal policy of modern Russia in the context of globalization and regionalization. Edited by A.V. Malko]. М.: ИГП РАН. С. 18-53.
26. Трофимов В.В. (2018), Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации правотворческой формы) [Regional level of state and legal policy in the field of innovative development of modern Russia (problems of implementation of the law-making form)]. Право интеллектуальной собственности. № 1. С. 37–41.

27. Трофимов В.В. (2021), Современная государственно-правовая политика в области инновационного развития России: общенациональный и региональный срезы (научный мониторинг общего состояния и некоторые планы на перспективу [Modern state and legal policy in the field of innovative development of Russia: federal and regional cross-sections (scientific monitoring of the general state and some plans for the future)]. Юридическая техника. № 15. С. 250-258.
28. Шумпетер Й. (2008), Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Theory of economic development. Capitalism, Socialism and democracy]; [предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева]. М.: Эксмо.

References

1. Bazankova, D.N. (2011), Innovative dynamics: theoretical aspect. Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. No. 4. pp. 21-24. (In Russian)
2. Belyakova, G.P., Kochemaskin, A.N. (2013), The problem of managing the scientific and technological development of the Russian economy: the correlation of national and regional levels. Economics and management: analysis of trends and development prospects. No. 7-1. pp. 134-137. (In Russian)
3. Gavrilova, J.L. (2011), State regulation of venture investment: world and Russian experience. Problems of the modern economy. Issue 3. pp. 137-141. (In Russian)
4. Kuznetsova, O.V. (2015), Russia's Regional Policy: 20 years of Reforms and new Opportunities. Moscow: ООО «Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian)
5. Leksin, V.N., Shvetsov, A.N. (2014), State and Regions: Theory and practice of State regulation of territorial development. M.: URSS. (In Russian)
6. Malko, A.V. (2012), Theory of legal policy: monograph. Moscow: YurLitinform. (In Russian)
7. Malko, A.V., Trofimov, V.V. (2013), Legal Policy in Modern Russia: Problems of Doctrinal Understanding and Formation. State and Law. No. 2. pp. 5-13. (In Russian)
8. Malko, A.V., Shundikov, K.V. (2003), Goals and means in law and legal policy. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratov. gos. akad. prava». (In Russian)
9. Medvedev, D.A. (2008), Transcript of the speech of the First Deputy Prime Minister of Russia Dmitry Medvedev at the V Krasnoyarsk Economic Forum "Russia 2008-2020. Growth Management". Central Russian Bulletin of Social Sciences. No. 2 (7). pp. 138-149. (In Russian)

10. Medvedev, D.A. (2008), Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. Central Russian Bulletin of Social Sciences. No. 4. pp. 176-192. (In Russian)
11. Medvedev, D.A. (2009), Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. Representative power — the XXI century: legislation, comments, problems. No. 8 (95). pp. 1-12. (In Russian)
12. Medvedev, D.A. (2009), Go Russia! Economics and management. No. 9 (47). pp. 3-7. (In Russian)
13. Napalkova, I.G. (2018), The formal legal method as the basis of the methodology of legal positivism. Philosophy of law. No. 3 (86). pp. 7-12. (In Russian)
14. Plotnikov, V.A., Fedotova, G.V. (2013), Program-target method in the management of the region's economy. Financial analytics: problems and solutions. No. 7 (145). pp. 2-9. (In Russian)
15. Pridvorov, N.A., Trofimov, V.V. (2012), Law-formation and law-forming factors in law. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian)
16. Putin V.V. (2012), About our economic tasks. Bulletin of the Russian Nation. No. 2-3 (22-23). pp. 51-58. (In Russian)
17. Rudkovsky, V.A. (2009), Legal policy and the exercise of law: monograph. Volgograd: Volgograd Academy. Ministry OF Internal Affairs of the Russian Federation. (In Russian)
18. Sapun, V.A., Shundikov, K.V. (2013), Instrumental theory of law and human activity. Jurisprudence. No. 1. pp. 14-32. (In Russian)
19. A systematic approach in modern science: (To the 100th anniversary of Ludwig von Bertalanfi): Collection of articles. Ed.: I.K. Liseev, V.N. Sadovsky (2004), Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russian)
20. Sukharev, O.S. (2020), Schumpeter's Innovative dynamics in Russia. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. No. 3. pp. 221-234. (In Russian)
21. Syrykh, V.M. (1980), The method of legal science. Basic elements, structure. M.: Yurid. lit. (In Russian)
22. Trofimov, V.V. (2017), Problems of organization and implementation of law-making policy in the field of innovative development of Russia. State and Law. No. 3. pp. 5-14. (In Russian)
23. Trofimov, V.V. (2018), State and Legal policy of Modern Russia: from doctrine to practice of implementation. Legal policy and legal life. No. 3. pp. 79-87. (In Russian)

24. Trofimov, V.V. (2021), On the development and implementation of regional law-making policy in the field of support and stimulation of innovation activities (on the example of the Tambov region). Actual problems of state and law. Vol. 5. No. 18. pp. 253-270. (In Russian)
25. Trofimov, V.V. (2019), Legal policy in the field of scientific and technological development of modern Russia. Legal policy of modern Russia in the context of globalization and regionalization. Edited by A.V. Malko. Moscow: IGP RAN. pp. 18-53. (In Russian)
26. Trofimov, V.V. (2018), Regional level of state and legal policy in the field of innovative development of modern Russia (problems of implementation of the law-making form). Intellectual property law. No. 1. pp. 37-41. (In Russian)
27. Trofimov, V.V. (2021), Modern state and legal policy in the field of innovative development of Russia: federal and regional cross-sections (scientific monitoring of the general state and some plans for the future. Legal technique. No. 15. pp. 250-258. (In Russian)
28. Schumpeter, J. (2008), Theory of economic development. Capitalism, Socialism and democracy]; [preface by V.S. Autonomov; translated from German by V.S. Autonomov, M.S. Lyubsky, A.Yu. Chepurenko; translated from English by V.S. Autonomov, Yu.V. Autonomov, L.A. Gromova, K.B. Kozlova, E.I. Nikolaenko, I.M. Osadcha, I.S. Semenenko, E.G. Solovyov]. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Информация об авторе

ТРОФИМОВ Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация. E-mail: magistr.pocht@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.02.2023. Одобрена после рецензирования: 27.02.2023. Принята к публикации: 17.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Vasily V. TROFIMOV, DSc (Law), Associate Professor, Professor of Department of theory and history of the law and state, Tambov Derzhavin State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: magistr.pocht@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 21.02.2023. Approved after peer review: 27.02.2023. Accepted for publication: 17.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

АРКТИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ

ОТВЕТСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
ДЛЯ УСТОЙЧИВОЙ
АРКТИКИ

2021–2023

АРКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ

Председательство в Арктическом совете перешло к **России** в мае 2021 г. В марте 2022-го западные страны-участники совета объявили о приостановке участия в любых мероприятиях объединения. Директор департамента развития Арктической зоны РФ и реализации инфраструктурных проектов Минвостокразвития России **Максим Даныкин**, в свою очередь, отмечает, что эффективность работы **не снизилась** и ситуация позволила переориентировать часть мероприятий на **внутреннюю повестку**, а также расширить территории, на которых проводятся мероприятия, в частности добавились **Чукотка, Камчатка, Томск, Ханты-Мансийск**.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья
УДК 316.42; 502.1+338.48
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-66-87](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-66-87)

Социологические науки

Тенденции социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и роль круизного туризма на Севморпути

Елена Анатольевна Гаджиева^{1а},
Дмитрий Викторович Севастьянов^{1б}

¹Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

^аe.gadzhieva@lengu.ru

^бecolim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-3679>

Аннотация. В статье обсуждаются перспективы социально-экономического развития территории Арктической зоны Российской Федерации и роль организации арктического туризма на Северном морском пути (СМП). Среди всех северных стран мира Россия имеет наибольшую длину береговой линии в арктических морях и крупнейший сектор прилегающего шельфа и акваторий морей Северного Ледовитого океана (СЛО). Показано, что по сравнению с соседними арктическими странами, в РФ потенциал освоения туристского пространства и развития арктического туризма используются далеко не в полной мере. Обсуждаются современные возможности и перспективы использования атомного ледокольного флота РФ для целей развития Арктической зоны РФ (АЗРФ). Рассматриваются перспективы совершенствования инфраструктуры портов в северных полярных районах и возможности развития Арктического круизного туризма на трассе СМП.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, стратегия развития, Северный Морской путь, инфраструктура, круизы, туризм, перспективы

Для цитирования: Гаджиева Е.А., Севастьянов Д.В. Тенденции социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и роль круизного туризма на Севморпути. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 66-87.

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-66-87](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-66-87)

Sociological sciences

Trends in the Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and the Importance of Cruise Tourism on the Northern Sea Route

Elena A. Gadzhieva^{1a},
Dmitry V. Sevastyanov^{1b}

¹Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation

^ae.gadzhieva@lengu.ru

^becolim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-3679>

Abstract. The article discusses the prospects of socio-economic development of the territory of the Arctic zone of the Russian Federation and the role of the organization of Arctic tourism on the Northern Sea Route (NSR). Among all the northern countries of the world, Russia has the longest coastline in the Arctic seas and the largest sector of the adjacent shelf and waters of the seas of the Arctic Ocean (SLO). It is shown that, in comparison with neighboring Arctic countries, the potential of the development of tourist space and the development of Arctic tourism in the Russian Federation is far from being fully used. The current possibilities and prospects of using the nuclear icebreaker fleet of the Russian Federation for the development of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) are discussed. The prospects of improving the infrastructure of ports in the northern polar regions and the possibilities of developing Arctic cruise tourism on the NSR route are considered.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, development strategy, Northern Sea Route, infrastructure, cruises, tourism, prospects

For citation: Gadzhieva, E.A., Sevastyanov, D.V. Trends in the Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and the Importance of Cruise Tourism on the Northern Sea Route. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 66-87.

Введение

Актуальной задачей современного социально-экономического развития Арктической зоны РФ (АЗРФ) является учет современной специфики внутреннего и въездного туризма в России. В настоящее время наблюдается активизация освоения туристского пространства северных регионов страны. Анализ сложившейся в постсоветское время ситуации в Арктике показывает, что северные полярные регионы, особенно на северо-востоке страны, пока еще слабо освоены экономически, в них отмечается недостаток постоянного населения и рабочих мест, и они мало используются в экономической и туристско-рекреационной деятельности страны. В связи с этим, важным документом, касающимся перспектив социально-экономического развития и организации туризма в АЗРФ, стал Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹. В новом Указе Президента, по сравнению с аналогичным документом от 2014 г.², сохраняются актуальные задачи стратегического развития АЗРФ и Арктического туризма на Северном морском пути (СМП), расширен перечень подпрограмм, заложены меры по стратегии организации охраны и обороны северных рубежей нашей страны и меры государственной поддержки строительства на территории РФ ледокольных и круизных судов нового арктического ледового класса. Важно отметить, что запланированы мероприятия, направленные на создание туристской инфраструктуры в портах на территории Арктической зоны РФ. В частности, в стратегические планы дальнейшего освоения Арктики входит: ... «развитие единой транспортной системы в качестве национальной морской магистрали, ориентированной на круглогодичное функционирование Севморпути и тяготеющих к нему речных и железнодорожных коммуникаций, а также сеть аэропортов». Кроме того, в планах предусмотрено ... «развитие арктического туризма и расширение экологически чистых видов туристической деятельности в Арктике, содействие региональным туристическим кластерам и продвижение арктического туризма на национальные и международные рынки»³.

1 Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://government.ru/news/432/>

2 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации с 2014 до 2020 г. URL: <http://government.ru/news/432/>

3 Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: <http://government.ru/news/432/>

Материалы и методы исследования

В основу статьи положен обзор опубликованных материалов, отражающих тенденции социально-экономического развития АЗРФ. Анализируются материалы СМИ о современном состоянии освоения Арктической зоны РФ, о перспективах развития арктического флота, Северного морского пути и инфраструктуры полярных портов России. Основными задачами нашего исследования является обобщение существующих в открытой печати материалов о современных направлениях экономического и социального развития полярных регионов страны и выявление современных тенденций освоения ресурсов Арктического пространства в целях совершенствования экономической, социальной и туристской деятельности в Арктической зоне РФ. Использованы статистические материалы отечественных и зарубежных источников, отражающие современное состояние и тенденции в развитии территориальной организации арктических пространств и в управлении региональным развитием на основе теории формирования «полюсов роста». Особое внимание уделено современным направлениям развития морского транспорта и туристско-рекреационной деятельности в арктических регионах РФ. В качестве теоретических основ исследования использованы научные труды по проблемам Арктики. Опорной информационной базой исследования послужили данные Росстата и Ростуризма.

Результаты исследования и обсуждение

Социально-экономическое и туристско-рекреационное значение АЗРФ и СМП

В XXI веке повышенный интерес к Арктике обусловлен не только добычей природных ресурсов, но и потребностями развития транспортных коммуникаций и перспективами развития международного круизного и экологического туризма. Всё это создает основу для более эффективного экономического и этнокультурного развития АЗРФ, а также для современного освоения туристского арктического пространства на основе использования территорий ООПТ — Национальных парков и заповедников Арктики и расширения сферы круизного туризма по СМП (1). Кроме того, Арктический регион объединяет территории и акватории стран, имеющих выход к Северному Ледовитому океану (СЛО). Эти страны заинтересованы в использовании природных ресурсов арктического региона и образовали основу Международного Арктического Совета, объединяющего их научные, экономические и оборонные интересы. Обладание крупнейшим мире Арктическим сектором (территорией и акваторией), имеет важное стратегическое значение для России. По арктическим широтам проходит почти 16 тысяч километров государственной границы Российской Федерации, требующей охраны (11).

По географическому положению, Россия — северная, арктическая страна, имеющая самый широкий сектор выхода к Северному Ледовитому океану (СЛО) от западной до восточной точек территории и наибольшую площадь арктических и полярных ландшафтов в мире. Присутствие нашей страны в Арктике обусловлено не только географическими, но также историческими, научными, экономическими и стратегическими оборонными причинами. В настоящее время охрана северных границ страны и рациональное использование природных ресурсов Арктики — задача государственной важности. Планируемое на ближайшие годы возрождение судоходства по арктическим морям и новое освоение Северного морского пути (СМП) на основе расширения атомного ледокольного флота, строительства новых портов и расширения туристского пространства на побережье северных морей будет способствовать укреплению экономики, как арктических регионов РФ, так и всей страны в целом (5). В планах стратегического развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) до 2035 г. заложено формирование современной инфраструктуры следующих обновленных северных территориальных образований: 1.Кольская, 2.Архангельская, 3.Ненецкая, 4.Воркутинская, 5.Ямало-Ненецкая, 6.Таймырская, 7.Северо-Якутская, 8.Чукотская. (Рисунок 1). Таким образом, планируется модернизировать 8 опорных зон на базе существующих ядер будущего социально-экономического развития Арктики. Причем, как указано в упомянутых выше правительственных документах, предполагается создание особых «территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательства, в том числе и туристско-рекреационной деятельности»⁴.

Рисунок 1. Опорные зоны развития Российской Арктики (2)
Figure 1. Supporting zones for the development of the Russian Arctic (2)

⁴ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации с 2014 до 2020 г. URL: <http://government.ru/news/432/>

Примечательно, что в 2022 г. наша страна отметила 90-летие организации Северного морского пути (СМП). В 1932 г. в СССР было учреждено Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть, ГУСМП). С этого времени началась эпоха экономического освоения Арктики, развернулось строительство портов по всей трассе СМП, заработала кратчайшая трасса между Баренцевым и Японским морями. Активно развивалось каботажное плавание и северный завоз в населенные пункты, расположенные в долинах крупнейших сибирских рек. Следует отметить, что русские поморы еще в средние века осуществляли плавания по арктическим морям, а на рубеже XVI-XVII вв. основали заполярный город – «златокипящую Мангазею» в Тазовской губе Карского моря. Великая северная экспедиция, отправленная Петром Великим в 1733-34 гг. прошла вдоль побережья СЛО, затем, в 1878-1880 гг. шведский исследователь А. Норденшельд доказал, что этот маршрут может быть судоходным. В 1914-15 гг. маршрутом по СМП на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» прошел Б. Вилькицкий. Но только в 1930-е годы XX в. начались регулярные плавания по СМП. В 1932 г. по трассе СМП на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» прошла первая экспедиция под руководством О.Ю. Шмидта. За одну навигацию удалось пройти по северным морям от Архангельска до Берингова пролива. Затем состоялась научная экспедиция на пароходе неледокольного класса «Челюскин» (1933-1934 гг.) и выполнено сквозное плавание с востока на запад на ледорезе «Литке» (1934 г.). Совершен героический дрейф экипажа ледокола «Георгий Седов», зажатого льдами (1937-1940 гг.). Наконец, была организована первая научная дрейфующая арктическая станция «Северный полюс - 1» под руководством И.Д. Папанина (1937-1938 гг.). В годы Великой Отечественной войны по Северному морскому пути успешно осуществлялась проводка боевых кораблей и торговых судов Тихоокеанского флота в Баренцево и Белое море. Защиту арктических коммуникаций и организацию морских конвоев обеспечивал Северный флот СССР (3).

Важным этапом послевоенного освоения Севморпути было активное развитие ледокольного флота СССР и строительство первого атомного ледокола «Ленин», который начал свою полярную вахту в 1960 году. Вслед за ним появилась линейка атомных ледоколов позволивших в 1978 г. начать регулярные транспортные морские перевозки по СМП караванами из двух ледоколов и нескольких грузовых судов. Но, если водные пространства арктических морей, особенно в западном секторе Арктики, были уже освоены в годы СССР, то полноценное использование Восточной Арктики становится возможным только в наши дни. В настоящее время, на Крайнем Севере проживают более 20 миллионов россиян, а СМП вновь становится по-настоящему национальной единой транспортной коммуникацией (5). Поэтому для России как морской державы, имеющей самый крупный арктический сектор и выход к акваториям 7 северных морей, объективно существует экономическая целесообразность и

благоприятные перспективы для возобновления транспортного использования СМП и обеспечения его безопасности. При этом планируется государственная поддержка развития современного ледокольного флота РФ, организация круглогодичного торгового судоходства и международного круизного арктического туризма (16).

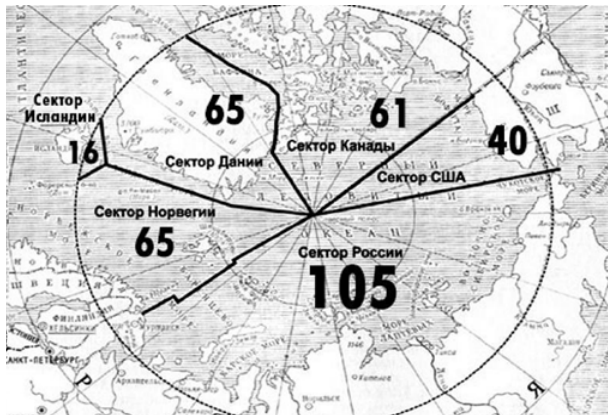
Целесообразно отметить, что в 1996 г. государствами, имеющими выход к СЛО – (Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада, Королевство Дания, Исландия, Королевство Норвегия, Королевство Швеция, Финляндская республика, Республика) – был основан Арктический совет (Arctic Council), включающий 8 членов и 13 неарктических государств в качестве наблюдателей. Целью создания Арктического совета было совместное регулирование норм судоходства и природопользования в арктических широтах и решение других проблем, связанных с Арктикой. Северная полярная область мира, в настоящее время, имеет большое значение для экономического развития арктических государств, поскольку регион имеет значительный природно-ресурсный потенциал. Исходя из этого, экономики стран, входящих в Арктический совет ориентированы преимущественно на развитие добывающих отраслей природопользования в этом регионе мира. Это, в свою очередь, определяет необходимость совершенствования транспортной инфраструктуры, обеспечивающей вывод добываемого сырья. Для России, в современных условиях санкционного давления на нее и обострившейся конкуренции со странами Запада, назрела объективная необходимость смены вектора развития сотрудничества на другие страны мира. Наиболее благоприятным направлением для этого является новое «переосвоение Российской Арктики» и создание развитого логистического коридора по СМП на восток (8). Не случайно в отчетном докладе Госдуме «О работе Правительства РФ в 2022 г.», председатель правительства М. Мишустин отметил, в частности, что ... «в условиях санкционного давления на РФ задача развития Северного морского пути становится одним из ключевых государственных приоритетов. При этом, за порядок организации движения судов в акватории Севморпути будет отвечать госкорпорация «Росатом», в ведении которой находится уникальный отечественный ледокольный флот»⁵. При этом следует подчеркнуть, что Госкорпорация «Росатом» уже практически участвует и в строительстве новых судов, и в обеспечении безопасности судоходства на СМП, и в обслуживании морских портов на трассе СМП, подключается к организации космического мониторинга экологического состояния арктических акваторий и к созданию наземной сети гидрометеорологического обеспечения навигации в арктических морях РФ. По данным корпорации Росатом, в 2022 г., грузооборот в российской Арктике составил уже 33,8 млн т., а к 2035 г. планируется перевозить по СМП до 220 млн т. в год. Чтобы это стало возможным, ледокольный флот к

5 Стенограмма отчета М. Мишустина в Государственной думе 22.12.2022. URL:<https://rg.ru/stenogramma-otchet-mihaila-mishustina-v-gosdume-o-rabote-pravitelstva.html>

2030 году планируется увеличить до 17 ледоколов. Кроме того, по данным СМИ, на отечественном дальневосточном судостроительном комплексе «Звезда» заложена серия из 12 крупнотоннажных танкеров ледового класса ICE-1A, дедвейтом 114 тыс. тонн. Три танкера из этой серии уже спущено на воду (18).

По данным Росстата, Российский Север даёт 15–20% суммарного ВРП федерального бюджета. Здесь добывается 72% всей нефти и газового конденсата, 93% естественного газа, практически все алмазы, заготавливается 37% деловой древесины. В арктических и северных регионах РФ производится добыча основной части цветных и редких металлов, золота и многих других важных видов продукции, обеспечивающих в совокупности до 60% экспорта страны. По СМП транспортируется 90% никеля и свыше 65% меди, добываемых в Арктической зоне РФ (АЗРФ). Вклад Арктической зоны в суммарный экспорт России по СМП составляет почти 25% (5; 12). Арктический сектор России, по сравнению с другими секторами, обладает крупнейшими запасами полезных ископаемых, в том числе около 105 млрд. т. условного топлива (Рисунок 2).

Рисунок 2. Сектора Арктики и запасы углеводородов (5)
Figure 2. Sectors of the Arctic and hydrocarbon reserves (5)

В настоящее время, в условиях глобального потепления климата и смягчения ледовой обстановки в арктических морях, иностранные компании стран-членов ШОС, БРИКС, стран Азиатско-Тихоокеанского региона проявляют растущий интерес к Арктике, к организации сотрудничества с Россией в высоких широтах, выражают заинтересованность в использовании возможностей навигации по СМП для международной торговли. Известно, что использование морской трассы из Восточной Азии в Европу через Северный Ледовитый океан позволяет сократить

транспортные расходы на 30-40% по сравнению с традиционной трассой, проходящей через Малаккский пролив, Суэцкий канал и Средиземноморье. Особый интерес к использованию транзита по СМП в последние годы проявляет Китай (12). В 2013 г. Китай стал членом-наблюдателем в Арктическом совете. Затем построил полярную станцию «Хуанхэ чжань» в посёлке Нью-Олесунн на архипелаге Шпицберген, откуда предполагается развивать и круизный арктический туризм. В том же году китайский сухогруз «Йонг Шенг» вместимостью 19 000 т, принадлежащий компании COSCO, доставил товары из порта Далянь в голландский Роттердам, став первым в XXI в. коммерческим рейсом из Азии в Европу, совершенным через арктический регион по СМП. В последующие годы Китай активно осваивал Арктическую зону. В мае 2015 г. Президент России Владимир Путин и глава КНР Си Цзиньпин подписали совместное заявление РФ и КНР по сопряжению проектов Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс — один путь», который превращает Евразийский экономический союз в центр большого партнерства между Москвой и Пекином. При этом СМП получает статус «ледового шелкового пути» для использования в планах расширения международной торговли Китая и становится важным направлением развития экономических контактов РФ и КНР. В 2018 году компания COSCO, совершила восемь транзитных проходов торговых судов через Арктику между Европой и Китаем, а к 2020 г. КНР перевела на полярную трассу уже до 16% процентов своих экспортных перевозок по трассе СМП при помощи российских ледоколов (Рисунок 3). Планируется дальнейший рост товарооборота по трассе СМП между КНР, странами Юго-Восточной Азии и РФ (6; 11).

Рисунок 3. Основные порты РФ на трассе Севморпути (10)

Figure 3. The main ports of the Russian Federation on the Northern Sea Route (10)

В то же время, возобновление работы Севморпути и «переосвоение арктических территорий» обозначено руководством нашей страны как приоритетная и стратегическая национальная цель. Об этом свидетельствует пакет нормативных государственных актов и стратегических документов, принятых за последнее время. Например, в 2022 г. спущено на воду и начинает научную деятельность в Арктических морях новое исследовательское судно «Северный полюс» - ледостойкая самодвижущаяся платформа, предназначенная для продолжения российских исследований состояния арктических льдов и течений в СЛО, для обеспечения гидрометеорологической информацией навигации по СМП (18).

Необходимо отметить, что по открытым данным СМИ, уже начато проведение реконструкций устаревших портов Дудинка, Диксон, Тикси, Певек и Провидения на полярной трассе СМП. В частности, таковым является Федеральный проект «План развития Северного морского пути до 2035 года», согласно которому в ближайшие 13 лет в инфраструктуру СМП планируется вложить около 1,8 триллиона рублей для обеспечения природоохранных и инфраструктурных мероприятий в условиях «разворота логистики АЗРФ на восток» и обеспечения выхода России к странам Юго-Восточной Азии. Восстановление портов по трассе СМП, как очагов социального развития и инфраструктурных объектов, необходимо для полноценного обеспечения навигации по суровой полярной трассе и обеспечения «Северного завоза», а также и для привлечения необходимых инвесторов в этот регион. Эта трасса соединит европейские и дальневосточные порты, а также устья судоходных сибирских рек в единую транспортную систему, даст новый импульс развития восточным регионам России (7; 9).

При этом, как отмечают эксперты, главными целевыми показателями являются: развитие атомного ледокольного флота и портовых сооружений; обеспечение к 2024 году грузооборота по СМП до 80 млн. тонн; организация к 2030 году регулярной круглогодичной навигации от Баренцева до Чукотского и Охотского морей и развитие Арктического круизного туризма на СМП. (8; 16, с. 48)

В настоящее время важнейшее значение для совершенствования транспортной системы на СМП приобретает развитие атомного ледокольного флота и обеспечение круглогодичной проводки грузовых караванов судов на постоянной основе. Это открывает новые горизонты развития портов на побережье арктических морей и круизного туризма вдоль СМП. В течение последних лет на верфях РФ идет активное строительство ледоколов и судов ледового класса, приспособленных для плавания в морях СЛО. Принятый в эксплуатацию в Мурманске в октябре 2020 г. новый атомный ледокол «Арктика» стал головным в серии из пяти ледокольных судов, построенных на Балтийских верфях в Санкт-Петербурге. Ледокол «Арктика» уже успешно осуществляет проводку танкеров-газовозов в арктических морях.

Другие ледоколы этой серии — «Сибирь», «Урал» и «Якутия» тоже уже введены в эксплуатацию. Ледокол «Чукотка» будет сдан в 2026 г. Эти ледоколы способны преодолевать льды толщиной до трех метров и предназначены для обеспечения круглогодичной навигации и проводки по СМП грузовых судов, в том числе с углеводородным сырьем с месторождений Ямальского, Гыданского полуостровов и с шельфа Карского моря на российский Дальний Восток и в страны Юго-Восточной Азии. За счет изменяемой осадки корпуса они способны заходить в относительно мелководные заливы и обеспечивать снабжение населенных пунктов на трассе СМП в устьевых частях крупных северных рек. Эти ледоколы в ближайшее время смогут проводить караваны судов в арктических морях и обеспечивать проводку судов в устья сибирских рек в целях снабжения северных поселений. (16, с. 45).

Таким образом, можно отметить положительные тенденции развития отдельных отраслей хозяйства в северных регионах России. Особенно это касается роста экономических показателей в горнодобывающей и лесной промышленности и транспортировке грузов по СМП. Однако, нельзя забывать, что на фоне обостряющейся борьбы за ресурсы Арктики экологический фактор приобретает особое значение для обеспечения стратегических национальных интересов и устойчивого социально-экономического развития северных территорий РФ. Поэтому для всех видов природопользования в Арктике и обеспечения устойчивого социально-экономического развития севера азиатской части территории России необходимым условием является внедрение во все отрасли хозяйства экологического императива. В условиях современных изменений климата это является важнейшим условием для сохранения наземных экосистем и биоразнообразия в Арктике (17, с. 31). В связи с этим, на XII Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее», состоявшемся 8-9 декабря 2022 г. в Санкт-Петербурге, особое внимание было уделено природоохранным мероприятиям на трассе Северного морского пути. Специальный представитель Президента РФ по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта - Сергей Иванов, отметил, что Минприроды России должно разработать жесткие экологические критерии судоходства по Северному морскому пути, «которые должны быть самыми жесткими в мире, с учетом специфики суровых природных условий Арктики. Экология должна быть на первом месте, все остальное вторично»⁶.

Следовательно, в современных геополитических условиях организация рационального природопользования и дальнейшее освоение ресурсов в АЗРФ должна базироваться на экологическом императиве, учитывать актуальные проблемы изменений климата, необходимость охраны природных ресурсов от загрязнений и истощения биоразнообразия. В этой связи расширение ледокольного

6 XII Форум Арктика: настоящее и будущее. 2022. СПб. <https://www.forumarctic.com/conf2022/>

флота России и использование СМП для организации круглогодичной навигации и ледовой проводки транспортных караванов, продолжение реконструкции инфраструктуры портов должно сопровождаться мониторингом окружающей среды и особыми природоохранными мероприятиями на этой арктической трассе (14). Несомненно, важным достижением в энергообеспечении районов северо-востока РФ, при сокращении антропогенной нагрузки на природу региона восточной Арктики, стало введение в эксплуатацию в мае 2020 г. первой плавучей атомной тепловой электростанции (ПАТЭС) «Академик Ломоносов», которую доставили и установили в порту Певек на Чукотке. Плавучая атомная электростанция состоит из Плавучего энергоблока (ПЭБ) общей мощностью 70 МВт и береговой инфраструктуры⁷. Эта станция предназначена для выработки электрической и тепловой энергии и может быть использована для опреснения морской воды. Кроме того, она заменит действующую угольную ТЭЦ в Певеке и послужит повышению качества окружающей среды, что, безусловно, станет не только фактором развития социальной инфраструктуры города Певек, но может стать популярным туристским объектом при организации круизов по СМП (4, с. 170).

На основании выполненного обзора можно отметить, что в Государственных планах современного развития АЗРФ предусматривается не только освоение богатых сырьевых природных ресурсов Арктических регионов, но и активное развитие транспортной и туристской инфраструктуры на трассе Севморпути. Не вызывает сомнения, что создание современного централизованного и эффективного транспортного комплекса в Арктике, включающего развитую инфраструктуру городов и портов по трассе СМП, уже в ближайшие годы может послужить экономической основой и драйвером развития арктического круизного туризма, который будет важным дополнительным фактором социального развития опорных территорий АЗРФ (7; 9).

СМИ отмечают, что в настоящее время экономическое «переосвоение» Арктики сопровождается изменением представлений не только о логистических возможностях и транспортном значении и СМП, но и о туристском потенциале этого труднодоступного региона. Возросший интерес туристов к Северу России и рост посещений арктических территорий иностранными и отечественными туристами в наше время основывается на их стремлении увидеть суровую первозданную природу. Становится всё более популярной история географических открытий в Арктике, пути освоения российскими первопроходцами морских пространств и территорий арктических островов, создание на Русском севере первых морских судов – кочей – для плаваний во льдах, устройство первых поморских поселений в заполярье для добычи морского зверя и полезных ископаемых. Всё

7

Вся правда о ПАТЭС, 2020. URL: <https://murmansk.travel/news/6670>

это представляет собой существенный познавательный интерес при организации круизных туристских путешествий к Северному полюсу и по морям Российской Арктики. Круизный туризм – это современные комфортабельные путешествия на водном транспорте, включающие морские, речные и береговые экскурсии туристов, с осмотром природных достопримечательностей на территориях Национальных парков и других ООПТ, с посещением портовых городов по курсу судна, а также разнообразные развлечения на борту круизных судов. В последние десятилетия в Арктическом бассейне активизируются не только добыча полезных ископаемых, но и строительство ледоколов и судов ледового класса. По данным Единой Межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС, 2022) морские грузовые транспортные перевозки из портов Мурманск, Архангельск, Сабетта по морям СЛО возрастают из года в год. Современный объём грузового транзита через СМП с 2014 по 2022 г. вырос в 9 раз и оценивается в 33,8 млн.т. (18, с. 40).

Круизный туризм на Севморпути – важное направление «переосвоения» Арктики

По планам развития к 2035 г. грузооборот может увеличиться на порядок и более, включая новые туристские круизные рейсы по СМП. При этом, и Арктический круизный туризм находит экономическое обоснование в новых программах комплексного хозяйственного освоения природных ресурсов в АЗРФ и на Севморпути, в частности. В настоящее время, одним из существенных факторов развития морского порта Мурманск является рост популярности арктического морского туризма. Кроме того, важным преимуществом этого региона является то, что порт Мурманск включен в перечень портов России, через которые допускается въезд в нашу страну иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Российскую Федерацию в туристических целях на круизных судах и пассажирских паромов. Отметим, что в течение последних двух десятилетий отечественный круизный Арктический туризм наиболее активно развивается лишь в западном, Баренцевоморском регионе, на основе незамерзающего порта Мурманск (10). Созданная в 1999 г. турфирма «Poseidon Arctic Expeditions», помимо привлечения атомных ледоколов Росатомфлота РФ («50 лет Победы» и «Ямал»), использует и малые экспедиционные суда для проведения туристских морских круизов к архипелагам Шпицберген и к Северному полюсу, с посещением НП «Русская Арктика» и островов Земли Франца Иосифа (ЗФИ). Эти круизы к Северному полюсу и к Новой Земле, где расположен НП «Русская Арктика», на специально оборудованных атомных ледоколах «50 лет Победы» и «Ямал», с высадкой «экологических десантов» на острова ЗФИ, организуются ежегодно и пользуются

растущей популярностью у зарубежных туристов. Однако, число туристов, посетивших острова крупнейшего заполярного НП «Русская Арктика», по сравнению с Гренландией или Шпицбергом пока невелико, и за последние 10 лет составило суммарно 10-12 тыс. человек (Таблица 1).

Таблица 1. Динамика посещения туристами НП «Русская Арктика»
Table 1. Dynamics of visiting of «Russian Arctic» National Park by tourists

Динамика посещения туристами НП «Русская Арктика» (18, с. 33)										
Годы посещения	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество туристов	865	1005	636	738	1225	954	1142	1079	1306	1205

При этом, среди круизных туристов, путешествующих на атомных ледоколах к Северному полюсу и НП «Русская Арктика», преобладают иностранные граждане (80-90%). В смешанных круизных рейсах в Северному полюсу до 30% составляют китайские туристы. Российских туристов сравнительно мало. Стоимость таких круизных туров на 8-10 дней составляет от 1,5 до 2,2 млн. руб., на 13-14 дней – до 2,5 млн. руб. (15, с. 33).

Таким образом, в течение последних 10 лет функционирования НП «Русская Арктика» его ежегодно посещают в среднем около тысячи туристов. В то же время норвежский «Шпицберген» посещает несколько десятков тысяч туристов в туристический сезон, что свидетельствует о рентабельности арктического круизного туризма. Однако, в российских условиях, по сравнению со сверхприбылями нефтегазового комплекса при условиях преимуществ полярной логистики в западном секторе Арктики, экономическая выгода от реализации арктического круизного туризма выглядит достаточно скромно. Вместе с тем, северный полярный регион привлекает внимание китайских экспертов, высоко оценивающих его туристский потенциал. Это подтверждается и тем, что на протяжении последних 10 лет граждане КНР ежегодно путешествуют к Северному полюсу. Групповые туры организуют пекинская компания «Полярные красоты» (кит. Цзи чжимэй) совместно с международным агентством «Poseidon Arctic Voyages». Для круизов чаще всего используется российский атомный ледокол «50 лет Победы». По данным сотрудников «Poseidon Arctic Voyages», китайские партнеры готовы фрахтовать ледокол более, чем на один круиз, способны формировать чисто китайские круизы и по Севморпути. Однако руководство корпорации «Росатомфлот» (владелец судна)

и китайская компания согласны учитывать интересы туристов из других стран. (13, с. 62). Представляется целесообразным включение в круизные маршруты заходы судов в порты на трассе СМП и организацию знакомства туристов с местными национальными культурами народов российского севера (ненцев, нганасан, якутов, чукчей и др.). Внедрение в программы круизов по СМП этнографических элементов, наряду с посещением природных объектов на территориях ООПТ, будет способствовать созданию соответствующей инфраструктуры, новых рабочих мест и в целом – развитию туристской сферы в береговых населенных пунктах по трассе круизных путешествий (2; 4).

Согласно данным Мурманского туристского агентства, заходы зарубежных круизных судов в морской порт Мурманск осуществляются уже на протяжении последних 12 лет. Мурманский туроператор «Nordmorservis Travel» в последние годы принимает в рыбном порту от 4 до 8 средних круизных лайнеров за сезон. Кроме того, морские круизы в Арктику обеспечивает Московская компания “Special Travel Club”, предлагая круизы к Гренландии, Исландии, Шпицбергену и на Северный полюс, с посещением Земли Франца Иосифа. Но, к сожалению, до сих пор в Мурманском порту отсутствуют специальные глубоководные причалы, пригодные для приема крупных круизных лайнеров. Поэтому было принято решение о проведении изысканий в Мурманской области для возможного строительства нового глубоководного порта, ориентированного на прием крупных зарубежных круизных лайнеров. Это означает, что при должном уровне внимания к развитию туристско-рекреационного комплекса в полярных широтах, при условии совершенствования необходимой инфраструктуры транспорта и размещения туристов в Арктической зоне РФ, можно достичь дополнительных положительных успехов в организации морских арктических круизов по СМП, в дополнение к социально-экономическому «переосвоению» северных регионов России. (8, с. 14-15).

По данным Ростуризма, круизный туризм по СМП стал активизироваться с 2014 г. не только на основе ледоколов Росатомфлота РФ. Например, на официальном информационном круизном сайте указывается, что два раза в году предлагаются туры по СМП на лайнере ледового класса «Академик Шокальский». Один тур из порта Анадырь в Мурманск и второй тур – из Мурманска в порт Певек. Это судно вмещает 50 туристов и 28 человек обслуживающего экипажа. В программе круиза из порта Анадырь в порт Мурманск продолжительностью 23-25 суток намечается встреча с китами, моржами и белыми медведями. Это плавание мимо крайней восточной точки России - мыса Дежнёва. Затем – посещение заповедника на о. Врангеля, где можно увидеть овцебыков, полярных сов, песцов, ландшафты «родильного дома» белых медведей, как называют этот остров. Далее предполагается высадка на острове Итыгран, где можно увидеть «Китовую аллею» из костей гренландских

китов. Это древнее эскимосское святилище, датируемое XIV-XVI вв. По пути следования лайнера из Анадырского залива по всем северным морям – посещение Медвежьих и Новосибирских островов, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа с возможной высадкой на некоторые острова «экологических десантов» туристов. Конец путешествия – город Мурманск.

В западном, незамерзающем Баренцевоморском секторе Арктики с 2010 г. уже реализуются круизы, которые пользуются популярностью как у иностранных, так и отечественных туристов. Круизные маршруты проложены из Мурманска к Северному полюсу и островам СЛО на атомных ледоколах «50 лет Победы» и «Ямал». Практика отечественных туроператоров показывает, что организация арктического круизного туризма по СМП способствует решению ряда социально-экономических вопросов Арктического региона: созданию условий и предпосылок для рационального природопользования, закреплению населения в полярных регионах и увеличения поступлений в бюджет РФ за счет формирования новых рабочих мест.

Таким образом, можно отметить, что включение круизного туризма в планы перспективного освоения ресурсов арктического региона является своевременным и актуальным дополнением комплексного развития АЗРФ. В настоящее время, в зарубежных странах Арктического региона широко применяются практические бизнес-стратегии комплексного развития туристической отрасли в Арктике, учитывающие привлечение коренных народов к приему и обслуживанию туристов. Законодательно закреплена необходимость развития туризма в соответствии с интересами коренного населения и с учетом охраны хрупкой арктической природы. Сегодня арктический туризм в США, Канаде, Гренландии, Исландии и Норвегии успешно развивается при соответствующей всесторонней поддержке структур государственного сектора и является рентабельной отраслью экономики. По данным UNWTO (на 2015 г.), штат Аляска (США) зарабатывает на туризме 3,5 млрд. долл., а Канада – 6,4 млрд. долл. в год, Гренландия – 19 млн. датских крон в год (19, с. 59). На протяжении последних десятилетий отмечался резкий рост числа туристов, посещающих Гренландию: в 1990-х гг. на территорию прибывало около 3500 чел./год, а в 2015 г. – уже более 65 000 чел./год. Количество круизных туристов, ежегодно посещающих Гренландию, уже превышает число постоянных жителей – инуитов и датчан (до 50 тыс. чел./год). Популярность морских круизов в Арктику возрастает (20, с. 485).

Однако, в России современный Арктический туризм находится в стадии становления. Порт Мурманск – единственный в Российской Арктике незамерзающий порт, способный принимать морские суда в течение круглого года. Мурманск стал центром развития круизного туризма в западном секторе АЗРФ и включен

в перечень портов, через которые разрешается въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию. По данным комитета по туризму Мурманской области, заход иностранных круизных судов в порт Мурманск осуществляется уже более 20 лет и в среднем составляет от 3 до 13 заходов в год. По сообщению пресс-службы правительства Мурманской области, в настоящее время уже разрабатывается проект строительства в регионе нового морского порта «Лавна», терминала «Тулома и глубоководного причала, который сможет принимать крупные международные круизные суда. Период реализации намеченного проекта приходится на 2021–2026 гг. В основу концепции устойчивого туризма в Арктике положены два аспекта: формирование новой и развитие имеющейся инфраструктуры для реализации круизного туризма (возведение нового порта и причала для крупных круизных лайнеров), а также проектирование новых маршрутов по СМП, проходящих через острова СЛО и ведущих к северному полюсу^{8,9}.

Выводы

Подводя итог рассмотрению перспектив социально-экономического развития Арктики и роли Арктического круизного туризма на Северном морском пути, можно отметить наметившуюся в настоящее время тенденцию не только к активизации деятельности главных ресурсодобывающих отраслей хозяйства страны, но и развитию ледокольного флота, а также к реконструкции портов и населенных пунктов на трассе СМП. В качестве сопутствующих элементов развития можно отметить расширение масштабов организации туристско-рекреационной и природоохранной деятельности в полярных регионах. При этом необходимо подчеркнуть, что большая часть объектов туристского интереса в Арктике труднодоступна, расположена, главным образом, на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Познакомиться с первозданной природой заповедников и национальных парков России, увидеть памятники арктической природы и объекты истории освоения Арктики, познакомиться с культурой коренных малочисленных народов севера возможно сегодня только при помощи авиации или морских круизных судов. Доступность арктических территорий и объектов туризма будет возрастать по мере укрепления и развития транспортных коммуникаций и формирования инфраструктуры населенных пунктов, морских портов и аэропортов в северных регионах РФ на трассе СМП. Соответственно, будет расти и антропогенная нагрузка на хрупкие арктические ландшафты, которые очень чувствительны к подобным воздействиям. Современное переосвоение Арктики требует опережающего развития научных исследований, направленных на определение допустимых

8 Круизный туризм в Мурманской области. URL: <https://murmansk.travel/news/6670>

9 Круизы в Арктику по СМП (2022). URL: https://kruiz.online/ships/akademik_shokalskiy

антропогенных нагрузок на экосистемы Арктики. При осуществлении арктических круизов целесообразно проводить лекции по экологии для туристов, посещающих Арктику. Именно круизный туризм на комфортабельных судах в арктических широтах может послужить основой для экологического просвещения туристов, путешествующих в арктических морях Земли и стать дополнительным фактором и стимулом для укрепления береговой туристской инфраструктуры заполярных портов, создания новых рабочих мест и послужит комплексному социально-экономическому развитию АЗРФ. В настоящее время назрела экономическая целесообразность расширения заходов иностранных круизных судов в порт Мурманск в западном секторе Российской Арктики и в порты Анадырь и Певек в восточном секторе для организации специальных отечественных Арктических круизов на основе имеющихся возможностей ледокольной поддержки маршрутов по СМП. Опубликованные государственные программы расширения атомного ледокольного флота и перспектив «реновации» портов на Северном морском пути создают основу для оптимизма в отношении развития Арктического круизного туризма в России.

Список источников

1. Адашова Т.А. (2012), Особо охраняемые природные территории России как основа формирования туристского природного пространства [Specially protected natural territories of Russia as a basis formation of a tourist natural space]. Современные проблемы сервиса и туризма. № 1. С. 45–52.
2. Андреева Е.Н. (2017), Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем [Support zones in the Arctic: new trends in solving old problems]. ЭКО. Т.47. №9. С. 26–41. URL: <http://porarctic.ru/blog2017/11/10>
3. Белов М.И. (1977), По следам полярных экспедиций [In the footsteps of polar expeditions]. Л.: Гидрометеиздат.
4. Гаджиева Е.А., Севастьянов Д.В. (2021), Современное освоение туристского пространства Арктической зоны РФ [Modern development of tourist space Arctic zone of the Russian Federation]. Матер. Межд. науч. Конф. XXV Юбилейные Царскосельские чтения. 20-21 апр. Т.1. СПб: ЛГУ им. А.С.Пушкина С. 168-173.
5. Додин Д.А. (2005), Устойчивое развитие Арктики: проблемы и перспективы [Sustainable Development of the Arctic: Challenges and Prospects]. СПб.: Наука.
6. Забелла А.А. (2019), Цели и интересы Китая в Арктике [China's Arctic Goals and Interests]. Вестн. МГОУ сер. История и полит. наука. №4. С. 166-175. DOI 10.18384/2310-676X-2019-4-166-175

7. Заостровских Е.А. (2018), Морские порты Восточной Арктики и опорные зоны Северного Морского пути [Eastern Arctic seaports and support zones of Northern Sea route]. Регионология. Т.5. №6. С. 92-107.
8. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2015), Переосвоение Российской Арктики как предмет системного исследования и государственного программно-целевого управления: вопросы методологии [Redevelopment of the Russian Arctic as a subject system research and state program-target management: issues methodologies]. Экономика региона. №4. С. 9-20.
9. Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2021), Влияние портов Северного морского пути на формирование очаговых зон освоения восточной Арктики [The influence of the ports of the Northern Sea Route on formation of focal zones of development of the Eastern Arctic] Арктика: экология и экономика. Т.11. № 1. С. 6-18. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-6-18.
10. Лукин Ю.Ф. (2016), Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы [Arctic tourism: rating of regions, opportunities and threats]. Арктика и Север. №23. С.96-123.
11. Лукин, Ю.Ф. (2019), Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. [The many-faced Arctic in the stream of time and meaning]. Архангельск.
12. Лукин Ю.Ф. (2022), Арктические вызовы России [Arctic challenges of Russia]. Россия: общество, политика, история. №2(2). С. 59-87.
13. Погодин С.Н., Ван Цзюньтао (2017), Геополитические и геоэкономические интересы Китая в Арктике [China's Geopolitical and Geo-economic interests in the Arctic]. Геополитика и безопасность. №2 (38). С. 59-64.
14. Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М., Гаврилов Ю.Г., Карпова А.В. (2015), Рекреационное природопользование как фактор устойчивого развития районов Российской Арктики [Recreational nature management as a factor of sustainable development of the Russian]. География и природные ресурсы. №4. С. 87–98.
15. Севастьянов Д.В. (2020), Арктический туризм в Баренцевоморском регионе: современное состояние и границы возможного [Arctic tourism in the Barents Sea region: modern the state and boundaries of the possible]. Арктика и Север. №39. С. 26-36.
16. Серова Н.А., Серова В.А. (2019), Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики [The main trends in the development of the transport infrastructure of the Russian Arctic]. Арктика и Север. №36. С. 42-56. DOI:10.17238/issn 2221-2698.2019.36.42
17. Тишков А.А. (2012), Арктический вектор» в сохранении наземных систем и биоразнообразия [The Arctic Vector in the preservation of terrestrial systems and biodiversity]. Арктика: экология и экономика. №2(6). С. 30-31.

18. Чернов В.В. (2022) Северный морской путь в условиях разворота логистики на восток [The Northern Sea Route in the context of logistics turning to the east]. Порт-Ньюс. №4. С. 38-42.
19. Maher, P.T. (2012), Expedition cruise visits to protected areas in the Canadian Arctic: Issues of sustainability and change for an emerging market Tourism. No. 1. pp. 55–70.
20. Sevastyanov, D.V., Korostev, E.M., Shitova, L.F. (2017), Recreational nature management and Arctic tourism as a new trend towards strategy of sustainable development of the Arctic countries. Ecology, Environment & Conservation. No. 23(4). pp. 480–487.

References

1. Adashova, T.A. (2012), Specially protected natural territories of Russia as a basis formation of a tourist natural space. Modern problems of service and tourism. No. 1. pp. 45-52. (In Russian)
2. Andreeva, E.N. (2017), Support zones in the Arctic: new trends in solving old problems. ECO. Vol. 47. No. 9. pp. 26-41. URL: <http://porarctic.ru/blog> (In Russian)
3. Belov, M. I. (1977), In the footsteps of polar expeditions. L.: Hydrometeoizdat. (In Russian)
4. Gadzhieva, E.A., Sevastyanov, D.V. (2021), Modern development of tourist space Arctic zone of the Russian Federation. Mater. Inter. scientific. Conf. XXV Anniversary Tsarskoye Selo readings April 20-21. Vol. 1. St. Petersburg: LSU named after A.S.Pushkin. pp. 168-173. (In Russian)
5. Dodin, D.A. (2005), Sustainable development of the Arctic: problems and prospects. St. Petersburg.: Nauka. (In Russian)
6. Zaballa, A.A. (2019), Goals and interests of China in the Arctic Vestn. MGOU ser. History and polit. science. No. 4. pp. 166-175. DOI 10.18384/2310-676X-2019-4-166-175 (In Russian)
7. Zaostrovsky, E.A. (2018), Seaports of the Eastern Arctic and support zones of the Northern Sea route. Regionistics. Vol. 5. No. 6. pp. 92-107. (In Russian)
8. Leksin, V.N., Porfiriev, B.N. (2015), Redevelopment of the Russian Arctic as a subject system research and state program-target management: issues methodologies. Economics of the Region. No. 4. pp. 9-20. (In Russian)
9. Leonov, S.N., Zaostrovsky, E.A. (2021), Impact of Northern Sea Route ports on formation of focal zones for the development of the eastern Arctic. Arctic: ecology and economics. Vol. 11. No. 1. pp. 6-18. — DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-6-18. (In Russian)
10. Lukin, Yu.F. (2016), Arctic tourism: rating of regions, opportunities and threats. The Arctic and the North. No. 23. pp. 96-123. (In Russian)

11. Lukin, Yu.F. (2019), The many-faced Arctic in the stream of time and meaning. Arkhangelsk. (In Russian)
12. Lukin, J.F. (2022), Arctic challenges of Russia. Russia: Society, Politics, History. No. 2(2). pp. 59-87. (In Russian)
13. Pogodin, S.N., Wang, Juntao (2017), China's Geopolitical and Geo-economic interests in the Arctic. Geopolitics and Security. No. 2 (38). pp. 59-64 (In Russian)
14. Sevastyanov, D.V., Korostelev, E.M., Gavrilo, Yu.G., Karpova, A.V. (2015), Recreational nature management as a factor of sustainable development of the Russian Arctic regions. Geography and natural resources. No. 4. pp. 87-98. (In Russian)
15. Sevastyanov, D.V. (2020), Arctic tourism in the Barents Sea region: modern the state and boundaries of the possible. The Arctic and North. No. 39. pp. 26-36. (In Russian)
16. Serova, N.A., Serova, V.A. (2019), The main trends in the development of the transport infrastructure of the Russian Arctic. The Arctic and the North. No. 36. pp.42-56. (In Russian)
17. Tishkov, A.A. (2012), Arctic Vector "in the preservation of terrestrial systems and Biodiversity. Arctic: Ecology and Economics. No. 2 (6). pp. 30-31. (In Russian)
18. Chernov, V.V. (2022), The Northern Sea Route in the context of logistics turning to the east. Port News. No. 4. pp. 38-42. (In Russian)
19. Maher, P.T. (2012), Expedition cruise visits to protected areas in the Canadian Arctic: Issues of sustainability and change for an emerging market Tourism. No. 1. pp. 55-70.
20. Sevastyanov, D.V., Korostelev, E.M., Shitova, L.F. (2017), Recreational nature management and Arctic tourism as a new trend towards strategy of sustainable development of the Arctic countries. Ecology, Environment & Conservation. No. 23(4). pp. 480-487.

Информация об авторах

ГАДЖИЕВА Елена Анатольевна, кандидат географических наук, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: e.gadzhieva@lengu.ru.

СЕВАСТЬЯНОВ Дмитрий Викторович, доктор географических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ecolim@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5141-3679>.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.02.2023. Одобрена после рецензирования: 02.03.2023. Принята к публикации: 20.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Elena A. GADZHIEVA, CandSc (Geo.), Head of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: e.gadzhieva@lengu.ru.

Dmitry V. SEVASTYANOV, DSc (Geo.), Professor of the Department of Socio-Cultural Service and Tourism, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: ecolim@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5141-3679>.

Contribution of the authors

All authors have made an equal contribution to this article.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 21.02.2023. Approved after peer review: 02.03.2023. Accepted for publication: 20.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья

УДК 316.356.4; 316.64; 339.138

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-88-101](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-88-101)

Социологические науки

Создание концепции бренда или как найти смысл территории (на примере кейса «Сыктывкар – столица леса»)

Ирина Игоревна Лейман

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Сыктывкар, Российская Федерация

irinaleyman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3415-4927>

Аннотация. Брендинг – актуальное и относительно новое направление деятельности по развитию территорий. Существуют различные трактовки данного понятия, вследствие чего наблюдается не всегда корректная интерпретация его назначения, инструментария, технологических схем. Перспективно рассматривать бренд с точки зрения социальной истории как умение создавать энергию ценности через трансляцию смысла территории. Начальный этап брендинга предполагает формулирование концепции на базе знаний о территории. Концепция бренда – это смысл территории по мнению местного населения, выраженный посредством символов и ассоциаций. Исторически сложилось, что смысл территории формировался, прежде всего, под воздействием географического фактора, определявшего затем и социокультурные особенности местного населения. В этой связи основной задачей разработчиков бренда становится преобразование физико-географических характеристик и культурно-географических объектов территории в символический капитал, который в перспективе должен давать стабильные экономические показатели. С 2021 года столица Республики Коми занимается разработкой бренда «Сыктывкар – столица леса». Город является центром лесопереработки, образования, науки, культуры и спорта. Концепция бренда «Сыктывкар – столица Леса» – это идея, которая может сделать город узнаваемым, объединить местных жителей, привлечь молодых специалистов и в целом придать дополнительный импульс развитию территории.

Ключевые слова: бренд территории, концепция бренда, геобрендинг

Для цитирования: Лейман И.И. Создание концепции бренда или как найти смысл территории (на примере кейса «Сыктывкар – столица леса»). Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 88-101.

© Лейман И.И.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-88-101](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-88-101)

Sociological sciences

Creating a Brand Concept or How to Find the Meaning of the Territory (a Case Study «Syktyvkar - the Capital of the Forest»)

Irina I. Leyman

Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russian Federation
irinaleyman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3415-4927>

Abstract. Branding is an actual and relatively new area of activity for the development of territories. There are various interpretations of this concept, as a result of which there is not always a correct interpretation of its purpose, tools, technological schemes. It is promising to consider a brand from the point of view of social history as the ability to create value energy through the translation of the meaning of the territory. The initial stage of branding involves the formulation of a concept based on knowledge about the territory. The brand concept is the meaning of the territory in the opinion of the local population, expressed through symbols and associations. Historically, the meaning of the territory was formed, first of all, under the influence of the geographical factor, which then determined the socio-cultural characteristics of the local population. In this regard, the main task of the brand developers is to transform the physical and geographical characteristics and cultural and geographical objects of the territory into symbolic capital, which in the future should give stable economic indicators. Since 2021, the capital of the Komi Republic has been developing a brand «Syktyvkar – the capital of the Forest». Syktyvkar is a center of timber processing, education, science, culture and sports. The concept of the brand «Syktyvkar - the capital of the Forest» is an idea that can make the city recognizable, unite local residents, attract professionals and give an additional impetus to the development of the territory.

Keywords: place branding, brand concept, geo-branding

For citation: Leyman, I.I. Creating a Brand Concept or How to Find the Meaning of the Territory (a Case Study «Syktyvkar - the Capital of the Forest»). Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 88-101.

Введение

Брендинг – относительно новое направление в комплексе мероприятий по работе с территориями. Концепция осознанного и системного продвижения мест для решения задач социально-экономического развития (маркетинг территорий) была предложена Ф. Котлером еще в середине 1990-х гг. (2, с. 10, 25). Термин «брендинг места» впервые употребил в начале 2000-х гг. С. Анхольт (в настоящее время – один из ведущих специалистов в данной области) (7, с. 62). За прошедшие с тех пор два десятилетия интерес к брендингу территорий со стороны научного сообщества и практиков как за рубежом, так и в нашей стране постоянно возрастает (13, с. 25).

Актуальность территориального брендинга определяется целым комплексом факторов. Достижение благосостояния местного населения как составляющая стабильного развития территории в долгосрочной перспективе является одной из важнейших задач системы управления (4, с. 290). В современных условиях конкуренции за ресурсы, санкций и вызванных ими кризисных явлений в социально-экономической сфере требуется совершенствование методологии и инструментария деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (1, с. 129-130). Брендинг территории может решать широкий круг задач: способствовать привлечению инвестиций, повышению туристской привлекательности, снижению оттока населения и т.д. (7, с. 63). Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от правильного понимания его содержания и назначения.

Специалисты в области брендинга часто указывают на отсутствие общепринятой трактовки данного понятия (2, с. 10-11; 13, с. 27). Заимствование термина из корпоративной сферы во многом предопределило его содержание: по Ф. Котлеру, бренд – название, знак, символ или любая другая характеристика, отличающая товар или услугу от других товаров и услуг (2, с. 10). Однако в данном ключе инструментарий брендинга, скорее, сужается, а его понимание сводится исключительно к визуальному воплощению (например, в виде логотипа, брендбука) (2, с. 33). Вследствие этого ошибочно может быть определена целевая аудитория бренда (к примеру, она нередко ограничивается потенциальными туристами) (4, с. 291-292). Подобное «парадное» и «атрибутивное» понимание бренда негативно сказывается на его эффективности и может сформировать ложное представление о том, что брендинг как инструмент развития территории не работает.

Материалы и методы исследования

При подготовке исследования авторы опирались на теоретические разработки в области маркетинга и брендинга мест, в частности, Ф. Котлера и исследования российских авторов (Д.В. Визгалов, Д.Н. Замятин, Т.Е. Исаченко, Л.В. Ковынева, К.А. Кузьмина, М.В. Матецкая, Е.А. Постникова, Г.Л. Тульчинский, и др.). Материалы исследования составили проекты брендинга и их реализация в Республике Коми и городе Сыктывкар. В ходе исследования применялись методы научного познания общенаучного и частнонаучного характера, в том числе анализ кейсов, семантический анализ, концептуализация.

Результаты исследования

Что такое бренд территории?

Д.В. Визгалов считает, что это роль, которую играет территория; социальный проект, который содержит эмоциональные составляющие (впечатление о территории и доверие к ней; симпатия к ее жителям и уважение их ценностей) (2, с. 12, 14). Т.Е. Исаченко и Е.А. Постникова определяют бренд территории как многомерный конструкт, включающий функциональные материальные и эмоциональные элементы, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании (6, с. 127). Л.В. Ковынева трактует данное понятие как совокупность ценностей, отражающих уникальные характеристики территории и ее населения и пользующиеся стабильным спросом потребителей (7, с. 62). По мнению К.А. Кузьминой и М.В. Матецкой бренд должен воплощать надежды и мечты целевой аудитории; создавать впечатления, которые способствуют самоопределению и реализации амбиций потребителей (3, с. 8). Г.Л. Тульчинский называет территориальные бренды современными социальными мифами («волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты»), позволяющими строить ориентиры во внутреннем мире личности и во внешней среде (14, с. 138).

Общим в приведенных определениях является выраженная социальная сторона территориального бренда (ценности, эмоции, впечатления), которая должна находить отклик как у внутренней, так и у внешней аудитории. Бренд территории будет эффективен в том случае, когда человек вне зависимости от географического положения видит в нем отражение самого себя. То есть создавать ценности и производить впечатление – одна из важнейших задач бренда территории (7, с. 63). В этом случае потребители будут испытывать необходимость в определенной частоте контактов с брендом, так как ценность и

впечатление нельзя купить, к ним можно только приблизиться и ощутить.

В целом, бренд территории можно рассматривать с позиции социальной истории (максимально персонифицированной и обращенной к человеку), которая образует своеобразный энергетический узел, «место силы», точку притяжения для ограниченной или же, наоборот, самой широкой целевой аудитории. Бренд – это умение создавать энергию ценности через трансляцию смысла территории. И основным вопросом здесь становится методика поиска этого смысла.

Большая часть работ по маркетингу и брендингу мест, следуя концепции Ф. Котлера, концентрируется на описании распространенных атрибутов территории и инструментария по их продвижению среди целевых аудиторий (т.е. территория рассматривается как продукт с присущими ему свойствами, уникальными качествами и характеристиками) (8; 16). Визуализация и дальнейший комплекс мер по продвижению – безусловно, важная, но не первоочередная задача в процессе разработки бренда территории. Начальный этап брендинга – это формулирование концепции на базе знаний о территории. Однако в публикациях этот этап либо «выпадает» совсем, либо лишь упоминается без дополнительных пояснений относительно алгоритма создания концепции бренда. Это, в свою очередь, может существенно снизить эффективность бренда, так как конечный продукт в итоге будет непонятен целевым аудиториям, а предложенные ценности территории окажутся значимыми лишь для разработчиков.

Что же такое концепция бренда?

По мнению Л.В. Ковыневой, это точная идея территории (7, с. 66). П.Е. Родькин, вслед за С. Анхольтом, связывает концепцию с идентичностью территории, которая состоит из двух системных компонентов: смыслового и изобразительного; смысловой компонент, в свою очередь, включает символический капитал и ассоциативный ряд (13, с. 27, 31). Как считает Д.В. Визгалов, замысел бренда - это комплекс символов, идей, ценностей, интерпретирующих идентичность территории посредством языка и знаков, понятных и привлекательных для целевых аудиторий. Он подчеркивает, что конструируемый образ не может быть надуманным, изобретенным, привнесенным извне (в этом случае он, вероятнее всего, будет мертворожденным) (2, с. 11, 43, 64). Образ должен отражать представление местного населения о смысле территории, т.е. видение людьми себя в данной локации в настоящий момент и в перспективе. В этом случае, как показывает практика, «побочным эффектом» брендинга станет и рост самосознания местного населения. Основным элементом концепции бренда Д.В. Визгалов называет идею или тему территории; в большинстве случаев это ее название и слоган, сопряженные стратегической риторикой. На базе идеи формулируются ценности бренда, т.е. уникальные конкурентные преимущества,

имеющие практическую пользу для целевых аудиторий. Ценности могут быть функциональными, социальными и эмоциональными. В брендинговых программах чаще всего делается ставка именно на эмоциональные ценности, что проявляется в стремлении персонифицировать территорию (2, с. 11, 43-46).

Таким образом, концепция бренда – это смысл территории по мнению местного населения, выраженный посредством символов и ассоциаций. Ключ к пониманию смысла – это люди. Человек должен быть основным ориентиром социально-экономического развития территории. Показателем эффективности системы управления территорией в этом случае будет оценка комфортности жизни, уровня счастья и общих перспектив населения в рамках конкретной локации (1, с. 130).

Рассматривая смысл территории как внутреннее содержание, оправдывающее ее существование и связывающее ее с более широким пластом реальности, необходимо задаться вопросом об источнике этого смысла. Исторически сложилось, что смысл территории для проживавших в ее пределах людей определялся географическими особенностями, которые влияли на все основные сферы жизнедеятельности: хозяйство, культуру, систему управления и т.п. На весомую роль географического фактора в структуре бренда территории неоднократно указывали исследователи. С. Анхольт сравнил процесс разработки конкурентной идентичности территории с добычей полезных ископаемых и предложил искать содержание концепции бренда в истории, культуре, географии, местном сообществе (15, р. 75). В одной из первых отечественных публикаций по теме регионального брендинга в 2003 г. М. Кошелюк выделял географическую привязку в числе самых распространенных путей формирования бренда. Он подчеркивал, что география в данном случае – это не столько про место, сколько про время - историю, подпитанную легендами и переходящую в традицию (9, с. 9). А.В. Попов считает, что бренд вынужден опираться на доминантный географический образ в конкретном территориальном контексте (под географическим образом понимается компактная модель географического пространства, описывающая его через систему ярких символов) (12, с. 188, 190). Схожие суждения высказывают Т.Е. Исаченко и Е.А. Постникова. По мнению авторов, географии принадлежит одна из ведущих ролей в процессе формирования территориального бренда: он должен опираться на комплексный географический образ и его символическую презентацию, передающие идентичность территории (6, с. 125, 127, 129-130).

К.А. Кузьмина и М.В. Матецкая выделяют три возможных направления брендинга территорий: географический, тематический и ивент-брендинг. Указанные направления гармонично дополняют друг друга, однако ведущая роль принадлежит именно географическому брендингу, который обладает усиливающим эффектом и при соблюдении ряда условий переводит два других направления в разряд

суббрендов. Географический брендинг перспективнее разрабатывать в том случае, когда территория находится в отдалении от значительной части целевой аудитории (3, с. 18-19).

Д.Н. Замятин расширяет понимание роли географического фактора в процессе создания концепции бренда и поиска смысла территории. Он предлагает термин геокультурный брендинг, указывая, что локальная культура может быть одним из существенных, если даже не главных, источников создания бренда. Геокультура территории – это естественная база для определения содержания бренда; она априори уникальна в силу неповторимого сочетания природных и антропогенных факторов. Ценность культурного и географического элементов в структуре конкурентной идентичности территории также отмечал С. Анхольт (15, р. 97). Концепция бренда в этом случае строится на основе историко-культурного и природного наследия территории: ощущаемое и воспринимаемое пространство трансформируется в позитивный вариативный образ, имеющий перспективный характер. Основной задачей брендинга станет репрезентация геокультуры для внутренней и внешней аудитории (для «себя» и для «внешнего мира») (5, с. 5-6, 9-10).

То есть естественная среда пребывания населения в определенной локации является одним из самых очевидных и, наверное, самым эффективным источником формулирования смысла территории как ключевой части концепции бренда. Географический фактор тесно связан с людьми и их культурой, что, в свою очередь, укладывается в рамки обозначенных выше теоретических подходов к содержанию и назначению бренда. Однако сами по себе геокультурные особенности территории – это еще не бренд. Важной задачей разработчиков концепции становится символическая интерпретация физико-географических характеристик и культурно-географических объектов территории, то есть преобразование материального фактора в нематериальный, обладающий энергией ценности как для внутренней, так и для внешней аудитории. При правильном осуществлении всех сопутствующих операций итоговый символический капитал в перспективе будет преобразован в стабильные экономические показатели.

Обсуждение результатов

Технологическая сторона символической интерпретации геокультурного потенциала территории, пожалуй, одна из самых сложных для реализации. Описанные выше теоретические конструкции вполне логичны и понятны. Однако как их следует применять в практическом поле? Рассмотрим эти возможности на примере Республики Коми.

Республика Коми расположена на крайнем северо-востоке Европейской части России. На обширной территории – почти 416 тыс. км² (для сравнения площадь Германии составляет 357 тыс. км²) – проживает 725 тыс. чел. (в сто раз меньше, чем в той же Германии). Республика Коми обладает значительными запасами полезных ископаемых и развитой гидрографической сетью. 87% территории покрыто лесом; это один из последних регионов Европы, где сохранились девственные леса, в том числе три особо охраняемые природные территории федерального значения. Рассматривая Республику Коми с позиций брендинга, Г.Л. Тульчинский назвал ее «регионом будущего», имеющим серьезный потенциал развития и роста. В числе возможностей базовой идентификации места он назвал заповедные леса и водоемы, памятники древних культур, подчеркивая при этом, что бренд должен не только апеллировать к «славному прошлому», но и быть обращенным в будущее (14, с. 140, 148-149).

В 2013 году стартовала кампания по позиционированию территории как «Эко Республика Коми» (был разработан логотип, создан проморолик). Однако в отсутствии необходимой инфраструктуры, цикла действий по продвижению, соответствующего информационного сопровождения бренд оказался, скорее, «атрибутивным» и «парадным» (то есть остался на бумаге), так и не став органичной частью регионального пространства (10; 11).

С 2021 года начался процесс брендинга столицы Республики Коми – города Сыктывкара. Предлагаемая к реализации концепция звучит как «Сыктывкар – столица леса». Она была разработана командой из столицы Республики Коми по результатам образовательной программы Master of Public Administration Московской школы управления Сколково. Концепция основана на «лесном» потенциале города и мировых тенденциях в области брендинга территорий.

Вербальная конструкция «Сыктывкар – столица леса» представляется весьма удачной с логической, акустической и семантической позиций. С точки зрения логики, это утверждение не противоречит реальным географическим особенностям территории. В Сыктывкаре проживает более 250 тысяч человек, что составляет треть населения Республики Коми. Город является столицей республики, центром лесопереработки, образования, науки, культуры и спорта. В Сыктывкаре перерабатывается более 60% леса, заготовленного на территории республики; этот ресурс возобновляем. Продукция местной лесопереработки известна не только на внутреннем рынке, но также экспортируется почти в 30 стран мира. В городе сконцентрирован административный аппарат и научный потенциал региона; здесь есть свободные промышленные и земельные участки для инвестиций. Таким образом, Сыктывкар способен стать современной региональной столицей и национальным центром компетенций в деревянном многоквартирном

домостроении, поставляющим на рынки России и мира товары/технологии/знания.

С акустической точки зрения словосочетание «столица леса» своим благозвучием смягчает труднопроизносимое название «Сыктывкар», что в совокупности облегчает восприятие и запоминание основного информационного посыла.

Весьма широкий семиотический пласт содержит слово «лес». Его смысловое поле включает такие характеристики, как: «процесс воплощения живой сущности в многообразных явлениях», «скопление разнообразных форм живых энергий», «поток внутренней структуризации энергии сущностного начала»¹. Лес как среда обитания человека на Севере – это уже не столько географический, сколько геокультурный бренд, на базе которого в перспективе можно развивать различные суббренды (тематический бренд; ивент-бренд). Таким образом, лес – это одновременно и географический объект, и его символическая интерпретация, обладающая сильным энергетическим потенциалом и обширным набором ценностей для различных целевых аудиторий.

Концепция «Сыктывкар – столица леса» была согласована с жителями города: проводились публичные обсуждения стратегии социально-экономического развития города. В декабре 2022 года решением совета муниципального образования городского округа «Сыктывкар» в данную стратегию были внесены корректировки, связанные с позиционированием города как столицы леса. Команда, в которую входят представители местной администрации и лесоперерабатывающих предприятий, застройщики, городские активисты, ученые, спортсмены, люди искусства, студенты и привлекаемые к проектам партнеры, пока находится в начале пути брендинга территории. Следующим после определения концепции шагом должна стать визуализация бренда (некоторые наработки в этом направлении уже есть) и проектирование комплекса мер по продвижению бренда среди целевых аудиторий и в медиапространстве.

Выводы

Вызовом XXI века является конкуренция территорий за человеческий капитал. При выборе места для жизни люди рассматривают не страну в целом, а ее отдельные населенные пункты: уровень жизни, степень притягательности. Брендинг, являясь одним из самых мощных инструментов продвижения территории, позволяет создать ментальную конструкцию, вербализованную в концепции бренда, подкрепленную комплексом символов и ассоциаций и доведенную до целевых аудиторий. Правильно сформулированная концепция бренда

1

Смысловой толковый словарь живого русского языка. Екатеринбург, 2014.

обеспечивает его эффективность посредством привлечения внимания целевых аудиторий (инвесторов, туристов, новых жителей и т.п.), формирования репутации и положительного имиджа территории, расширения зоны ее экономического развития, повышения конкурентоспособности и, как следствие, снижения оттока населения. Одним из ключевых факторов формирования концепции бренда является географический, то есть особые природные и климатические условия существования территории, определяющие ее смысл для местного населения. Примером подобного подхода является концепция «Сыктывкар - столица леса» как история про город для жизни на Севере «здесь и сейчас». Эта идея может сделать город узнаваемым, объединить местных жителей, привлечь молодых специалистов и в целом придать дополнительный импульс развития территории. Часть проектов в рамках этой концепции уже реализована: строятся современные жилые кварталы; обновленные городские площади и скверы становятся новыми точками притяжения для населения; Сыктывкар выступает площадкой для проведения научно-образовательных, культурных, экологических и спортивных мероприятий международного, всероссийского и регионального уровня. Однако до создания полноценного бренда городу предстоит пройти большой путь.

Список источников

1. Буров А.В., Овакимян М.А. (2015), Стратегии развития территорий - важное условие обеспечения национальной безопасности России [Development strategy of territories as an important condition for ensuring national security of Russia]. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. №3. С. 129-135.
2. Визгалов Д.В. (2011), Брендинг города [City branding]. М.: Фонд «Институт экономики города».
3. Гастрономические бренды дестинаций: подходы и применение [Destination Gastronomy Brands: Approaches and Applications] (2014). Под ред. Гордина В.Э., Трабской Ю.Г. СПб.
4. Гладышева Я.С. (2013), Проблемы организации маркетинга территории в российской практике муниципального управления [Problems of Territory Marketing Organization in the Russian Practice of Municipal Administration]. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов. №4(48). С. 290-293.
5. Замятин Д.Н. (2015), Геокультурный брендинг территорий: методология и методика [Geocultural branding of territories: methodology and methodology]. Библиотечное дело. №4. С. 5-10.

6. Исаченко Т.Е., Постникова Е.А. (2015), Географический подход при создании бренда региона и проектировании туристических кластеров [Geographical approach to place brand creation and turist areas planning]. Вестник СПбГУ. Науки о Земле. №4. С. 124-135.
7. Ковынева Л.В. (2014), Формирование территориального бренда в регионах России [Formation of territorial brands in Russian regions]. Известия Иркутской государственной экономической академии. №5(97). С. 61-68.
8. Котлер Ф., Аспунд П., Рейн И., Хайдер Д. (2005), Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы [Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions, and Nations in Europe]. СПб.: Стокгольмская школа экономики.
9. Кошелев М. (2003), О чем «брендят» регионы [What are the «branded» regions]. Советник. №8. С. 9-12.
10. Лейман И.И. (2018), Возможности и направления формирования бренда территории (на примере Республики Коми) [Opportunities and directions of forming a brand territory (The case of the Komi Republic)]. Современные проблемы сервиса и туризма. Т.12. № 4. С. 106–118. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10410
11. Лейман И.И. (2019), Динамические визуальные символы в системе геобрендинга (на примере Республики Коми) [Dynamic visual symbols in the geo-branding system (on the example of the Komi Republic)]. Медиа-технологии в рекламе и связях с общественностью: от теории к практике: сборник трудов, посвященный 25-летию медийного образования в Ставропольском крае / редкол.: Е.Н. Ежова (пред.) [и др.]. Ставрополь: Изд-во СКФУ. С. 231-236.
12. Попов А.В. (2009), Бренд и идентичность территории [Brand and identity of the territory]. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Географическое изучение территориальных систем». Пермь. С. 186-190.
13. Родькин П.Е. (2018), Брендинг территории: к проблеме репрезентации и бренд-идентификации [Place branding: the problem of representation and brand-identification]. Современные проблемы сервиса и туризма. №4. С. 25-34. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10402.
14. Тульчинский Г.Л. (2012), Брендинг как фактор позиционирования и продвижения регионов [Branding as a factor in the positioning and promotion of regions]. PR и реклама в системе территориального маркетинга. СПб. С. 138-159.

15. Anholt, S. (2007). Competitive identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Great Britain.
16. City Branding. Theory and Cases (2011). Edited by K. Dinnie. Palgrave, Macmillan.

References

1. Burov, A.V., Ovakimyan, N.A. (2015), Development strategy of territories as an important condition for ensuring national security of Russia. State and municipal administration. No. 3. pp. 129-135. (In Russian)
2. Vizgalov, D.V. (2011), City branding. Moscow: Fond «Institut ekonomiki goroda». (In Russian)
3. Destination Gastronomy Brands: Approaches and Applications (2014). Edited by Gordin V.E., Trabskaya Yu.G. SPb. (In Russian)
4. Gladysheva, Ya.S. (2013), Problems of Territory Marketing Organization in the Russian Practice of Municipal Administration. Economic problems of regions and industry complexes. No. 4(48). pp. 290-293. (In Russian)
5. Zamyatin, D.N. (2015), Geocultural branding of territories: methodology and methodology. Library business. No. 4. pp. 5-10. (In Russian)
6. Isachenko, T.E., Postnikova, E.A. (2015), Geographical approach to place brand creation and turist areas planning. Bulletin of St. Petersburg State University. Earth Sciences. No. 4. pp. 124-135. (In Russian)
7. Kovynova, L.V. (2014), Formation of territorial brands in Russian regions. News of the Irkutsk State Economic Academy. No. 5 (97). pp. 61-68. (In Russian)
8. Kotler, F., Asplund, K., Reyn, I., Khayder, D. (2005), Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions, and Nations in Europe. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki. (In Russian)
9. Koshelyuk, M. (2003), What are the «branded» regions. Adviser. No. 8. pp. 9-12. (In Russian)
10. Leyman, I.I. (2018), Opportunities and directions of forming a brand territory (The case of the Komi Republic). Service & Tourism: Current Challenges Scientific and practical journal. Vol. 12. No 4. pp. 106–118. (In Russian)
11. Leyman, I.I. (2019), Dynamic visual symbols in the geo-branding system (on the example of the Komi Republic). Media technologies in advertising and public relations: from theory to practice: a collection of works dedicated to the 25th anniversary of media education in the Stavropol Territory. Stavropol. pp. 231-236. (In Russian)

12. Popov, A.V. (2009), Brand and identity of the territory. Proceedings of the III All-Russian scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists «Geographical study of territorial systems». Perm. pp. 186-190. (In Russian)
13. Rodkin, P.E. (2018), Place branding: the problem of representation and brand-identification. Service & Tourism: Current Challenges Scientific and practical journal. Vol. 12. No 4. pp. 25-34. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10402 (In Russian)
14. Tul'chinskiy, G.L. (2012), Branding as a factor in the positioning and promotion of regions. PR and advertising in the system of territorial marketing. Sankt-Peterburg. pp. 138-159. (In Russian)
15. Anholt, S. (2007), Competitive identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Great Britain.
16. City Branding. Theory and Cases (2011). Edited by K. Dinnie. Palgrave, Macmillan.

Информация об авторе

ЛЕЙМАН Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация. E-mail: irinaleyman@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3415-4927>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.02.2023. Одобрена после рецензирования: 27.02.2023. Принята к публикации: 14.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Irina I. LEYMAN, CandSc (Hist.), Associate professor, Head of Department of PR and Marketing of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Senior Research Fellow at Laboratory of archaeography and publication of documents on history of exploration of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History of Federal Research Center Komi Research Center, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Republic of Komi, Russian Federation. E-mail: irinaleyman@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3415-4927>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 25.02.2023. Approved after peer review: 27.02.2023. Accepted for publication: 14.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.356.4; 316.64; 339.138

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-102-121)

Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта

Тимофей Павлович Бунеев^{1а},
Артём Ильич Зайончковский^{1б}

¹Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^аtimofeibuneev@yandex.ru

^бartemza12@gmail.com

Аннотация. В статье авторами рассмотрены креативные индустрии как современный стремительно развивающийся сектор экономики международного значения. На сегодняшний день сектор креативных индустрий является приоритетным в государственной политике как развитых, так и развивающихся экономик мира. Креативная экономика как взаимосвязанная система субъектов различных сфер экономической, культурной и социальной сфер деятельности, имеет большое значение для сокращения региональной социально-экономической диспропорции. В ходе исследования авторами аккумулированы международные классификаторы видов деятельности, характерных для креативной экономики. Авторами проанализирован международный опыт развития креативных индустрий, а также произведен сравнительный анализ государственных политик Великобритании, Германии и России в исследуемой сфере. Авторы пришли к выводу, что отечественная модель развития креативных индустрий находится на начальном этапе развития, ввиду отсутствия достаточного нормативно-правового регулирования, мер системной поддержки креативных индустрий. Установлено, что в России применяется позитивный опыт зарубежных стран как на федеральном, так и на региональном уровне. Достижение целей Российской Концепции развития творческих индустрий и выход России на средне-экономические показатели требуют развития институциональных мер поддержки, а также принятия комплексных государственных программ и мер поддержки. По результатам сравнительного анализа авторами были предложены рекомендуемые меры поддержки в исследованной сфере.

Ключевые слова: креативная индустрия, креативная экономика, региональное развитие

Для цитирования: Бунеев Т.П., Зайончковский А.И. Развитие национальных креативных индустрий: сравнение зарубежного и отечественного опыта. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 102-121.

© Бунеев Т.П., Зайончковский А.И.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

TERRITORIAL DEVELOPMENT

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-102-121)

Sociological sciences

Development of National Creative Industries: Comparison of Foreign and Domestic Experience

Timofey P. Buneev^{1a},
Artyom I. Zayonchkovskiy^{1b}

¹Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^atimofeibuneev@yandex.ru

^bartemza12@gmail.com

Abstract. In the article, the authors consider creative industries as a modern and rapidly developing sector of the international economy. Today, the creative industries sector is a priority in the state policy of both developed and developing economies of the world. The creative economy as an interconnected system of subjects of various spheres of economic, cultural and social spheres of activity is of great importance for reducing regional socio-economic disparity.

In the course of the study, the authors accumulated international classifiers of the activity types in creative economy. The authors analyzed the international experience of the development of creative industries, as well as a comparative analysis of the state policies of Great Britain, Germany and Russia in the field under study. The authors came to the conclusion that the domestic model of the development of creative industries is at the initial stage of development, due to the lack of sufficient regulatory and legal regulation, measures of systemic support for creative industries. It is established that positive experience of foreign countries is applied in Russia both at the federal and regional levels.

However, in order to achieve the goals of the Concept and Russia's entry into the average economic indicators, it requires the development of institutional support mechanisms, as well as the adoption of comprehensive state programs and support measures. Based on the results of the comparative analysis, the authors proposed recommended support measures for the studied area.

Keywords: creative industry, creative economy, regional development

For citation: Buneev, T.P., Zayonchkovskiy, A.I. Development of National Creative Industries: Comparison of Foreign and Domestic Experience. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 102-121.

Введение

Креативные (творческие) индустрии – это относительно современный вид социально-экономической деятельности, который получил свое развитие в конце XX – начале XXI века. Впервые тема креативных индустрий на международном научном уровне начала подниматься с 1994 года, когда в Австралии был опубликован доклад «Креативная нация: культурная политика Австралийского союза»¹, в котором была поднята тема наличия большого экономического потенциала у отраслей культуры и искусства. Далее в 1998 году Британское Министерство культуры, медиа и спорта (DCMS) представило крупный научный доклад «Creative Industries Mapping Document»²(1), посвященный измерению влияния креативных отраслей на британскую экономику. В нем были даны отдельные определения 13 разных секторов креативных индустрий, а также приведена их классификация, что значительно повлияло на взгляд и тенденции в международной экономической системе. В России заговорили о креативных индустриях относительно недавно, однако опыт их организации уже позволяет сделать некоторые выводы. В данной статье рассматриваются зарубежные и российских подход к организации креативных индустрий.

Материалы и методы исследования

В данной статье авторы сфокусировались на анализе международных экономических показателей креативных индустрий, а также мерах государственного стимулирования развития сферы. Исследование состояло из 3 основных блоков:

1. анализ сущности и классификаций креативных индустрий в мире, их основных экономических показателей;
2. анализ и оценка конкретных зарубежных примеров развития креативных индустрий в Великобритании и Германии;
3. анализ показателей развития, мер государственной поддержки и региональные примеры развития креативных индустрий в России.

Были проанализированы статистические данные, материалы отчетов, кейсы, научные исследования в области креативных индустрий.

Результаты исследования

Термин «креативная экономика» впервые был применен нью-йоркским

1 Department of Communications and the Arts: Commonwealth cultural policy, 1994

2 Creative Industries Mapping Document. L.: Department for Culture, Media and Sport, 1998

журналом «Businessweek» в 2000 году и с тех пор становится только шире³. Так, в Евросоюзе принято понятие «культурные и креативные индустрии» (cultural and creative industries), специалисты и эксперты ЮНЕСКО разработали определение «креативные индустрии», а Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) использует «охраняемые интеллектуальным правом индустрии» (copyright industries). В Азии, а именно в Южной Корее и Японии, — это «индустрия контента» (content industry), которая, в первую очередь, подразумевает инновационные технологии и продукты. В Китае, например, это понятие и классификация отличается от региона к региону.

Креативные (творческие) индустрии охватывают широкий спектр жизни общества: от экономического до социокультурного. В силу такой разносторонности также важно классифицировать сферу креативных индустрий, например, Британское Министерство культуры, медиа и спорта приводит следующую классификацию, основанную на статистических показателях всех видов секторов креативной индустрии, учитывающий их вклад в ВДС (валовую добавленную стоимость), занятость и экспорт товаров и услуг⁴:

- реклама и маркетинг;
- архитектура;
- дизайн, графический дизайн и мода;
- кино, телевидение, видео, радиовещание, фотография, анимация;
- информационные технологии, программное обеспечение, разработка компьютерных игр и VR-технологии;
- издательская деятельность;
- музеи, галереи и библиотеки;
- музыка, исполнительские и визуальные искусства, ремесла, кулинария.

ООН, а конкретно ЮНИДО, рекомендует классификацию из четырех основных укрупненных блоков креативных индустрий:

- индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность);
- индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, живопись, деятельность галерей и т. п.);
- современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блоги, средства массовой информации, реклама и т. п.);

3 ПБК Тренды: официальный сайт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7>

4 Справочник «Творческие (креативные) индустрии». URL: https://ion.ranepa.ru/upload/medialibrary/fbd/Gid_Spravochnik-Tvorcheskie_kreativnye_industrii.pdf

- прикладные творческие (креативные) индустрии (архитектура, промышленный дизайн, индустрия моды, ювелирное дело, гастрономическая индустрия и т. п.).

Неотъемлемой частью креативной экономики является использование современных технологий, применяемых для производства, распространения и потребления творческих товаров и услуг. ООН приводит в пример:

- использование 3D-печати, для изготовления товаров;
- технологии дополненной реальности, позволяющие проводить виртуальные показы мод;
- технология блокчейн (т.е. взаимозаменяемые токены) может помочь подтвердить оригинальность и право собственности на уникальные произведения искусства;
- технология беспилотных летательных аппаратов оказывает значительное влияние на производство средств массовой информации, включая рекламу, вещание и фотожурналистику, телевидение и кинопроизводство;
- виртуальная реальность может способствовать погружению в компьютерные игры и исполнительское искусство.

Использование этих и других инновационных технологий и инструментов четвертой промышленной революции является ключевым элементом креативной экономики, отличающим ее от традиционного сектора культуры и творчества⁵.

На сегодняшний день креативные индустрии во многих странах мира являются одним из основных драйверов экономического роста, способствуя созданию новых продуктов и инноваций в разных сферах творческой и креативной деятельности. Зачастую продукты креативной индустрии ориентированы на экспорт, именно поэтому сегодня это так актуально на мировом уровне, что приводит к сращиванию креативных индустрий с экономикой стран, занимая значительную часть ВВП государства, вовлекая большое количество работников в эту деятельность.

Так, согласно данным ООН, отраженным в докладе о перспективах креативной экономики, экспорт креативных услуг вырос в 2,5 раза по сравнению с 2010 годом и составил 1,06 триллиона долларов США в 2020 году, а экспорт товаров креативной отрасли составил 526 миллиардов долларов США.

Для более детального анализа сопоставим статистические данные по креативным индустриям разных стран по основным параметрам: вклад в ВВП, количество рабочих мест, экспорт товаров и услуг, представленных в таблице 1.

5 Creative Economy Outlook. 2022. UN report. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsc2022d1_en.pdf

Таблица 1. Сравнение доли креативных индустрий в экономике разных стран⁶**Table 1.** Comparison of the share of creative industries in the economy of different countries

Страна	США	Китай	Великобритания	Германия	Австралия	Россия
Вклад в ВВП, млрд долл. США	877,8	315,9	167,0	119	89,5	84,4
Рабочие места, млн чел	4,6	2,5	2,1	1,8	0,86	1,6
Размер экспорта товаров КИ, млрд долл. США	32	169	15	26	3,2	2,6

По подсчетам агентства стратегических инициатив, Россия занимает 10 место по вкладу креативных индустрий в ВВП в номинальном выражении. При этом Россия находится на одном уровне с другими развитыми странами и имеет сопоставимые объемы с Австралией, Индонезией, Испанией и Южной Кореей.

Как следует из статистических сведений, ведущую роль в сфере креативных индустрий занимает США, за счет масштаба развития индустрий кино, музыки, анимации, видеоигр и производства программного обеспечения. При этом, крупнейшим экспортером товаров креативной индустрии является Китай, за счет большого количества различных производств, от электроники до производства одежды и изделий искусства. США и Китай определяют сектор креативных индустрий приоритетным направлением развития экономики, вкладывая значительные средства на развитие и продвижение своего продукта.

Уникальным в данном случае является опыт Великобритании и Германии, где удалось достичь значительных успехов при помощи значительной государственной стимуляции развития отраслей.

При этом важно отметить, что структура вклада креативных индустрий у каждой страны варьируется в зависимости от развития приоритетных отраслей креативной экономики. Так, в Германии и Великобритании основной сферой креативной

⁶ Составлено авторами по: 100 городских лидеров крауд-платформа: сайт. URL: <https://100gorodov.ru/Australia's-cultural-and-creative-economy-a-21st-century-guide/>; сайт. URL: <https://newapproach.org.au/wp-content/uploads/2021/08/5-ANA-InsightReportFive-FullReport.pdf>; Bureau of Economic Analysis U.S. Department of commerce: официальный сайт. URL: <https://www.bea.gov/news/2022/arts-and-cultural-production-satellite-account-us-and-states-2020>; Cultural and Creative Industries Monitoring Report: официальный сайт. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/EN/Publikationen/Wirtschaft/2020-cultural-and-creative-industries-monitoring-report.pdf?blob=publicationFile&v=5>; Statista: сайт. - URL: <https://www.statista.com/statistics/1128607/us-number-of-jobs-in-arts-and-culture-production/>; UK Creative Industries Infographic: официальный сайт. URL: <https://www.thecreativeindustries.co.uk/facts-figures/resources-infographics>; Creative Economy Outlook 2022 UN report: официальный сайт. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditctsce2022d1_en.pdf.

экономики является ИТ, программное обеспечение и производство видеоигр (47% в Великобритании и 50,2% в Германии от общего оборота). В России же приоритетной сферой закреплено производство кино, теле- и радиовещание, а также индустрия анимации.

Исходя из этого, мы понимаем, что креативные индустрии тесно сопряжены с региональной и национальной спецификой, различаясь по своим особенностям и характеристикам от государства к государству, поэтому при развитии этой индустрии важно учитывать местные культурно-исторические особенности, которые во многом будут ложиться в основу деятельности государственных органов власти.

Ярким примером является Великобритания, в которой отрасль креативной индустрии с 1997 года стала приоритетом государственной политики (1). В стране действует широкий спектр государственных документов, направленных на развитие креативных индустрий, приняты 3 стратегии, 5 госпрограмм, ряд уникальных мер поддержки отрасли, а также ее ежегодный мониторинг. В соответствии с классификацией креативных индустрий, принятой Департаментом культуры, медиа и спорта Великобритании, к ним относятся⁷:

- издание книг, периодических изданий и другая издательская деятельность;
- публикация программного обеспечения;
- деятельность в области кино-, видео- и телепередач;
- звукозаписывающая и музыкально-издательская деятельность;
- программная и радиовещательная деятельность;
- деятельность по компьютерному программированию;
- PR и коммуникационная деятельность;
- архитектурная деятельность;
- реклама и маркетинг;
- дизайн и мода;
- фотография;
- творческая, художественная и развлекательная деятельность;
- культурное образование.

Действующими стратегиями являются: Creative UK, Creative 3-year exports strategy, Creative London. В целом, они направлены на повышение привлекательности национальных продуктов креативной отрасли, экспорта креативных товаров и услуг инвестиционное партнерство с глобальными креативными компаниями для доступа к новым высокоэффективным возможностям^{8,9}. Исходя из анализа стратегий, основными направлениями развития креативных индустрий выступают:

7 Classifying and Measuring the Creative Industries: официальный сайт. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/203296/Classifying_and_Measuring_the_Creative_Industries_Consultation_Paper_April_2013-final.pdf

8 UK Creative Industries: International Strategy: официальный сайт. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-creative-industries-international-strategy>

9 Creative Industries Sector Deal: официальный сайт. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/695097/creative-industries-sector-deal-print.pdf

- Создание креативных экосистем;
- Разветвление управления: координационные советы, агенты креативных индустрий, фонды;
- Финансовая поддержка.

Государственные программы: Culture and Creative Industries programme, Creative Scale-Up, ScreenSkills, Creative England, Cool Britannia. Каждая из этих программ направлена на развитие как креативной индустрии в целом, так и отдельных ее отраслей: кинематографа, визуальных искусств, туристических продуктов и т.д. Отдельно выделим реализацию программы «Culture and Creative Industries programme» на региональном уровне, а именно - в Лондоне. Мэрия выделила культуру в качестве одного из своих ключевых приоритетов, стремясь к тому, чтобы сохранить статус Лондона как ведущей культурной и творческой столицы мира и обеспечить большому количеству лондонцев доступ к искусству и культуре. Для этого мэрия одобрила отдельный проект «Love London», предусматривающий действительно множество шагов по предоставлению льготных и бесплатных возможностей посещения креативных и культурных пространств. Выделены инвестиции на сумму 337 000 фунтов стерлингов на мероприятия культуры и креативных индустрий, определены льготные категории граждан, в основном относящиеся к учащимся и бюджетным работникам (учителя, врачи, госслужащие и т.д.)^{10,11,12}.

Отдельно стоит выделить местную и региональную специфику работы органов государственной власти по развитию творческих индустрий в Великобритании, чья работа сосредоточена на локальном уровне с перспективой вывода на международный. На базе бывших промышленных предприятий создаются творческие кластеры, которые получили название «Творческие кварталы».

Также в Великобритании действует множество бизнес-акселераторов креативных индустрий, наиболее крупный из которых - Creative UK. Это многопрофильная площадка, объединяющая государство, бизнес, НКО и просто людей, которые хотят получить развитие и финансирование своих инициатив. Платформа уникальна тем, что организует разнонаправленную деятельность: форумы, чемпионаты, фестивали, инвестиции (3).

Таким образом, такая согласованность, структурированность, регламентация партнёрской деятельности на всех уровнях, и приоритет государства на развитие креативных индустрий, создает необходимые условия для развития отрасли по схеме: локальный-региональный-международный уровни, обеспечивая Великобританию лидерство на рынке в этой отрасли.

10 The Creative Industries UK: официальный сайт. URL: <https://www.thecreativeindustries.co.uk/facts-figures/resources-infographics>

11 MD2289 Culture & Creative Industries Programme: официальный сайт. URL: <https://www.london.gov.uk/decisions/md2289-culture-creative-industries-programme-0?ac-106313=106307>

12 Cool Britannia: официальный сайт. URL: <https://coolbritannia.com>

С 2010 г. ВДС сектора увеличилась более чем на 40%, а в 2016 г. вклад сектора составил 91,8 млрд фунтов стерлингов. В настоящее время этот сектор генерирует более 5,5% от ВВП экономики Великобритании. Сектор креативных индустрий - самый быстрорастущий по показателям занятости в Великобритании начиная с 2011 г., ее рост составил более 25% (3; 5).

Отличительным примером государственной политики, направленной на развитие креативных индустрий, является опыт Германии. В сравнении с Великобританией, государственная политика по поддержке креативных индустрий в Германии имеет более четкое разграничение по уровням: уровень Евросоюза, федеральный и региональный. В соответствии с классификацией, принятой Правительством Германии, Культурно-креативные отрасли включают:

- рынок архитектуры;
- книжный рынок;
- исполнительское искусство;
- экономику дизайна;
- киноиндустрию;
- рынок искусства;
- музыкальную экономику;
- рынок прессы;
- экономику вещания;
- рынок программного обеспечения и игр;
- рынок рекламы¹³.

На уровне Евросоюза осуществляется поддержка разного рода грантами и фондами, например: Erasmus for young entrepreneurs program и Creative Europe Program 2021–2028. На федеральном уровне за разработку программ по развитию креативных индустрий отвечает Федеральное министерство экономики и борьбы с изменением климата (The Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action), а также Федеральный правительственный центр передового опыта в области культурных и креативных индустрий (Federal Government's Centre of Excellence for the Cultural and Creative Industries)^{14,15}.

Федеральное министерство экономики и борьбы с изменением климата Германии берет на себя центральную функцию по разработке госполитики в сфере

13 The Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action: официальный сайт. URL: <https://www.kultur-kreativ-wirtschaft.de/KUK/Navigation/DE/DieBranche/die-branche.html>

14 Federal Government's Centre of Excellence for the Cultural and Creative Industries: официальный сайт. URL: <https://kreativ-bund.de/>

15 The Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action: официальный сайт. URL: <https://www.bmwk.de/Navigation/EN/Home/home.html>

креативных индустрий. Были разработаны и введены 2 стратегии: InnoBB 2025 и Creative Berlin, а также 3 госпрограммы: Neu Start initiative¹⁶, Creative.NRW, Initiative Kultur- und Kreativwirtschaft¹⁷. Последняя госпрограмма «Культурные и креативные индустрии» (Initiative Kultur- und Kreativwirtschaft) инициировала сеть, открытую для всех заинтересованных сторон, которая будет использоваться для распространения информации о потенциальных источниках финансирования и поддержки стартапов в отрасли креативных индустрий. Также с ее помощью Федеральное министерство экономики и борьбы с изменением климата хочет скорректировать программы, которые оно запустило в рамках своей экономической и технологической политики, чтобы иметь возможность предоставлять больше финансирования культурным и креативным предприятиям.

Стоит отметить, что при анализе действующих стратегий и данной госпрограммы Германии, нами были выделены следующие направления развития Креативных индустрий:

- усиление инновационности;
- приоритизация секторов;
- создание инфраструктуры;
- фриланс.

В целом, в рамках государственной политики в сфере креативных индустрий Германии, большее внимание уделяется коворкингу и фрилансу. Креативные пространства формируются таким образом, чтобы дать максимально комфортные возможности для фрилансеров: удобные помещения, кафе и рестораны, доступ в Интернет и т.д. В госпрограмме также отмечено, что фрилансерам и малым предприятиям в секторе креативных индустрий должен быть облегчен доступ к финансированию (2).

Федеральный правительственный центр передового опыта в области культурных и креативных индустрий содействует сотрудничеству между креативными индустриями и другими секторами. Центр продвигает инновационный потенциал творческих индустрий и управляет платформами для создания сетей. Его цель - лучше подчеркнуть важность культурных и креативных индустрий как отдельного сектора и движущей силы инноваций. Кроме того, Центр ведет ежегодный мониторинг и предоставляет исчерпывающую статистику по сектору креативных индустрий, что дает возможности для углубленной аналитики и корректировки госпрограмм.

На региональном уровне это различные НКО, бюджетные организации и региональные департаменты экономического развития. Например, одними из

¹⁶ Neu Start initiative: официальный сайт. URL: <https://www.neustart-initiative.de/>

¹⁷ Initiative Kultur- und Kreativwirtschaft: официальный сайт. URL: <https://www.kultur-kreativ-wirtschaft.de/KUK/Navigation/DE/DieInitiative/die-initiative.html>

наиболее популярных и крупных организаций, функционирующих в формате мегакластеров, являются: NEXT MANNHEIM и Hamburg kreativ gesellschaft^{18,19}. Оба центра действуют как креативные инкубаторы, предоставляя развивающемуся бизнесу знания об особенностях креативной отрасли, выделяют финансирование на инновационную креативную деятельность и сдают помещения в аренду.

Государственная политика Германии в целом схожа с Великобританией: стремление к кластеризации сектора, создание разных профильных органов и организаций, которые контролируют креативную индустрию, вводят новые параметры и корректировки. Отличает ее подробная статистическая отчетность и структурность государственных программ. Немецкая политика больше ориентирована на инновационность, предпочтения в финансировании отдаются именно таким продуктам креативной индустрии. По оценкам, в 2019 году креативные индустрии добавили в экономику Германии почти 106,4 млрд евро, около 1,81 миллиона человек были заняты в сфере культуры и творчества. Это означает, что сектор опережает ключевые секторы экономики, такие как химическая промышленность, поставщики энергии и финансовые услуги, что говорит о значительных приоритетах Правительства Германии на креативную индустрию и успешности проводимой государственной политики.

Говоря о России, необходимо отметить, что у нас недостаточно сформирована нормативно-правовая основа в сфере креативных индустрий. Представления о том, как определять креативный сектор и о том, какие объекты относятся к креативным индустриям, являются дискуссионными. Впервые понятие креативных индустрий и официальный перечень видов деятельности, относимых к креативным индустриям, были представлены в Указе Президента РФ от 24.12.2014 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», однако, креативная экономика в документе лишь упоминается²⁰.

Основным документом, определяющим развитие креативных индустрий в РФ, является Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года²¹. Концепция не только дополняет определение креативных индустрий, изложенное в Указе Президента, но и добавляет целый перечень определений для понятий из области креативной экономики, содержит

18 NEXT MANNHEIM: официальный сайт. URL: <https://next-mannheim.de/en/>

19 Kreativ Gesellschaft: официальный сайт. URL: <https://www.kreativgesellschaft.org/#Schwerpunkte>

20 Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808. Гарант Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70828330/>

21 Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 N 2613-р. КонсультантПлюс Информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/4f81bcb73c6d58757e4d96b9291cc109b179bc5c/

анализ тенденций развития отрасли в России, излагает проблемы и пути их решения, для развития креативных индустрий в РФ. В документе отмечается, что креативная экономика оказывает благоприятное воздействие на региональное развитие, т.к. она способствует:

- сокращению социально-экономической диспропорции, за счет повышения уровня жизни в регионах;
- повышению туристической привлекательности территорий, в т.ч. за счет создания и развития узнаваемости отечественных брендов, создания позитивного имиджа территории.

Помимо указанной Концепции, развитие сфер, которые по отдельности относятся к креативной индустрии в целом, а именно: культура, народные ремесла и художественные промыслы, музыка, а также создание для них необходимых условий и их продвижение на внешних рынках, предусматривается целым рядом стратегических документов:

- Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»);
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»;
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р);
- План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 года № 3227-р);
- Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры»; Постановление Правительства РФ от 31 марта 2020 г. N392 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. N317»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2019 года № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» и плана мероприятий по ее реализации;
- Приказ Минпромторга России от 20.07.2015 N2011 «Об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015–2016 гг. и на период до 2020 года»;

- Стратегия развития индустрии музыкальных инструментов и звукового оборудования на период до 2030 года²².

Данные документы в целом косвенно определяют необходимость развития и поддержки креативных индустрий. Отметим, что аналогичные госпрограммы в приведенных нами в пример индустриях Германии и Великобритании четко определяют государственную поддержку конкретно для креативной индустрии.

При анализе российских госпрограмм, мы можем наблюдать, что такие популярные меры поддержки как: налоговые льготы; субсидии на поддержку проектов повышения конкурентоспособности, связанных с продвижением, сертификацией и (или) адаптацией российской продукции; кредитная поддержка; субсидии на компенсацию части затрат на проведение НИОКР; поддержка выставочной деятельности за рубежом, субсидии на осуществление сертификации продукции и получение авторских прав не представлены в документе применительно к креативным индустриям, субсидии на осуществление сертификации продукции, а они составляют значительную часть расходов развивающихся российских компаний в этой сфере. Также в госпрограммах не освещен вопрос поддержки социального предпринимательства в этой сфере, тогда как такой вид бизнеса в креативной индустрии является частым и при этом во многом убыточным, поэтому ему необходима целевая государственная поддержка, потому что без нее на региональном и местных уровнях могут попросту не появляться современные креативные пространства.

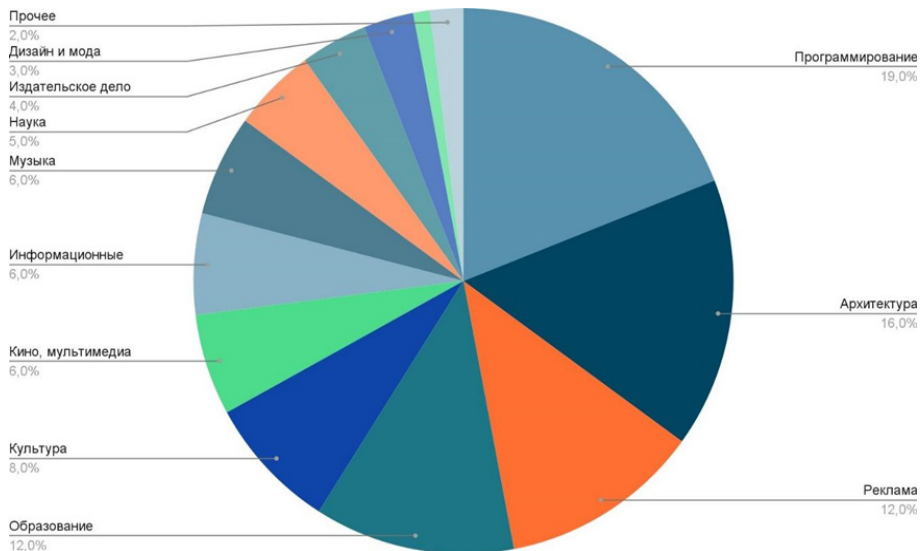
На сегодняшний день вклад в ВВП креативных индустрий составляет 84 миллиарда долларов США, что составляет примерно 2,4%. Согласно концепции, это значение в несколько раз ниже среднемирового показателя, из чего следует задача по увеличению доли креативных индустрий в ВВП до 6% к 2030 году.

В сфере креативных индустрий России работает 1,6 миллиона человек, что равняется 5% от общего числа занятого населения страны. Сравнивая с международными показателями видно, что при значительной доле трудоспособного населения, занятого в креативных индустриях, вклад в ВВП несоразмерно мал. Это можно объяснить низкой производительностью труда в исследуемой сфере в России на данный момент. Такие показатели также являются следствием недочетов в действующих госпрограммах, которые требуют корректировки с учетом специфики и акцентов на креативных индустриях.

²² Об утверждении Стратегии развития индустрии музыкальных инструментов и звукового оборудования на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.06.2021 г. № 1582-п. URL: <http://government.ru/docs/all/135010/>

Рисунок 1. Структура организаций креативных индустрий в России по видам деятельности²³

Figure 1. Structure of creative industries organizations in Russia by type of activity

При этом, в России достаточно развита грантовая поддержка креативных индустрий, которую реализует Президентский фонд культурных инициатив, Фонд содействия инновациям, Департамент государственной поддержки искусства и народного творчества Министерства культуры Российской Федерации, и иные региональные государственные и некоммерческие структуры. Однако грантовая поддержка не является системной, так же как и многие гранты можно получать только при отсутствии других видов финансирования, поэтому необходимо делать акцент на конкретную целевую поддержку креативной отрасли, с дальнейшей разработкой профильных документов.

Отдавая приоритет развитию сети региональных креативных индустрий, при наличии у регионов России большого потенциала в виде широкого разнообразия региональных и национальных историко-культурных особенностей, высокой добавленной стоимости продуктов интеллектуального труда, можно значительно ускорить достижение показателей концепции до 2030 года, а также подстегнуть развитие регионального среднего и малого бизнеса в России.

23

Составлено авторами по: 100 городских лидеров крауд-платформа: сайт. URL: <https://100gorodov.ru>

Говоря о мерах региональной поддержки, отметим недостаточность структурной работы в направлении развития креативных индустрий, ситуация различается от региона к региону. На фоне всех городов и регионов сильно выделяется Москва и МО, выступающие центром развития креативной индустрии в России. Лидерство Москве обеспечивает сильная институциональная поддержка, а также комфортные условия, создающие благоприятный инвестиционный климат, что обусловлено преимуществами региональной экономики, и репутация исторически сложившегося центра интеллектуальной и творческой деятельности. В столице сосредоточены самые крупные организации, осуществляющие деятельность в сфере кино, телерадиовещания, рекламных агентств, издательских компаний, дизайнерских студий и т.д. Институциональная поддержка обусловлена регулярными грантами Мэра Москвы²⁴ в сфере культуры и искусства и Министерства культуры и туризма Московской области²⁵. Директор АО «Роскино» отмечает, что в Москве сосредоточено 90% кинопроизводства, отечественный кинопродукт занял 7-е место в международном прокате.²⁶

В 2020 году департаментом предпринимательства и инновационного развития города Москвы было создано Агентство креативных индустрий (АКИ), осуществляющее поддержку креативного предпринимательства в городе. Также АКИ призвано способствовать формированию положительного имиджа города, международного творческого центра, осуществляет значительную финансовую поддержку креативной индустрии.

Инвестиции со стороны АКИ преимущественно сосредоточены на развитии экспорта товаров и услуг креативной индустрии Москвы, и отдельно стоит выделить, что в отличие от федерального уровня, АКИ выделяет субсидии на сертификацию: патентов, продукции, менеджмента за рубежом.

Вклад креативных индустрий в ВРП Москвы составляет 18,5%, а столичные организации создают около 1,12 трлн рублей, или 54% добавленной стоимости от всех креативных индустрий в России. Они обеспечивают четверть всех занятых в креативной экономике страны. Показатели занятости в креативной индустрии показывают, что на Москву приходится каждый пятый творческий работник (около 829 тыс. чел.). В город ввозится 55% всех «креативных» товаров, в основном дизайнерская продукция (модные аксессуары, игрушки, предметы интерьера и проч.) и свыше 20% отечественных товаров уходит на экспорт, как правило — печатные издания, модные аксессуары и игрушки.

Примером системной и институциональной поддержки креативной индустрии

24 Официальный сайт Мэра Москвы: интернет-ресурс. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/grants/#>

25 Культура гранты России: официальный сайт. URL: <https://grants.culture.ru/grantors/ministerstvo-kultury-i-turizma-moskovskoy-oblasti/>

26 Официальный сайт Мэра Москвы: интернет-ресурс. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/12299/7608050/>

является опыт Республики Саха (Якутии). Республика имеет передовые взгляды на развитие креативной индустрии, что во многом отличает ее от других регионов. Глава Республики Айсен Николаев отметил, что создание креативной экономики является региональным приоритетом, в особенности правительство республики делает акцент на развитие кино, народных промыслов, дизайна и моды.

Для поддержки и развития креативной индустрии региональное руководство создает все необходимые условия: с 2019 года действует профильная Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года²⁷, существует Концепция развития киноиндустрии Республики Саха (Якутия) на 2014 – 2020 годы²⁸, а также создан региональный Фонд поддержки креативных индустрий и талантов, который финансирует проекты и инициативы в этой сфере, в планах стоит создание Центра развития кино. Данный региональный фонд уникален социальной стороной своей деятельности, он декларирует не только поддержку отрасли и развития креативной экономики региона, но и рассматривает свои вложения как инвестиции в человеческий капитал Якутии.

Помимо правительства Якутии, развитием креативной индустрии также занимается АО «Корпорация развития Республики Саха (Якутия)». Корпорация разработала концепцию кластера креативной индустрии «Квартал труда» и уже с конца 2022 года он начал свою работу. Проект этого кластера является основообразующим для региона. Он реализован в рамках ТОСЭР, имеет налоговые льготы, что уникально в сфере креативных индустрий России, а реализован по принципу немецкой деиндустриализации для креативных пространств, на площадке бывшего производственного здания 1976 года постройки²⁹. Уникальным проектом является и «Парк будущих поколений», который задуман как комфортное креативное общественное пространство для круглогодичного использования с национальной спецификой, где человеку удобно как отдыхать, так и работать, создаются условия для коммуникации людей друг с другом³⁰.

Вклад креативных индустрий в ВРП Якутии оценивается в 2,4%, а к 2035 году, согласно стратегии правительства республики, ожидается 4,4%. К креативному сектору относятся 6059 организаций, или 11,1% от общего числа. В креативных отраслях заняты 41 654 человека, или 8,2% от общего числа занятых в республике. По планам к 2035 году это число должно возрасти более чем вдвое, до 92 687

27 Об утверждении Концепции развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 декабря 2019 г. № 1736-п. URL: <https://krtsy.ru/wp-content/uploads/2020/02/Концепция-razvitiya-kreativnoy-yekonomiki-RS-YA-1.pdf>

28 Об утверждении Концепции развития киноиндустрии Республики Саха (Якутия) на 2014 – 2020 годы: Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 26 декабря 2013 г. № 1436-п. URL: <https://minprom.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1187143>

29 РБК+: официальный сайт. URL: <https://plus.rbc.ru/news/63dcd7277a8aa9898555025c>

30 Парк будущих поколений: официальный сайт. URL: <https://parkyakutia.ru/>

человек (15,7%). Доля ВМП креативных индустрий административного центра субъекта РФ города Якутска в общем объеме ВРП креативных индустрий региона составляет 89% (4)³¹.

Выводы

Таким образом, мы видим, что на примерах Якутии и Москвы, на уровне регионов в России есть понимание роли и значения индустрий, реализуются различные механизмы поддержки и , есть региональные инструменты, профильные фонды и НКО, которые занимаются этими вопросами. Однако, общие статистические показатели по стране говорят о том, что государственная политика по поддержке креативных индустрий требует доработки. Разработана Концепция развития креативных (творческих) индустрий до 2030 года, но она не подкреплена соответствующими государственными программами, которые будут дополнять ее прописанными механизмами и инструментами поддержки отрасли.

Принимая во внимание опыт передовых практик развития креативных индустрий, России целесообразно развивать инфраструктуру и нормативно-правовые основы для дальнейшей поддержки креативных индустрий. Требуется дополнительная разработка профильных госпрограмм, в которых будет прозрачно отражены и расширены текущие механизмы и меры поддержки креативных индустрий. Например:

- компенсации финансовых затрат на ведение деятельности организаций в сфере креативных индустрий (получение авторских прав, регистрация юридического лица, арендные издержки для НКО и др.);
- федеральные субсидии на возмещение части затрат при сертификации и регистрации товаров и услуг за рубежом, в т.ч. для продвижения национального положительного имиджа территорий;
- федеральные субсидии на развитие креативных общественных пространств в регионах и муниципальных районах;
- развитие разнородных программ реализации налоговых льгот для креативных организаций и кластеров;
- расширение мер поддержки креативных организаций, подверженных негативному воздействию со стороны внешних факторов (Кинотеатры, производители программного обеспечения и др.) в населенных пунктах Российской Федерации;
- развитие программ, способствующих облегчению арендных издержек и мягкой деиндустриализации в неиспользуемых промышленных

31

Агентство стратегических инициатив: официальный сайт. URL: <https://asi.ru/news/159535/>

предприятиях в креативные общественные пространства.

Вышеперечисленные меры подразумевают развитие законодательства в сфере креативных индустрий, а также создание отдельных государственных программ и стандартов. Также эти меры поспособствуют пропорциональному региональному развитию, снижению диспропорции социально-экономического развития регионов в России, повышению привлекательности национального креативного продукта, росту устойчивости экономики и экспорта.

Список источников

1. Гнедовский М. (2005), Творческие индустрии: политический вызов для России Отечественные записки. М., № 4.
2. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н., Яшан Т.В. (2017), Становление и развитие креативных индустрий на примере Германии. Научно-методический электронный журнал «Концепт». № S5. С. 43–46.
3. Жупарова А.С. (2020), Сравнительный анализ развития креативных индустрий в Китае и Великобритании. Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. № 3 (35). С. 46–53.
4. Харитоновна С.В. (2021), Перспективы развития креативной индустрии в Арктическом регионе республики Саха (Якутия). Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». №1. С. 16.
5. Prince, R. (2010), Geoforum. No. 41 (6). pp. 875–884.

References

1. Gnedovsky, M. (2005), Creative industries: a political challenge for Russia. Otechestvennye zapiski. Moscow. No. 4. (In Russian)
2. Ermakova, L.I., Sukhovskaya, D.N., Yashan, T.V. (2017), Formation and development of creative industries on the example of Germany. Scientific and methodological electronic journal "Concept". No. S5. pp. 43–46. (In Russian)
3. Zhuparova, A.S. (2020), Comparative analysis of the development of creative industries in China and Great Britain. Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. No. 3 (35). pp. 46–53. (In Russian)
4. Kharitonova, S.V. (2021), Prospects for the development of the creative industry in the Arctic region of the Republic of Sakha (Yakutia). Scientific and educational journal for students and teachers "StudNet". No. 1. P. 16. (In Russian)
5. Prince, R. (2010), Geoforum. No. 41(6), pp. 875–884.

Информация об авторах

БУНЕЕВ Тимофей Павлович, студент направления «Регионоведение России», Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: timofeibuneev@yandex.ru.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ Артём Ильич, студент направления «Регионоведение России», Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: artemza12@gmail.com.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.02.2023. Одобрена после рецензирования: 09.03.2023. Принята к публикации: 19.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Timofey P. BUNEEV, student of "Regional Studies of Russia" direction, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: timofeibuneev@yandex.ru.

Artyom I. ZAYONCHKOVSKIY, student of "Regional Studies of Russia" direction, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: artemza12@gmail.com.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 25.02.2023. Approved after peer review: 09.03.2023. Accepted for publication: 19.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

И. Глазунов «Вечная Россия», 1988 г.
Источник: <https://topkartin.ru/kartiny/vechnaya-rossiya>

«Вечная Россия» или «Сто веков»

Полотно **«Вечная Россия» Глазунова И.С.** – монументальная работа живописца, ставшая его визитной карточкой. Первоначальное название – **«Сто веков»**. Но автор считал его недостаточно сильным и вскоре нашёл более выразительное и многозначное – **«Вечная Россия»**. Новаторская работа выполнена живописцем к **1000-летию Крещения Руси**. Праздничный Крестный ход на картине «Вечная Россия» посвящён этой дате. Цветовое решение полотна выполнено в стиле древнерусской фрески. Такая техника придаёт картине глубину и связывает её составные части в единое целое.

Источник:
<https://topkartin.ru/kartiny/vechnaya-rossiya>

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

УДК 930.24

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-124-141](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-124-141)

Исторические науки

Гавани мыса Таган Рог

Игорь Евгеньевич Павленко

Общественная Организация «Фонд Таганрог Исторический», Таганрог, Российская Федерация
taganflot@gmail.com

Аннотация. В статье на основе хронологического и системного методов рассмотрена история создания и развития морских гаваней на мысу Таган Рог, начиная с VII века до н.э. Использованы данные геологии, археологии, историографии. Показано, что расположение мыса, богатые ресурсные возможности моря и прилегающих плодородных земель на протяжении тысячелетий привлекали народы, находившиеся на пике этногенеза: греки-эллины, понтийские греки, византийцы, генуэзцы и венецианцы, турки-османы оборудовали здесь якорные стоянки, гавани, опорные пункты. Созданная Петром I и возобновленная при Екатерине II военно-морская база «город Троицкий» (Таганрог), построенный флот и решительные действия армии радикально изменили геополитическую ситуацию в регионе: Россия взяла под контроль Азовское море, вышла в Черное и получила доступ в Средиземное, умиротворила Дикое Поле и Крым. Город Таганрог стал коммерческим портом с развитыми внешнеторговыми связями. Наличие порта стимулировало развитие промышленности и культурных связей. В XX веке городские гавани умножились: гавань металлургического завода, судоремонтный завод, гидро-база авиационного завода, яхт-клубы, базы рыболовецких и маломерных судов. Сегодня город имеет особый морской колорит, сложную экономическую, социальную и культурную структуру. Жители используют разнообразные возможности для работы, досуга, саморазвития. Результаты дальнейших археологических раскопок на мысу и архивные исследования будут способствовать просвещению россиян, расширять их кругозор, формировать твердую гражданскую позицию и цельную систему взглядов на мир.

Ключевые слова: гавань, мыс Таган Рог, уровень моря, порт, торговые пути, развитие, историческое просвещение

Для цитирования: Павленко И.Е. Гавани мыса Таган Рог. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(3). С. 124-141.

© Павленко И.Е.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-124-141](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-124-141)

Harbors of Cape Tagan Rog

Igor E. Pavlenko

Non-governmental organization "Historical Taganrog Fund", Taganrog, Russian Federation
taganflot@gmail.com

Abstract. Based on chronological and systematic methods, the article examines the history of the creation and development of sea harbors on Cape Tagan Rog, starting from the VII century BC. Data from geology, archeology, historiography are used. It is shown that the location of the cape, the rich resource possibilities of the sea and the adjacent fertile lands for thousands of years attracted peoples who were at the peak of ethnogenesis: Hellenic Greeks, Pontic Greeks, Byzantines, Genoese and Venetians, Ottoman Turks equipped anchorages, harbors, strong points here. The naval base «City of Trinity» (Taganrog), created by Peter the I-st and resumed under Catherine the II-nd, the fleet built and the decisive actions of the army changed the geopolitical situation radically in the region: Russia took control of the Sea of Azov, entered the Black Sea and gained access to the Mediterranean, pacified the Wild Field and the Crimea. The city of Taganrog has become a commercial port with developed foreign trade relations. The presence of the port stimulated the development of industry and cultural ties. In the XX century the city harbors multiplied: the harbor of the metallurgical plant, the ship repair plant, the hydro-base of the aviation plant, yacht clubs, bases of fishing and small vessels. Today the city has a special marine flavor, a complex economic, social and cultural structure. Residents use a variety of opportunities for work, leisure and self-development. The results of further archaeological excavations at the cape and archival research will contribute to the education of Russians, broaden their horizons, form a firm civic position and a coherent system of views on the world.

Keywords: harbor, Cape Tagan Rog, sea level, port, trade routes, development, historical enlightenment

For citation: Pavlenko, I.E. Harbors of Cape Tagan Rog. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(3). pp. 124-141.

Гавань – (от нидерл. haven), естественно или искусственно защищенная от ветра, волн и течений часть водного пространства для стоянки, ремонта и зимовки судов (Энциклопедический словарь).

Введение

Мыс Таган Рог на Азовском море расположен в самом углу мелководного залива, сложного и опасного для судоходства. Однако со времен ранней античности греки-эллины, а затем и другие народы использовали берега мыса в качестве гаваней. Причины и следствия возникновения этих гаваней, их генезис заслуживают системного междисциплинарного исследования. Точные знания и понимание отечественной истории актуальны для социума и государства во все времена. Граждане России должны иметь веские основания и ценностные ориентиры для созидательной жизни под девизом «Хорошо там, где мы есть».

Результаты исследования

Азовское море возникло в результате распада обширного древнего водоема. На протяжении сотен тысяч лет облик района менялся от большого озера до пересеченной реками заболоченной низменности, затем лимана реки Дон и нынешнего состояния (10). Значительные изменения конфигурации водной поверхности происходили и во времена античной истории. Приплывшие сюда в VII веке до н.э. греки вошли в северную часть лимана – предшественника Таганрогского залива. В то время по берегам существовала плодородная низменность (7), что вместе с изобилием рыбы и привлекло эллинов. Уровень воды в районе современного Таганрога был на 5-6 метров ниже сегодняшнего, кромка берега отстояла от нынешней на километр и более (10). Греческий поселок расположился на северной части мыса у подножия теперешней Каменной лестницы, большей частью на прибрежной террасе, покрытой сегодня морем. Поселок известен среди археологов как Таганрогское поселение. По мнению ряда историков, (7; 8) поселение можно соотнести с гаванью Кремны, о которой писал Геродот. Судя по выброшенным морем обломкам керамики (с росписью и надписями), здесь обосновались выходцы из греческого города Милета (крупнейший порт античности на западном берегу Малой Азии). Характерно, что значительная часть археологических находок – фрагменты транспортных амфор. Материалы раскопок приводят к выводу, что жители поселения выращивали зерно, сушили и солили рыбу и икру, обеспечивали себя, а прибавочный продукт вывозили в метрополию, нуждавшуюся в продовольствии. В VI веке до н.э. люди оставили поселок. К началу новой эры произошел значительный подъем уровня моря, и вода уничтожила следы построек (8).

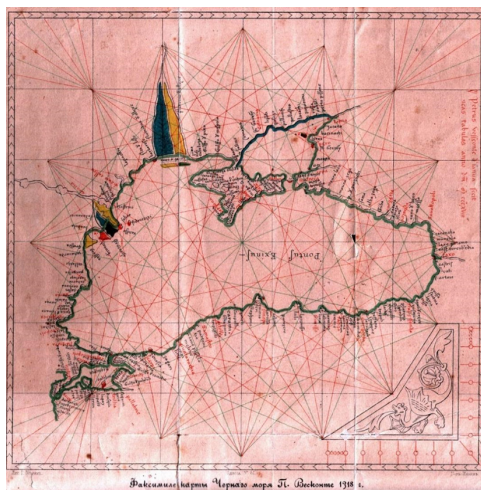
На южной стороне мыса Таган Рог (территория современного рыбацкого района Богудонии) археологические находки свидетельствуют о существовании греческого поселения в IV-III веках до н.э. и его связях с Боспорским царством. Найдены также

фрагменты византийской и золотоордынской керамики XIII-XIV веков (6; 8). Очевидно, в те времена здесь также существовали гавани. Материалы раскопок на территории современной Пушкинской набережной Таганрога указывают на то, что сезонная гавань, торжище действовали здесь и в XII-XIV вв. (6; 8).

В VI-X веках Приазовье, нижний и средний Дон, нижнюю и среднюю Волгу занимал Хазарский каганат, контролировавший значительную часть Великого Волжского торгового пути. После разгрома Хазарии киевским князем Святославом (965-968 г.г.) на Керченском и Таманском полуостровах образовалось русское Тмутараканское княжество, просуществовавшее до начала XII века. Приметный мыс Таган Рог вошел в сферу русского влияния (6). Несомненно, здесь останавливались византийцы и русские мореплаватели.

Наши знания по истории Приазовья базируются на материалах геологии, археологии и документах прошлых лет. О существенных временных пробелах можно составить только общее представление. Колебания уровня моря, изменения климата, миграции племен, войны, нарушали и прерывали хозяйственную деятельность. В прибрежных степях проходили и жили кочевники: киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, половцы, печенеги. Во времена стабильности они были заинтересованы в торговле, и жизнь в гаванях и прибрежных поселениях протекала в трудах и покое. Но в периоды переселения и междоусобиц степняки сметали все на своем пути. Разорение и запустение огромных пространств длилось многие годы. Потом жизнь брала свое и торговые пути вновь соединяли народы.

Рисунок 1. Карта Мраморного, Черного и Азовского морей Пьетро Бесконтти. 1318 г.¹
Figure 1. Map of the Marmara, Black and Azov Seas by Pietro Visconti. 1318.

1

Копия карты предоставлена Судакским музеем «Генуэзская крепость». Источник: http://papacomana.narod.ru/maps/portolan_vesconte_1318.htm.

Карта 1318 года генуэзца Пьетро Бесконтти (Рисунок 1) говорит о детальном знании средиземноморскими мореходами акваторий и берегов Черного и Азовского морей (3). На карте обозначены устья рек, якорные стоянки, гавани, в т.ч. у мыса Таган Рог – Порто Пизано. Таганрогский залив, дельту Дона, мыс Таган Рог последовательно считали своими греки-эллины, понтийские греки, римляне, византийцы, хазары, русы, генуэзцы и венецианцы, золотоордынцы. Перекресток торговых путей с плодородными землями и изобилием высокосортной рыбы притягивал людей во все времена. В XV веке торговлю в Азово-Черноморском бассейне взяла под контроль Османская империя. С 1475 года торговый город Тана-Азов в дельте Дона стал ее северным портом. Турки подчинили Крымское ханство, изгнали итальянцев, претендовали на земли юга России, Поволжье, Каспий. Принципиально ситуация изменилась, когда русские войска под началом Петра I в 1696 году взяли Азов и zaloжили на мысу Таган Рог военно-морскую базу. Россия стала морской державой. В 1705 г. в основном завершили строительство города-крепости Троицкого (Таганрога) и порта. Размеры гавани были внушительны: восточный и западный молы – более 400 метров, фронтальный мол – около 1 километра в длину (Рисунок 2). Основу молов гавани составляли 4 ряда свай (всего забито около 30.000 шт.), в пространство между которыми плотно установили дощатые ящики размерами 5х2,25 сажени с камнем. Ящики имели дно (9). Все элементы конструкции связывались железными скрепами и заливались известковым раствором. Спроектировал гавань и руководил строительством итальянец Матвей Симонт (Маттео Миланковидж (1)). По окончании строительства царь Петр наградил Симонта именной медалью с надписью: «За дело гавани капитану Матвею Симонтову» (Рисунок 3). На аверсе - погрудный портрет Петра I, обращенного вправо, на реверсе – план города-крепости Троицкого с гаванью. М. Симонт также спроектировал и руководил строительством морского форта «Цитадель» на искусственном острове перед гаванью (с XIX века его стали называть «Черепашка»). Форт, очевидно, имел свой причал – малую гавань.

Рисунок 2. Чертеж-проект Таганрогской гавани. 1701 г. (1)

Figure 2. Drawing-project of Taganrog harbor. 1701.

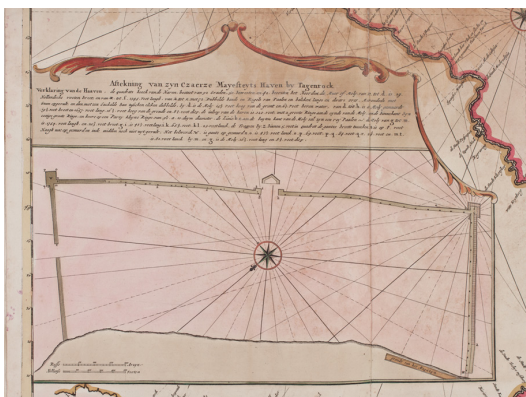

Рисунок 3. Медаль капитана Маттео Симонта (11)**Figure 3.** Captain Matteo Simon's Medal

Убежище для флота получилось надежное, однако оно не долго служило России. В 1711 году, по неудачному для России Прутскому договору, русские оставили Приазовье, разрушив порт и Троицкую крепость.

25 сентября 1768 года Турция объявила России очередную войну. Императрица Екатерина II и ее советники решили подкрепить военные действия на суше морскими силами, для чего воссоздать Таганрогскую базу и Азовский флот. Учрежденная в ноябре 1768 года Донская экспедиция (по сути – штаб) под руководством контр-адмирала Алексея Наумовича Сенявина приступила к реализации поставленных задач.

Корабли строились на возрожденных Воронежских верфях, а центром достройки флотилии с 1771 года стал Таганрог. Уже 8 мая 1771 года эскадра под флагом адмирала А.Н. Сенявина отправилась с Таганрогского рейда к Арабатской стрелке для поддержки войск генерал-аншефа В.М. Долгорукова и противодействия турецкому флоту. С 1772 года в Таганроге выполняли текущий ремонт кораблей. Мелководность гавани заставляла производить основные работы на внешнем рейде. Доставку оснастки обеспечивали шлюпки. При необходимости корабли заводили в гавань, полностью их разгружая.

Посетивший Таганрог в сентябре 1773 года академик И.А. Гильденштедт записал в путевом дневнике: «...Противоположную крепости часть моря занимает гавань, обведенная деревянным молом. Мол имеет в окружности 600 сажений, в ширину 3 сажени, а в высоту 10 футов. Он состоит из срубов, наполненных камнями. Две трети его с (западной) стороны уже готовы. Он возведен на старом фундаменте времен Петра Великого». К 1773 году были готовы основные постройки порта: жилые, склады, мастерские и др. К строительству северного мола и береговой стенки не приступали (9).

Основные материалы кораблестроения – дерево, пенька и парусина быстро изнашивались. Но система судоремонта в Таганроге работала столь четко, что все корабли Азовского флота постоянно содержались в боевом состоянии. Азовцы успешно воевали на море и обеспечивали необходимую поддержку сухопутных войск. В 1774 году война победно завершилась Кючук-Кайнарджийским миром, по которому Россия

закрепила за собой Азов и Таганрог, другие крепости и земли, узаконила право иметь флот на Черном море и право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Таким образом, спустя 60 лет Екатерина II и ее военачальники реализовали Азовский проект Петра I. В 1783 году Крым вошел в состав России. Началось освоение обширных южных земель – Новороссии. Вклад Таганрогского военного порта в этот грандиозный результат весьма значителен.

В 1783 году Азовский флот перебазировался в Ахтиарскую (будущая Севастопольская) бухту и стал основой Черноморского флота. Таганрог же остался в глубоком тылу. 23 июня 1795 года сильнейший шторм совершенно разрушил военную гавань. Формально военный порт в Таганроге был упразднен в 1816 году. (9).

В 1774 году на северной стороне мыса Таган Рог, где волнение всегда меньше (район современной намытой части Пушкинской набережной), приступили к организации торгового порта. Были построены деревянные здания биржи и складов, оборудованы дороги на возвышенную городскую сторону – так называемые «спуски». Основной груз – зерно на экспорт. Мелкосидящие суда подходили близко к берегу. Погрузку-выгрузку производили на лодках (12) и даже на телегах, заезжавших в воду (Рисунок 4). Крупные суда грузились на рейде Петровского порта, а имевшие небольшую осадку причаливали к его разрушенным молам, где глубина составляла 6-7 футов (Рисунок 5). Гавани Таганрога обеспечивали средствами существования тысячи крестьян, торговцев, моряков, рабочих. Несмотря на примитивную организацию, Таганрогский порт в первой половине XIX в. занимал пятое место по объему внешней торговли после Риги, Санкт-Петербурга, Одессы, Архангельска (12).

Рисунок 4. Разгрузка мелкосидящего судна «на телеги» у Воронцовской набережной²
Figure 4. Unloading of a shallow-seated vessel «on carts» at the Vorontsovskaya embankment

Рисунок 5. Гавань на оконечности мыса (Северный мол) в середине XIX века³
Figure 5. The harbor at the tip of the cape (Northern Pier) in the middle of the XIX century

Проекты полноценного торгового порта разрабатывались постоянно, что отражено на планах города Таганрога 1780, 1800, 1802, 1804, 1827 годов (Рисунок 6). Однако все осталось на бумаге. И дело не столько в костности - мешали объективные причины. Строительство и эксплуатация гидротехнических сооружений в Таганрогском заливе значительно осложнены природными факторами.

Рисунок 6. План города, «сочиненный в Таганрогском строительном комитете 1808 г.»
Figure 6. The city plan, «composed in the Taganrog Construction Committee of 1808» (11)

3 Источник: Фото в свободном доступе.

1. Зимой Азовское море покрывается льдом на 3-4 месяца. Ледяные поля, даже сплошные, подвержены влиянию ветра, и действуют на берег, гидротехнические сооружения и суда, как всеокрушающий бульдозер.
2. Уровень воды в узком и длинном Таганрогском заливе сильно зависит от действия ветров. В районе Таганрога колебания уровня достигают 3,92 м выше ординара (24 сентября 2014 г.) при юго-западных («верховой» ветер) и 3,46 м ниже ординара (8 марта 1968 г.) при северо-восточных ветрах («низовой»). Максимальные значения весьма редки, но «сгоны» воды в пределах 1-1,5 метра происходят регулярно. В остальных портах Азовского моря колебания уровня несравнимо меньше.
3. Дно залива сложено из многометровых слоев ила, песка, ракушки (10) и не может служить надежным основанием для гидротехнических сооружений.
4. Глинистые обрывы берегов подвержены разрушениям и оползням.

Отметим, что сгонно-нагонные колебания уровня моря характерны для таких крупных и успешных портов, как, например, Венеция и Санкт-Петербург, расположенных в глубине мелководных заливов. Морские отливы и приливы также представляют значительную помеху для портовой деятельности не только на открытом побережье, но и в речных портах – например, в Лондоне. Но географическое положение и политико-экономические факторы всегда оставались решающими при выборе места для строительства портов.

Дальнейшее развитие порта и обустройство береговой зоны проследим по уникальной книге «Описание Таганрогского порта» (12) инженера путей сообщения В.Н. Соболева - технического руководителя порта на рубеже XIX-XX века.

С 1848 года Таганрог начал принимать пассажирские пароходы, курсировавшие в Азовском и Черном морях. В 1849 году было завершено строительство набережной на Северо-восточной части мыса (Воронцовская набережная) и мостовой на Биржевом спуске. Условия для торговых операций существенно улучшились. С 1868 по 1874 годы на месте бывшего Петровского порта велось строительство новых молов. Однако к 1887 году состояние порта являлось «вполне беспомощным и негодным» (письмо Таганрогского Городского Головы №2342 от 11 июня 1887 года). До 1888 года только наружная сторона Северного мола и часть Воронцовской набережной оставались доступными судам с осадкой 6-7 футов. Отметим, что в 1878 году на мысу построен каменный маяк. В 1888 году реконструкция порта и Воронцовской набережной поручается Министерству Путей Сообщения. Назовем основные работы, выполненные с 1888 по 1902 года.:

- предварительное бурение разведочных скважин (до глубины 7 саж.) и забивка пробных свай с целью определения характера грунтов морского дна и берега;
- расчистка старой акватории порта от затонувших судов и их фрагментов;
- ремонт и разборка части Петровских оснований молов (удаление

- поврежденных свай, забивка новых, расчистка дна и т.д.);
- возведение новых молов (частично, на Петровских основаниях);
- облицовка молов камнем и бетонными плитами. Установка волноломов;
- землечерпательные работы в обновленной старой и в новой частях гавани. Углубление морского дна с наружной стороны молов. Проведен подходной канал длиной 1300 саж. и глубиной до 10,5 фут от ворот порта до фарватера;
- засыпка части прибрежной акватории старой гавани и возвышение портовой территории за счет вынутого землечерпалкой грунта. Строительство внутрипортовых набережных с каменной облицовкой;
- оборудование подъездных путей (для колесного и железнодорожного транспорта);
- капитальный ремонт Воронцовской набережной: подъем территории подсыпкой глины из бастионов Троицкой крепости, восстановление каменных откосов и др.

В конечном счете, в 1902 году порт принял вид (Рисунки 7; 8), близкий к современному.

Рисунок 7. Фиксационный план Таганрогского порта. 1902 г. (2)

Figure 7. Fixing plan of the Taganrog port. 1902

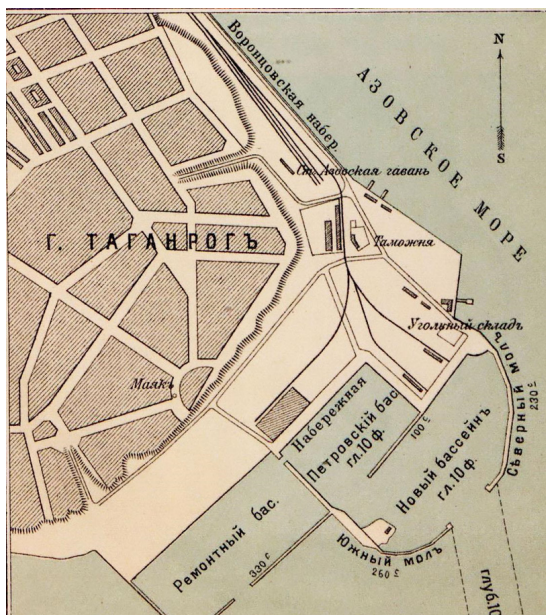
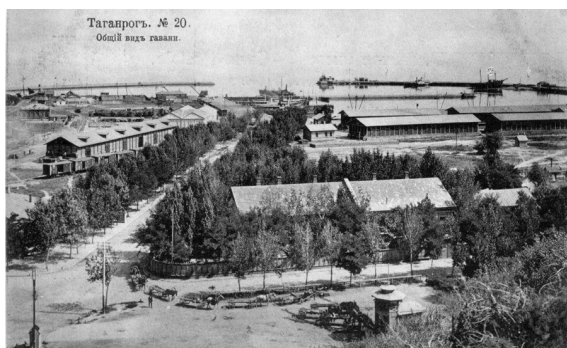

Рисунок 8. Вид на Таганрогский порт и припортовую территорию. 1908 г. (2)
Figure 8. View of the Taganrog port and the port territory. 1908

В советское время судоремонтные мастерские порта преобразовали в Таганрогский судоремонтный завод (ТСРЗ). Ворота Ремонтного бассейна заложили, и он стал гаванью ТСРЗ. Стенку между Петровским и Новым бассейном демонтировали. Построили новые, реконструировали старые причалы. Мощные портальные краны обеспечили погрузку-выгрузку разнообразных грузов (2). Порт и Морской вокзал обслуживали внутренние линии СССР.

В 1991 году порт открыли для международной торговли. ТСРЗ был упразднен. В настоящее время причалы имеют несколько владельцев, но эти вопросы не относятся к задачам данной статьи. Построены терминалы: зерновой, нефтеналивные, контейнерный (Рисунки 9; 10). Ледоколы обеспечивают круглогодичную навигацию начиная от Керченского пролива. Внутренний ковш порта и Таганрогский подходной канал протяженностью 19 километров углубили до 5 м. Таганрог связан водными путями с десятками внутренних и иностранных портов (Рисунок 11).

Рисунок 9. Таганрогский морской торговый порт – современный снимок⁴
Figure 9. Taganrog Commercial Sea Port – a modern snapshot

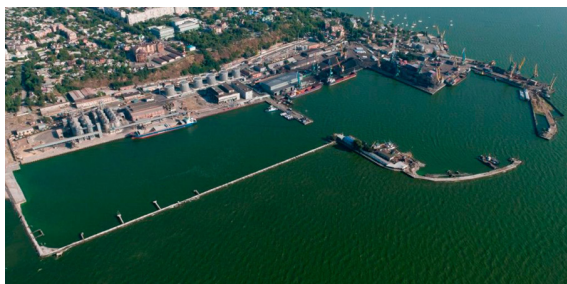

Figure 10. The plan of the Taganrog port. 2004

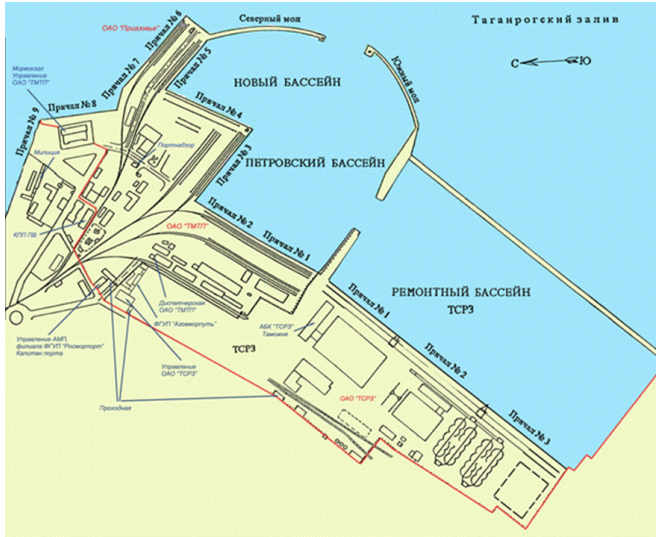

Figure 11. Trade relations of Taganrog with domestic and foreign ports

5 Источник: Фото в свободном доступе.

Более ста лет назад Таганрогское Metallургическое Общество построило на берегу завод – морем удобно было завозить крупногабаритное оборудование из Европы и железную руду с Керченских рудников. Строительство собственной гавани и подходного канала было закончено в 1901 году. В гавани, говоря сегодняшним языком, действовали два терминала: разгрузки барж с рудой (Рисунок 12) и отгрузки зерна на экспорт (Рисунок 13) (5).

Рисунок 12. Гавань Таганрогского Metallургического Общества (5)
Figure 12. Harbor of Taganrog Metallurgical Society

Рисунок 13. Бухта Андреева, 1990-е годы. Видна старинная эстокада для погрузки зерна из железнодорожных вагонов на суда (5)

Figure 13. Andreev Bay, 1990s. An old trestle for loading grain from railway wagons onto ships can be seen

В 1930-е годы металлургический завод получил имя советского государственного деятеля А.А. Андреева. Заводскую гавань и сегодня называют «Бухта Андреева». Гавань использовалась самим заводом для технологических нужд, одновременно служила базой предприятия «АзовХолодРемФлот», а также стоянкой лодочного кооператива. Сейчас здесь размещены яхт-клуб и база пограничных катеров. Завод работает по самым современным технологиям, производя высокосортные стали и трубы различного назначения.

Есть в Таганроге совершенно уникальная гавань - гидро-база авиационного завода имени Г.М. Бериева (4). Железобетонный слип - наклонная площадка от береговой стенки обеспечивает спуск на воду и возвращение на сушу самолетов-амфибий.

Кроме вышеназванных гаваней, с первых лет XX века на южной части Воронцовской набережной разместили яхт-клуб. Во времена СССР между яхт-клубом и портом работал морской причал ДОСААФ, где молодежь получала навыки гребли и хождения на ялах под парусом. Здесь был деревянный слип для вытаскивания ялов и эллинг для их хранения. Сейчас здесь строится база маломерных судов.

В настоящее время на берегах Таганрогского мыса также размещены базы частных катеров, яхтклубы, а в районе Богудонии (пляж «Турецкая бухта») имеет якорную стоянку и пункт выгрузки рыболовецкая артель (Рисунок 14).

Рисунок 14. Берег Богудонии. Рыбачьи лодки, сети, подпорная стенка.

Современное фото⁶

Figure 14. The coast of Bogudonia. Fishing boats, nets, retaining wall. Modern photo

Выводы

Краткий обзор гаваней на мысу Таган Рог с VII века до н.э. по настоящее время показал хозяйственную и политическую необходимость их существования именно в этом месте в разных геополитических условиях на протяжении тысячелетий. Гавани становились звеном торговых путей, ядром поселений колонистов. Основание Петром I военно-морской базы явилось важным событием государственного строительства, одним из следствий которого стало рождение города Таганрога - торгового, промышленного и культурного центра. Таков результат трудов десятков поколений разных народов, сбывшихся и нереализованных планов отдельных людей, племен и государств. Сегодня море и гавани способствуют экономическому и культурному развитию Таганрога, привлекают многочисленных туристов. Морской фактор создает городу особый колорит, обеспечивает жителям дополнительные возможности для работы, развития и досуга. Раскопки археологов и архивные находки дополняют знания о развитии города и его населения в прошлом. Историческое просвещение необходимо нашему обществу, как воздух – оно формирует гражданскую позицию россиян и твердую, цельную систему взглядов на мир.

Список источников

1. Аваков П.А. (2016), Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению [The foundation of Taganrog Harbor: from idea to implementation]. Вопросы истории, естествознания и техники. Т. 36. №2. С. 298-311.
2. Башкатов Б.А. (2013) Мой порт моя гордость. 1698-2013 [My port is my pride. 1698-2013]. Таганрог: И.П. Кравцов В.А.
3. Гордеев А.Ю. (2014), Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков [Toponymy of the coast of the Black and Azov Seas on the Portolan charts of the XIV-XVII centuries]. Academia.edu. Киев.
4. Емельянов С.Н., Заблотский А.Н., Сальников А.И. (2014), История авиастроения в Таганроге [History of aircraft construction in Taganrog]. М.: ООО «Алекс».
5. «...И долгие века льется сталь...». Книга об истории завода, изданная к 110-летию ТАГМЕТ [«... And steel has been pouring for more than a century...». A book about the history of the plant, published for the 110th anniversary of TAG-MET], (2006).

6. Качевский П.С. (2013), Историко-археологические памятники эпохи античности в районе Таганрогского мыса [Historical and archaeological monuments of antiquity in the area of the Taganrog Cape]. Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова.
7. Копылов В.П. (2011), Таганрогское поселение – гавань Кремны? [Taganrog settlement – Kremny Harbor?] Античный мир и археология. Вып.15. Саратов. С. 223-239.
8. Ларенок П.А. (2021), Таганрогский мыс – Кремны? [Taganrog Cape – Kremny?]. «Вехи Таганрога». № 83. С. 5-12.
9. Лебедев А.А. (2011), У истоков Черноморского флота России [At the origins of the Russian Black Sea Fleet]. С-Петербург.: Изд. «Гангут».
10. Матишов Г.Г., Польшин В.В., Титов В.В., Шевердяев И.В. (2019), Голоценовая история Азовского шельфа [Holocene history of the Azov shelf]. Наука Юга России. Т. 15. №1. С. 42-53.
11. Петровские укрепления Миусского полуострова [Peter 's fortifications of the Mius Peninsula] (2015), под редакцией Павленко И.Е. Таганрог: Изд-во «ТАНАИС». 2015.
12. Соболев В.Н. (1905), Описание Таганрогского порта [Description of the Taganrog port]. Труды отдела торговых портов. Вып. XVI. С-Петербург.
13. Соловьев А.И. (1993), Азовское море и Приазовье [The Sea of Azov and the Azov Region]. Таганрог: Изд-во ТРТИ.

References

1. Avakov, P.A. (2016), The foundation of Taganrog Harbor: from idea to implementation. Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki. Vol. 36. No. 2. pp. 298-311. (In Russian)
2. Bashkatov, B.A. (2013) My port is my pride. 1698-2013. Taganrog: I.P. Kravtsov V.A. (In Russian)
3. Gordeev, A.Y. (2014), Toponymy of the coast of the Black and Azov Seas on the Portolan charts of the XIV-XVII centuries. Academia.edu. Kiev. (In Russian)
4. Emelyanov, S.N., Zablotskiy, A.N., Salnikov, A.I. (2014), History of aircraft construction in Taganrog. Moscow: ООО «Aleks». (In Russian)
5. «... And steel has been pouring for more than a century...». A book about the history of the plant, published for the 110th anniversary of TAGMET, (2006). (In Russian)
6. Kachevskiy, P.S. (2013), Historical and archaeological monuments of antiquity in the area of the Taganrog Cape. Review of Taganrog Chekhov Institute. (In Russian)

7. Kopylov, V.P. (2011), Taganrog settlement – Kremny Harbor? Ancient World and Archeology. Ed. 15. Saratov. pp. 223-239. (In Russian)
8. Larenok, P.A. (2021), Taganrog Cape – Kremny? «Vekhi Taganroga». No. 83. pp. 5-12. (In Russian)
9. Lebedev, A.A. (2011), At the origins of the Russian Black Sea Fleet. Saint Petersburg: Izd. «Gangut». (In Russian)
10. Matishov, G.G., Polshin, V.V., Titov, V.V., Sheverdyayev, I.V. (2019), Holocene history of the Azov shelf. Science of South of Russia. Vol. 15. No. 1. pp. 42-53. (In Russian)
11. Peter 's fortifications of the Mius Peninsula (2015), ed. by Pavlenko, I.E. Tagenrog: Izd-vo «TANAIS». (In Russian)
12. Sobolev, V.N. (1905), Description of the Taganrog port. Works of Department of trade ports. Ed. XVI. Saint Petersburg. (In Russian)
13. Solovyov, A.I. (1993), The Sea of Azov and the Azov Region. Taganrog: Izd-vo TRTI. (In Russian)

Информация об авторе

ПАВЛЕНКО Игорь Евгеньевич, кандидат технических наук, Председатель Общественной Организации «Фонд Таганрог Исторический», Таганрог, Российская Федерация. E-mail: taganflot@gmail.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.02.2023. Одобрена после рецензирования: 06.03.2023. Принята к публикации: 21.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Igor E. PAVLENKO, CandSc (Tech.), Chairman of Non-governmental organization “Historical Taganrog Fund”, Taganrog, Russian Federation. E-mail: taganflot@gmail.com.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 25.02.2023. Approved after peer review: 06.03.2023. Accepted for publication: 21.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.25; 930.85; 316.43

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-142-163](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-142-163)

Гендерные образы в детских журналах середины 1930-х – середины 1950-х годов: формирование военно-спортивного детства

Марина Александровна Сазоненко

Школа дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

mkovr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2011-4633>

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тенденциями последних лет: противоречивый взгляд на гендерную политику и актуализация культурного наследия советского периода. Исследование гендерных образов в детской литературе выявляет специфику гендерной политики в СССР, особенности советских воспитательных и образовательных установок, а также способы репрезентации этих тем в детских журналах для разных возрастных групп. В этой статье история детских советских журналов (середины 1930-х – середины 1950-х гг.) показана сквозь призму гендерных исследований. Детский журнал в контексте данного исследования рассматривается как уникальное издание, предлагающее ребенку не только пассивное принятие текстовой и визуальной информации, но и активное закрепление ее посредством игровой и творческой деятельности. Гендерная проблематика в журналах проанализирована на примерах иллюстраций, а также игр и заданий по ручному труду. Представляется интересным проследить, как возврат к традиционному содержанию гендерных ролей в советском обществе в сер.1930-х гг. отразился на визуальной и игровой составляющей популярных детских журналов. А также существует ли в визуальной репрезентации образов персонажей детских журналов и репрезентация гендерных ролей в играх и рубриках для творчества подтверждение попыток государства создания бесполого «советского человека» в период середины 1930-х – середины 1950-х гг., определенный социологами как период тоталитарной андрогинии.

Ключевые слова: советское детство, детские журналы, игры, творчество, иллюстрации, гендерная роль

Для цитирования: Сазоненко М.А. Гендерные образы в детских журналах середины 1930-х – середины 1950-х годов: формирование военно-спортивного детства. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 142-163.

© Сазоненко М.А.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-142-163](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-142-163)

Gender Images in Children's Magazines from the mid-1930s to the mid-1950s: the Formation of Military-Sports Childhood

Marina A. Sazonenko

School of Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

mkovr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2011-4633>

Abstract. The relevance of the topic is due to the trends of recent years: a controversial view of gender policy and the actualization of the cultural heritage of the Soviet period. The study of gender images in children's literature reveals the specifics of gender policy in the USSR, the peculiarities of Soviet upbringing and educational settings, as well as ways of representing these topics in children's magazines for different age groups. In this article, the history of Soviet children's magazines (mid-1930s-mid-1950s) is shown through gender studies. The children's magazine in the context of this study is considered as a unique publication that offers the child not only the passive acceptance of textual and visual information, but also the active consolidation of it through play and creative activities. Gender issues in magazines are analyzed on the examples of illustrations, as well as games and tasks for manual labor. It is interesting to trace how the return to the traditional content of gender roles in Soviet society in the mid-1930s, reflected in the visual and playful component of popular children's magazines. And also, is there in the visual representation of images of characters in children's magazines and the representation of gender roles in games and headings for creativity confirmation of the attempts of the state to create a sexless «Soviet man» in the period of the mid-1930s-mid-1950s, defined by sociologists as a period of totalitarian androgyny.

Keywords: Soviet childhood, children's magazines, games, creativity, illustrations, gender role

For citation: Sazonenko, M.A. Gender Images in Children's Magazines from the mid-1930s to the mid-1950s: the Formation of Military-Sports Childhood. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 142-163.

Введение

Статья посвящена актуальной теме, в которой отразились тенденции последнего времени: обновление взгляда на гендерную политику (проблемы эмансипации и вопросы, связанные с включением в социокультурное и политическое поле меньшинств) и акцентирование общественного внимания на художественное и культурное наследие советского времени (проведение выставок, создание электронных архивов, издание книг). Вопрос о характере репрезентации гендерных образов в детских журналах выявляет и специфику гендерной политики СССР, и особенности именно журнальной разработки этой темы, которые выявлены в исследовании на примерах иллюстраций, бумажных игр и творческих заданий. В современной России социокультурные, политические и экономические изменения хотя и подвергают трансформации традиционное содержание гендерных ролей, однако в области литературы, СМИ и игр для детей сохраняется разделение на предназначенные «для девочек» или «для мальчиков».

Целью данного исследования является анализ гендерных образов, представленных в иллюстрациях, играх и рубриках для творчества детских журналов советского периода середины 1930-х – середины 1950-х гг. Для этих целей был проведен контент-анализ количественных и качественных категорий ряда детских журналов, а также была собрана статистика за 1940 год. Подход позволяет посмотреть на детские журналы не как на составляющую детской литературы, а как на уникальное периодическое издание, предлагающее ребенку не только пассивное принятие текстовой и визуальной информации, но и активное закрепление ее посредством творческой деятельности.

Материалы и методы исследования

Социализация детей происходит в процессе усвоения культурных норм и социальных ролей, в том числе и гендерных. Для детей младшего возраста этот процесс связан не только с семьей и социальными институтами, но также и с литературой, творчеством и играми. Говоря о детской литературе, мы выделяем, прежде всего, визуальную ее составляющую, как наиболее выразительную, богатую символами и образами, и игровую, которая является одним из основных инструментов, конструирующих социальную реальность ребенка.

Журналы в советский период были самым доступным и популярным для детей источником литературных произведений, познавательных статей, игр, материалов для творчества и развития. В период середины 1930-х – середины 1950-х гг. выпускались такие журналы для дошкольников и младших школьников как

«Мурзилка» и «Чиж», которые печатали бумажные игры, материалы для творчества и развития, а также уделяли большое внимание иллюстрациям и рисованным историям. Для школьников выпускались такие журналы как «Пионер», «Костер», в которых печатались рассказы, статьи, материал для творчества и развития. В ходе исследования было изучено 156 журналов, изданных в период с 1935 по 1953 год, из которых 57 номеров журнала «Мурзилка», 21 номер журнала «Чиж», 43 номера журнала «Пионер» и 35 номеров журнала «Костер», а также 5 журналов «Сверчок». Контент-аналитическое исследование данных изданий показало, что в журналах для дошкольников («Чиж» и «Мурзилка») иллюстрации занимают чуть меньше половины всего материала (47–48 %), а в журналах для школьников и подростков («Пионер» и «Костер») на них приходится всего около 30 %. При этом в журнале «Чиж» игр и материалов для творчества было в два раза больше, чем в остальных журналах. Рассказов и стихов в журналах для всех возрастов содержалось около 55 %, а познавательных статей — около 38 %.

В основе работы лежит понятие гендерных образов, которые представляют собой, согласно Джудит Лорбер, культурные репрезентации гендерных различий, а также их воплощение в языке символов и художественных произведений, вследствие чего происходит воспроизводство и узаконивание гендерных статусов (20). Культура, как правило, обеспечивает резервуар ресурсов для гендерной идеологии. Так же в основе исследования лежит понятие гендерного дисплея, введенного американским социологом Ирвингом Гофманом (19). Его идея в том, что гендер конструируется (производится) людьми в процессе повседневных практик, из чего следует, что игровая и творческая составляющая журнала играют большую роль, чем визуальная или иначе, пассивная. Немаловажное значение для работы имеет теория половых ролей, из которой следует полоролевой подход в социализации детей, подвергающийся критике в настоящий момент, но существующий в институтах социализации до сих пор. Основная идея теории состоит в том, что быть мужчиной или женщиной означает выполнение главной роли, характерной для данного пола (мужской и женской). Эта теория концентрируется не на биологических интерпретациях различий между полами, а на том, что поведение мужчин и женщин различно, так как оно соответствует различным социальным ожиданиям (5, с. 68–77).

Результаты исследования

Гендерный порядок в советском обществе в значительной степени определялся государственной политикой и идеологией, то есть государство устанавливало возможности и границы для действий людей. Создание новых отношений между

полами началось уже с первых дней советской власти и в дальнейшем шло по пути вовлечения женщин в общественное производство и политическую жизнь, государственного регулирования семьи, формирования дискуссий, интерпретирующих женственность и мужественность. Гендерный порядок советской эпохи можно разделить на три этапа (2 с. 303–304):

1. период экспериментов в сфере семейно-брачных отношений (1918 – 1930 гг.), или период политической мобилизации женщин;
2. период тоталитарной андрогинии (1930-е – середина 1950-х гг.), или период производственной мобилизации женщин;
3. период либерализации гендерной политики (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) и возврат к традиционному содержанию гендерных ролей.

В 1929–1936 гг. происходит так называемый «великий перелом» гендерного порядка, которому соответствует традиционалистский откат в политике семейно-брачных отношений: повышение статуса брака, запрет аборт, социальная поддержка материнства, запрет регистрации отцовства внебрачных детей. В связи с этими изменениями укрепляется гендерный образ женщины, имеющей две социальные роли: работница и мать (2 с. 303–304).

Рассматриваемый в статье период (середины 1930-х – середины 1950-х гг.) большинство исследователей гендерной системы Советской России считают этапом тоталитарной андрогинии, что отсылает к процессу создания образа бесполого советского человека со стороны государства (10, с.14; 4, с. 241; 2, с. 338). Лучшим выражением стремления к тоталитарной андрогинии стало клише «советский человек». Об этом периоде можно говорить как о времени почти безраздельного господства этакратического контракта «работающая мать» (16, с.4) И если ранний период характеризуется политической мобилизацией женщин, то здесь мы наблюдаем в отношении женского вопроса мобилизацию индустриальную.

В соответствии со ст. 122 Конституции СССР 1936 г., женщине предоставлялись равные права с мужчинами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. В 1930 г. женотделы были ликвидированы, а женский вопрос объявлен решенным. С этого момента деятельность органов власти в отношении женщин начала носить прагматичный характер, с ориентацией на решение производственных и демографических задач. Решение производственных задач государством происходит в том числе через формирование движения за овладение женщинами мужских профессий (трактористки, летчицы, водителя общественного транспорта), то есть сферы неженского в традиционном понимании труда. Принятие закона о запрещении абортов совпало с началом периода, который по нашему мнению, можно назвать периодом «Большого террора» в СССР и установления тотальной слежки за

населением посредством системы политического контроля. Все это отвечало общим принципам гендерного порядка этого периода, в котором женская сексуальность могла быть реализована только посредством деторождения, а интимная жизнь должна была протекать лишь в подконтрольных государству формах (8, с. 258).

Женский визуальный образ сталинского периода наглядно изображали такие художники, как А. Дейнека, А. Пахомов и А. Самохвалов. Их спортсменки и работницы монументальны, статны, сильны, полны жизни и пышут здоровьем. Кажется, что их образы существуют вне понятий о сексуальности, и эти женщины действуют как субъекты, которые строят новый мир, а возвращаясь, домой становятся матерями, хозяйками и управляют домашним бытом.

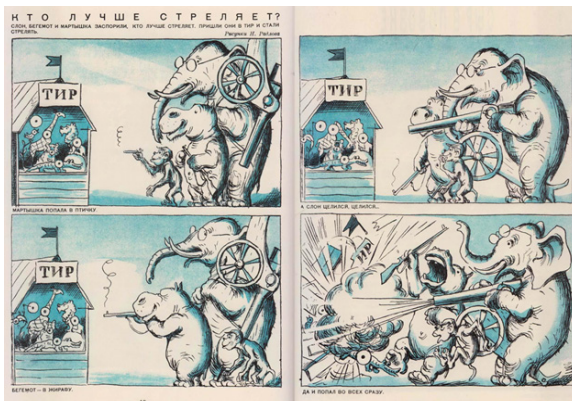
В период середины 1930-х – середины 1950-х гг. меняется также и представление о мужественности. Образ настоящего мужчины этого периода – это отец, участник индустриализации страны и Великой Отечественной войны. Этот образ тиражировался советским кинематографом, литературой, изобразительным искусством как тип. Ю. Левада пишет, что жизненный путь мужчины сталинской эпохи — это путь солдата-освободителя, строителя могучей державы. Жизнь советского мужчины наполнена смыслом, поскольку служение родине (государству) — его мужское призвание. Это служение достойно вознаграждается – он становится героем (9, с. 120). Мужчина изображается у станка, он покоритель стихии, новых земель, участник военных действий, подвигів.

Сталинская эпоха принесла перемены и в семейные отношения. Указом от 8 июня 1944 года был задан вектор на поддержку семьи и материнства, были введены специальные награды. Самым поразительным, как пишет К. Келли, переломом в советской идеологии детства было переключение с бытовавшего в первые пятнадцать лет советской власти восприятия семьи как источника угнетения к восприятию ее как основы социальной стабильности, «ячейки социалистического общества» с середины 1930-х гг. и далее (3, с. 228).

Новые изменения гендерного порядка затронули также и школу: в 1943 г. было введено раздельное образование взамен совместного обучения детей обоих полов, принятого Наркомпросом еще в 1918 г. Предполагалось, что правильная организация учебно-воспитательной работы требует учета особенностей физической природы и развития девушек, в соответствии с которыми должна осуществляться подготовка мальчиков и девочек к труду и практической деятельности. Кроме того, авторы реформы считали, что раздельное обучение будет содействовать укреплению дисциплины и устранил «не всегда здоровые взаимоотношения» между противоположными полами (1, с.5). Не исключено, что данный шаг был введен для более эффективного внедрения военно-патриотического образования для мальчиков, получившее актуальность уже к концу 1930-х гг.

Государство уделяло большое внимание детской литературе и в особенности периодическим изданиям. Журналы в советский период были самым доступным и популярным для детей источником литературных произведений, познавательных статей, игр, материалов для творчества и развития. В начале 1930-х гг. после событий репрессивного характера значительно сократилось число выпускаемых журналов. «Большой террор» был направлен на всю культуру и искусство, в том числе и на детскую литературу. К середине 1930-х гг. уровень административного давления на творческий процесс достиг критического и в 1935 году журнал «Еж» был закрыт. Вышедшая в 1936 г. в газете «Правда» статья «О художниках-пачкунах» оказала большое влияние на жизнь и творчество художников и писателей детской книги и периодики. Последовали репрессии (17, с. 159). Эти обстоятельства повлияли на журнал «Чиж», в предвоенные годы он существенно изменился по содержанию и оформлению, а с началом войны и вовсе был закрыт. Взамен журнала «Еж» в 1936 г. в Ленинграде начинает издаваться пионерский журнал «Костер», который был рассчитан на школьников и подростков. Во время Великой Отечественной войны издание многих пионерских журналов было временно приостановлено. Продолжали выходить «Пионер» и «Мурзилка», однако сократилось количество номеров в год.

В ходе контент-анализа детских журналов, выпускаемых в период с середины 1930-х по 1950-е гг., выявлены основные тематические направления. Уже в первой половине 1930-х гг. во всех журналах для детей разных возрастных групп в большом объеме представлена тема войны как в виде повестей, рассказов, статей, так и в рисованных историях и игровом материале. Журналы повествуют о различных войнах, революциях, подвигах солдат и партизан. Печатаются познавательные статьи про армию, рода войск, оружие и военную технику. На страницах журналов встречаются не только дети с оружием, но и животные, которые в этот период приобретают антропоморфные черты (Рисунок 1, Рисунок 2). Также журнал «Пионер» в 1930–1940-е гг. готовил детей к будущей войне. Рубрики «Военные страницы», «Задачник разведчика», «Школа разведчиков» и др. культивировали такие военные занятия, как гранатометание, стрельба. В разделе «Чем заняться» детям предлагался широкий спектр военных игр: «разведка», «бдительные связисты», «осада крепости» (7, с.195). Индустриализация страны, начавшаяся еще в 1928 г., и первые пятилетние планы активно освещались в детских журналах. Публикуется много статей про различные отрасли производства, про сельское хозяйство, колхозы, транспорт, добычу полезных ископаемых, а также про различные рабочие профессии. Журналы «Пионер» и «Костер» печатают много познавательных статей про изобретения, технику и технологии, приборы. Появляются статьи про различные науки, например физику, химию и биологию.

Рисунок 1. Журнал «Сверчок», 1937 г.**Figure 1.** Magazine «Sverchok», 1937**Рисунок 2.** Журнал «Мурзилка», 1945, № 12**Figure 2.** Magazine «Murzilka», 1945, No. 12

Печатаются познавательные статьи про набирающее популярность спортивное ориентирование, про спортивные рекорды. Особое место в журналах для детей всех возрастов занимают научно-популярные статьи и повести о мореплавании, путешествиях, приключениях, открытиях и туристических походах, покорении Севера, а также об охоте на животных.

Особое место в детской периодике занимала тема вождей, прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также В.М. Молотова, М.И. Калинина, К.Е. Ворошилова и др. В период сер. 1930-сер.1950-х гг. государственные деятели изображены в окружении счастливых детей разных возрастов и из разных республик. Освещение и раскрытие образов вождей было не только прямой необходимостью и условием существования детских изданий, но и удовлетворяло вполне естественную потребность читателей в реализации традиционных мотивов — таких, например, как борьба добра со злом (15, с. 96). До середины 1930-х гг. основным, если не единственным, вождем представлялся Ленин. Во второй половине 30-х гг. начали публиковаться стихи и рассказы, героем которых был Сталин. Образ Ленина начиная со второй половины 1930-х гг. это чаще «добрый дедушка в окружении малышей», как это встречается в журналах «Чиж» и «Мурзилка». Также появляются произведения, посвященные детству и школьным годам Ленина и Сталина. В то время как иллюстрации с изображением семей редки, на страницах журналов регулярно встречаются изображения семьи Ульяновых, публикуются воспоминания сестры Ленина и сопровождаются фотографиями из семейного архива («Мурзилка»,

1936). Иллюстрация Б. Дехтерева в журнале «Мурзилка» в 1940 году демонстрирует нам семью Ульяновых, где Володя играет в шахматы со своим братом, а рядом с ним отец, который, как говорится по тесту, привил сыновьям любовь к этой игре, а в стороне в позиции наблюдателя, стоит сестра с книгой.

Иллюстрации

Во второй половине 1930-х гг. на обложках журналов можно встретить девочек, которые играют на музыкальных инструментах, читают, учатся, а ближе к 1950-м гг. еще и занимаются традиционно женскими занятиями. Изменился и сам визуальный образ девочки, ушла условность, массовость, бесполость, появились детали во внешнем облике. Теперь это аккуратная, опрятная девочка, в светлой одежде или в платье с белым воротничком, с длинными волосами (Рисунок 3). При этом высока вероятность, что это будет представительница одной из республик (Рисунок 4). Идеологически репрезентация представителей республик в этот период, как и в предыдущий, была более необходима, нежели изображение обычных девочек.

В журналах предыдущего периода (1920-е – сер. 1930-х гг.) нередко встречаются иллюстрации с изображением обнаженных купающихся мальчиков, и этот образ уже можно рассматривать практически как канонический. Однако, в 1930–1950 гг. ситуация меняется и изображение тела девочки появляется на страницах периодики (Рисунок 5). Появляются также изображения пары мальчик — девочка, в предвоенный и военный период это нередко выглядит как мальчик в военной форме и девочка в форме полевой медсестры.

Рисунок 3. Журнал «Пионер», 1938 г.

Figure 3. Magazine «Pioneer», 1938

Рисунок 4. Журнал Мурзилка», 1937 г.

Figure 4. Magazine «Murzilka», 1937

Рисунок 5. Журнал «Костёр», 1939 г.**Figure 5.** Magazine «Koster», 1939

Как показал анализ иллюстративного содержания номеров журналов за 1940 г. (Таблица 1), иллюстраций, где главные персонажи — девочки, в среднем в три раза меньше, чем мальчиков. В этот период в группе детей девочки и мальчики представлены в отношении 1 : 1 в журналах для дошкольников и в отношении 1 : 2 в журналах для школьников. Как и в предыдущий период, журналы для школьников помещают большое количество изображений мужчин (31–41 %): это военные, революционеры, государственные деятели, летчики, охотники, спортсмены, полярники, ученые, писатели и др. Изображения взрослых и детей — также по большей части персонажи мужского пола, например отец с сыном, дедушка с внуком. Могут быть учитель с учениками, воспитательница с детьми, государственные деятели с детьми (Ленин, Сталин и др.), но также преобладают образы взрослых мужчин.

Таблица 1. Гендерный анализ содержания журналов за 1940 г.¹**Table 1.** Gender analysis of the content of magazines for 1940

Журнал (годы издания)	Контент, %						
	Девочки	Мальчики	Дети	Женщины	Мужчины	Взрослые	Вз. + д.
Мурзилка	8	38	18 (1 : 1)	1	16	7	19
Чиж	10	20	16 (1 : 1)	0	18	7	29
Пионер	10	24	11 (1 : 2)	2	31	10	12
Костер	4	18	8 (1 : 2)	4	41	14	11

В целом в период 1930–1950-х гг. в детских журналах не встречаются идеализированные изображения семьи: отца, матери, детей, бабушек и дедушек. Однако в журналах для дошкольников, таких как «Чиж» и «Еж», встречаются изображения, демонстрирующие теплые отношения отца, который обычно в военной форме, и сына (Рисунок 6). В конце 1940-х – 1950-е гг. появляются изображения матери с детьми (Рисунок 7). В период 1930–1950-х гг. отмечается обилие иллюстраций с изображениями Ленина, Сталина, Молотова, Ворошилова, Кирова, Кагановича, Калинина, Горького и пр. Это могут быть истории из их детства, политические биографии или просто иллюстрации и фотографии с детьми. На фоне незначительного количества иллюстраций семьи, особенно в 1930–1940-х гг., это дает основание полагать, что как раз этих людей необходимо расценивать детям как своих родителей и отцов (Рисунок 8).

1

Составлено автором

Рисунок 6. Журнал «Мурзилка», 1941 г.
Figure 6. Magazine «Murzilka», 1941

Рисунок 7. Журнал «Мурзилка», 1950 г.
Figure 7. Magazine «Murzilka», 1950

Рисунок 8. Журнал «Мурзилка», 1937 г.
Figure 8. Magazine «Murzilka», 1937

Игры и рубрики для творчества

Первые попытки создать игрушку для нового советского ребенка были еще в ранний советский период, однако ввиду тяжелой экономической ситуации этого сделать не удалось. Но понимание того, что игрушка наиболее близкий ребенку предмет, а потому важнейший инструмент пропаганды и воспитания, заставлял государство вновь возвращаться к этой проблеме — проектирование игрушки с учетом основополагающих советских ценностей (13, с. 225).

Также М.С. Костюхина отмечает, что хотя в советский период государство и делало особый акцент на воспитание нового поколения и именно в ребенке видело строителя будущего социалистического государства, но отношение к детскому творчеству было скорее утилитарным, а игра рассматривалась как нечто присущее самым маленьким детям (6., с. 222). Политика советского государства этого периода была преимущественно ориентирована на то, чтобы играми для ребенка были настоящие инструменты в целях привития навыков труда, кроме того, это было продиктовано еще и малой доступностью игрушек для большей части населения.

В журналах этого периода уже не встречаются красочные приложения для вырезания как в детских журналах середины 1930-х – середины 1950-х гг. (11, с. 399), а «игровой» материал представляет собой практические инструкции для создания в домашних условиях различных устройств, предметов быта, музыкальных инструментов, а также спортивного инвентаря и игровых моделей оружия. Журналы для школьников и подростков («Пионер», «Костер») включают в содержание выкройки повседневной и рабочей одежды, инструкции по ремонту одежды, схемы для вышивки. Например, мы можем встретить такие статьи, как «Наборы для шитья», «Самый простой компас», «Украсим елку сами», «Умеете ли вы штопать» и др. Также детские журналы изобилуют полезными практическими советами, такими, как «прочная штопка чулок», «как сделать лыжные ботинки непромокаемыми» или «как клеить резину» и т. д. В журналах же для дошкольников «Чиж» и «Мурзилка» печатаются многочисленные инструкции по созданию игрушек в специальных рубриках, таких как «Игрушки-самоделки», «Игры и забавы», «Загадки, самоделки, головоломки».

В этот период в детских журналах появляется много материала для развития логики и мышления в игровой форме. Журналы для школьников и подростков («Пионер», «Костер») печатают рисованные и текстовые задачи, головоломки, кроссворды, шахматные задачи, фокусы. Нередко героями рубрик, связанных с интеллектуальными упражнениями, становятся мальчики и мужчины. Журналы для дошкольников, такие как «Мурзилка» и «Чиж», печатают загадки, шарады, головоломки, лабиринты, в которых также раскрываются темы войны, разведки,

военной техники и оружия. Особый статус в этот период приобретает творчество техническое и научное.

Среди игрового материала этого периода особый интерес представляют рисованные задачи (перепутаницы, загадочные картинки), появившиеся в конце 1930-х гг., развивающие как логику, так и наблюдательность, внимание. Актуальны игры, имеющие потенциал для развития профессиональных качеств разведчика, такие как «Кто живет в этих комнатах», «Отыщи на карте», «Догадайтесь, о чем говорят ребята», «Загадочные картинки» и др. (11, с. 403) (Рисунок 9, Рисунок 10). Особой популярностью во всех периодических изданиях пользуются письма-шифровки.

В период середины 1930-х – середины 1950-х гг. также встречаются настольные игры, так называемые «игры-бродилки» на спортивные или военные темы, а также по покорению новых земель. Они представляют собой развитие популярных в 1920–1930 гг. игр с географическими картами. Стоит ли говорить, что героями этих игр были обычно военные, моряки, полярики, спортсмены, то есть, по большей части, персонажи мужские (Рисунок 11).

Рисунок 9. Журнал «Пионер», 1939

Figure 9. Magazine «Pioneer», 1939

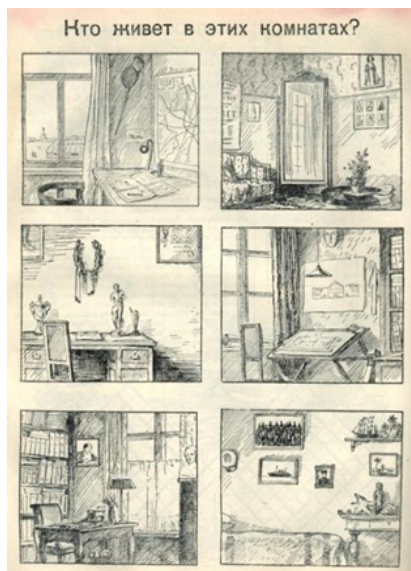
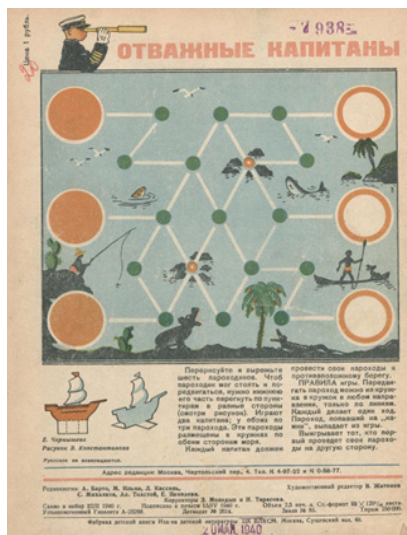

Рисунок 10. Журнал «Пионер», 1946

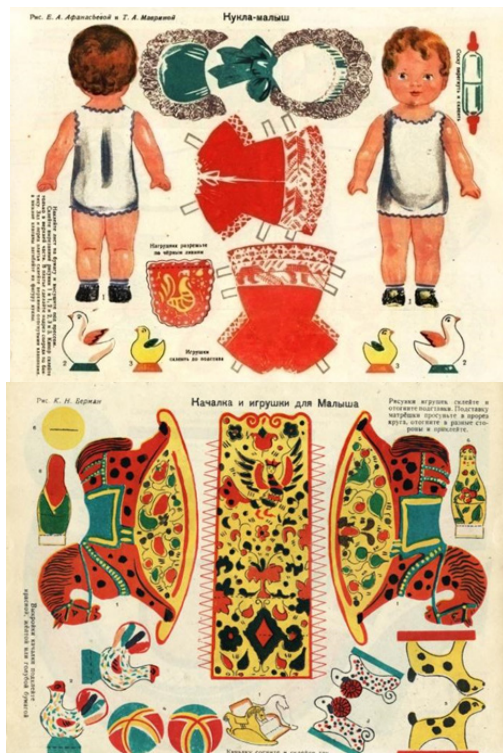
Figure 10. Magazine «Pioneer», 1946

Рисунок 11. Журнал «Мурзилка», 1940, № 3
Figure 11. Magazine «Murzilka», 1940, No. 3

В начале 1940-х годов начинает выходить ежегодный альманах «Календарь для детей», который был богато оформлен известными художниками и содержал в себе бумажные игры и вырезные игрушки во всем многообразии. В этих альманахах начинают появляться бумажные куклы, которые не присутствовали в периодических изданиях с начала советского периода ввиду противоречивого отношения к кукле. Например, в сборнике «Советская игрушка» за 1931 год писали: «Гигантская работа в области нового быта, не нашла отражения в игрушке. Игрушка противопоставляет этим тенденциям старые буржуазные, узкомещанские навыки: семейная «обстановочка», мебель мягкая, диванчики, комодики с зеркалами и цветочками, самоварчики, семейная посуда и т.п. Здесь нет и намека на отражение коллективного быта. Обзавестись своим «домиком», своей «обстановочкой» – вот идеал, который внедряет в сознание наших ребят такая игрушка...» (14, с. 11). Теперь посмотрим на кукол, которые в начале 1940-х годов появились в альманахе «Детский календарь» и представляли собой подобие пупса, малыша. В комплект для вырезания входили также все принадлежности для него: кроватка, игрушки, одежда, посуда. Все эти элементы служили своеобразной инструкцией по материнству, уходу за грудными детьми и организации его досуга (Рисунок 12).

Рисунок 12. Кукла-малыш. «Детский календарь», 1946 г.**Figure 12.** Baby doll. «Children's calendar», 1946

Появление подобных бумажных кукол отражает тенденции, связанные с возвратом к традиционным ролям женщины, в первую очередь, к роли матери, которая становится не менее важной, чем роль работницы или общественницы и политической активистки, которые были так актуальны в первое десятилетие после революции. В этот период, а также далее и в позднесоветское время, женщина постоянно испытывала ролевой конфликт, балансируя между бытом, детьми и работой. Позже, в период Оттепели, встанет вопрос «тройного бремени» (18, с. 153), и к дому и работе добавится работа женщин над привлекательным (женственным) внешним видом. Соответственно, на страницах детских журналов в конце 1950-х годов начнут публиковаться в большом количестве вырезные бумажные куклы и одежда для них. Также появятся во всех детских журналах специальные рубрики для девочек с выкройками одежды, рецептами, советами по уходу за собой.

Выводы

Итак, период середины 1930-х – середины 1950-х гг. характеризуется отступлением от революционной политики по отношению к женщине и семейно-брачным отношениям, возвращением к традиционалистским нормам. За женщиной закрепляется две роли: труженицы и матери. По сравнению с предыдущим периодом меняется отношение к семье, теперь это основа государства и ячейка социалистического общества. Происходит также откат в системе образования — введение гендерного разделения школы. В образовании делается упор на труд, спорт и военную подготовку мальчиков.

Во всех журналах рассматриваемого периода («Пионер», «Костер», «Чиж», «Мурзилка») мы наблюдаем доминирование военных, спортивных и производственных тем и, соответственно, главных персонажей по большей части мальчиков и взрослых мужчин, которые демонстрируют активную роль: они воюют, строят, осваивают новые земли. Присутствуют также немногочисленные иллюстрации, на которых изображены девочки, в том числе, и на обложках как главные персонажи. И хотя в этот период женщины овладевают мужскими профессиями, а во время Великой Отечественной Войны берут на себя и мужские гендерные роли внутри семьи, визуальный образ девочки в журнальных иллюстрациях становится более женственным нежели в период 1920-нач.1930-х гг. Теперь это образ аккуратной скромной девочки, в опрятной светлой одежде и с уложенными волосами, которая занимает пассивные роли – читает, учится, а ближе к 1950-м гг. рукодельничает.

Игровая составляющая детских журналов приобретает более практичный характер, появляются рубрики по ручному труду. Игры отражают темы войны, «шпиономании», покорения новых земель и набирающего популярность научно-технического творчества. Очевидно, что эти игры предназначались по большей части для мальчиков. Однако в ежегодных альманахах «Детский календарь» можно встретить игры для девочек, например, куклы-малыши, что демонстрирует актуализацию образа женщины матери в этот период.

Хотя период середины 1930-х – середины 1950-х гг., обозначенный частью социологов как тоталитарная андрогиния, зачастую характеризуется созданием «бесполого» советского человека, однако журналы для детей этого периода демонстрируют смещение в сторону мужских образов, и утверждается бинарная гендерная модель, в которой ведущая роль отводится мужчинам и мальчикам, а женщины и девочки выполняют вспомогательные функции.

Список источников

1. Гончарова Г.Д. (2013), Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе [Period of separate education in USSR in 1943-1945 and its reflection in literature and cinematography]. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 28 с.
2. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. (2015), 12 лекций по гендерной социологии [12 lectures on gender sociology]: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. – 768 с.
3. Келли К. (2003), «Маленькие граждане большой страны»: Интернационализм, дети и советская пропаганда [“Tiny citizens of a huge country”: internationalism, children and Soviet propaganda]. Новое литературное обозрение. № 60. С. 218–251.
4. Кон И.С. (2010), Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России [“Klubnichka” on a birch tree. Sexual culture in Russia]. М.: Время. 608 с.
5. Коннелл Р. (2015), Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика [Gender and power: Society, personality and gender politics]. авториз. пер. с англ. Т. Барчуновой. М.: Новое литературное обозрение. 432 с.
6. Костюхина М. (2017), Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века [Notes of a doll. Fashionable education in literature for girls of the late 18th – early 20th century]. М.: Новое литературное обозрение. 304 с.
7. Кравченко А.В. (2016), «Детская печать — вожак и организатор масс»: к истории формирования комсомольской системы руководства центральными пионерскими журналами Москвы в 1920-е гг. [“Children printing - leader and organizer of the masses”: to the history of formation of Komsomol system of management of Moscow central pioneer journals in 1920s]. Детские чтения. № 2. С. 190–213.
8. Лебина Н. (2015), Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю [Soviet daily routine: norms and anomalies, From military communism to grand style]. М.: Новое литературное обозрение.
9. Левада Ю. (1993), Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х [Ordinary soviet man. Experience of social portrait at the edge of 1990-s]. М.: Мировой океан. 300 с.
10. Пушкарева Н.Л. (2012), Гендерная система Советской России и судьбы россиянок [Gender system of Soviet Russia and destiny of Russian women]. Новое литературное обозрение. № 5.
11. Сазоненко М.А. (2020), Гендерный аспект в детской игровой культуре советской эпохи на примере детских журналов (1920–1980 годы) [Gender aspect in children playing culture of Soviet epoch on example of children journals (1920s-1980s)]. Художественная культура. № 6. С. 393–412.

12. Сальникова А.А. (2008), Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи [Eyeless doll and father's revolver: child in the world of objects of the early Soviet era]. Теория моды. Вып. 8. С. 119–135.
13. Сальникова А.А., Хамитова Ж.А. (2013), Журнал «Советская игрушка» как источник по истории советского детства 30-х годов XX века [“Soviet toy” journal as the source of history of soviet childhood of 1930s]. Учен. зап. Казан. ун-та. Серия Гуманит. науки. № 3-1. С. 200–211.
14. Советская игрушка [Soviet toy] (1931), Вып. 1.: Сборник Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам. Всесоюзного совета и Государственного музея игрушки. М.: Всесоюз. кооп. объедин. изд-во.
15. Суздорф Э.А. (2011), Образы Ленина и Сталина на страницах журналов «Ёж» и «Чиж» (конец 1920-х – 1930-е годы) [Lenin and Stalin portraits on “Ezh” and “Chizh” journal pages (end of 1920s -1930s)]. Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 6. С. 94–102.
16. Темкина А., Роткирх А. (2002), Советские тендерные контракты и их трансформация в современной России [Soviet tender contracts and their transformation in modern Russia]. СоцИс. № 11. С. 4.
17. Штейнер Е.С. (2019), Что такое хорошо: идеология и искусство в раннесоветской детской книге [What is good: ideology and art in Early Soviet children book]. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.
18. Duncombe, J., Marsden, D. (1995), “Workaholics” and “whingeing women”: theorising intimacy and emotion work: the last frontier of gender inequality’. Sociological Review. 43. 1. pp. 150–169.
19. Goffman, E. (1977), Gender Display from “Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication”. Goffman Reader. eds.: C. Lemert and A. Branaman. Blackwell Publishing.
20. Lorber, J. (1994), Paradoxes of Gender. New Haven, CT: Yale Univ. Press.

References

1. Goncharova, G.D. (2013), Period of separate education in USSR in 1943-1945 and its reflection in literature and cinematography. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 28 p. (In Russian)
2. Zdravomyslova, E.A., Tyomkina, A.A. (2015), 12 lectures on gender sociology: tutorial. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 768 p. (In Russian)

3. Kelli, K. (2003), "Tiny citizens of a huge country": internationalism, children and Soviet propaganda. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 60. pp. 218–251. (In Russian)
4. Kon, I.S. (2010), "Klubnichka" on a birch tree. Sexual culture in Russia. Moscow: Vremya. – 608 p. (In Russian)
5. Konnell, R. (2015), Gender and power: Society, personality and gender politics. authorised tr. from Engl. by T. Barchunova. □ Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 432 p. (In Russian)
6. Kostuhina, M. (2017), Notes of a doll. Fashionable education in literature for girls of the late 18th – early 20th century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 304 p. (In Russian)
7. Kravchenko, A.V. (2016), "Children printing - leader and organizer of the masses": to the history of formation of Komsomol system of management of Moscow central pioneer journals in 1920s. *Children readings*. No. 2. pp. 190–213. (In Russian)
8. Leбина, N. (2015), Soviet daily routine: norms and anomalies, From military communism to grand style Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
9. Levada, Yu. (1993), Ordinary soviet man. Experience of social portrait at the edge of 1990-s. Moscow: Mirovoj okean. 300 p. (In Russian)
10. Pushkareva, N.L. (2012), Gender system of Soviet Russia and destiny of Russian women. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5. (In Russian)
11. Sazonenko, M.A. (2020), Gender aspect in children playing culture of Soviet epoque on example of children journals (1920s-1980s) *Art & Culture Studies*. No. 6. pp. 393–412. (In Russian)
12. Sal'nikova, A.A. (2008), Eyeless doll and father's revolver: child in the world of objects of the early Soviet era. *Theory of fashion*. Ed. 8. pp. 119–135. (In Russian)
13. Sal'nikova, A.A., Hamitova, Zh.A. (2013), "Soviet toy" journal as the source of history of soviet childhood of 1930s. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Serija Gumanit. nauki*. No. 3-1. pp. 200–211. (In Russian)
14. Soviet toy (1931), Ed. 1.: Digest of Interdepartmental scientific and artistic council for toys and play materials. Vsekopromsoveta and the State Toy Museum. Moscow: Vsesojuz. koop. Ob'edin. izd-vo. (In Russian)
15. Suzdorf, E.A. (2011), Lenin and Stalin portraits on "Ezh" and "Chizh" journal pages (end of 1920s -1930s). *Vestnik RGGU. Serija Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*. No. 6. pp. 94–102. (In Russian)
16. Temkina, A., Rotkirh, A. (2002), Soviet tender contracts and their transformation in modern Russia. *Socls*. No. 11. P. 4. (In Russian)
17. Shteyner, E.S. (2019), What is good: ideology and art in Early Soviet children book. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. (In Russian)

18. Duncombe, J., Marsden, D. (1995), "Workaholics" and "whingeing women": theorising intimacy and emotion work: the last frontier of gender inequality'. Sociological Review. 43. 1. pp. 150–169.
19. Goffman, E. (1997), Gender Display from "Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication". Goffman Reader. eds.: C. Lemert and A. Branaman. Blackwell Publishing.
20. Lorber, J. (1994), Paradoxes of Gender. New Haven, CT: Yale Univ. Press.

Информация об авторе

САЗОНЕНКО Марина Александровна, аспирант, Школа дизайна Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация. E-mail: mkovr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2011-4633>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 06.03.2023. Одобрена после рецензирования: 12.03.2023. Принята к публикации: 24.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Marina A. SAZONENKO, Postgraduate student, School of Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: mkovr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2011-4633>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 06.03.2023. Approved after peer review: 12.03.2023. Accepted for publication: 24.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ТУЛА В ЖИВОПИСИ

«Тула, улица Оборонная»

В. Голубов. Холст, масло. 1985 г.
Музей-усадьба Ясная Поляна

Источник: Яварда
<https://yavarda.ru/tula4.html>

Картины уроженца города Тулы **В. Голубова** регулярно экспонируются на коллективных и персональных выставках, были номинированы на Премию Центрального федерального округа в области литературы и искусства. Работы художника хранятся в музеях Тулы, Москвы, в частных коллекциях в России и за рубежом. Художник работает в современной реалистической манере, используя живописные подходы русских и иностранных мастеров, по-своему живо и тепло трактует пейзажи родного края.

Источник:
<https://n-prospect.ru/painter/golubov-vp-r>

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

Научная статья
УДК 930.85; 81-26

Исторические науки

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-166-185](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-166-185)

Тула в русской национальной картине мира

Надежда Николаевна Захарова

Тульский государственный университет, Тула, Российская Федерация
nadine1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>

Аннотация. Данная статья посвящена формированию концепта Тула в русской национальной картине мира и в региональной концептосфере. В статье описываются информационный, когнитивно-образный и интерпретационно-прагматический компоненты концепта Тула как провинциального, ремесленного, оружейного города. Для осуществления научного исследования использовалась выборка контекстов употребления леммы Тула из Национального корпуса русского языка, результаты опроса студентов Тульского государственного университета, а также фрагменты текстов, отобранные автором исследования по данной теме. В качестве методов изучения языкового и текстового материала использовались метод лингвистического анализа текста, структурный метод описания семантики языковых единиц, метод концептуального анализа. Результатом исследования явилось описание лингвокогнитивных черт концепта Тула как фрагмента русской национальной когнитивной и языковой картины мира, вербализованных в лексике, паремиологии, образных конструктах текстов различных жанров, а также находящих свое проявление в стратегиях и тактиках коммуникативного поведения в русском этносе.

Ключевые слова: концепт, образ, русская национальная культура, региональная концептосфера, Тула

Для цитирования: Захарова Н.Н. Тула в русской национальной картине мира. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 166-185.

© Захарова Н.Н.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

CULTURES AND NATIONS

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-166-185](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-166-185)

Tula in the Russian National Picture of the World

Nadezhda N. Zakharova

Tula State University, Tula, Russian Federation

nadine1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>

Abstract. The article is devoted to the formation of the concept of Tula in the Russian national picture of the world. The article describes the informational, cognitive-figurative and pragmatic-interpretive components of the concept of «Tula» as a provincial, craft, weapons city. Tula lemma usage selection of contexts from National Corpus of Russian language, Tula State University students survey, as well as fragments of text selected by the author on this topic were used for the conduct of this scientific research. Linguistic analysis of the text, structural method of semantics of language unit description, conceptual analysis were used as methods of study. The research resulted in description of linguo-cognitive featured of the “Tula concept” as a fragment of Russian national cognitive and linguistic vision of the world, that has been verbalized in lexics, paremiology, figurative constructs of texts of different genres. It has also found its reflection in strategies and tactics of communicative behavior in Russian ethnic group.

Keywords: concept, image, Russian national culture, regional concept sphere, Tula

For citation: Zakharova, N.N. Tula in the Russian National Picture of the World. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 166-185.

Введение

Региональная концептосфера, построенная вокруг главного, гиперонимического концепта «Тула» входит в качестве элемента в две коррелирующие структуры сознания: когнитивную (таксономическое деление и описание категориальных и периферийных признаков объекта) и оценочно-прагматическую (система признаков, включающих этот объект в оценочное поле и определяющих способы оперирования этим объектом, в том числе способы организации городского пространства, городской среды и социального взаимодействия).

Материалы и методы исследования

Источником формирования региональной когнитивной и языковой картины мира выступают:

- знания, полученные человеком в результате его практической деятельности – опыт взаимодействия с миром природы городской среды, социального окружения и социального взаимодействия;
- знания, полученные путем освоения национальной культуры и различных способов ее репрезентации;
- знания, внушенные родным языком – «когнитивное наследство, предоставляемый ей этносом стартовый капитал» (11);
- осмысление значимых для локуса понятий, представленных предметными (в том числе и собственными) и непредметными (события, факты, история) именами и формирующими в локусном сознании образ города и страны.

Для осуществления научного исследования использовалась выборка контекстов употребления леммы Тула из Национального корпуса русского языка, результаты опроса студентов Тульского государственного университета, а также фрагменты художественных и публицистических текстов, отобранные автором исследования по данной теме. В качестве методов изучения языкового и текстового материала использовались метод лингвистического анализа текста, структурный метод описания семантики языковых единиц, метод концептуального анализа.

Результаты исследования

Актуальным как в научном, так и в общекультурном значении является описание элементов культуры, которые нашли отражение в языковой картине мира жителей Тульской земли через формирование региональной концептосферы, находящей вербализацию в национальном паремиологическом фонде, топонимике,

прецедентных именах и текстах, содержащих исторические и современные реалии города, в оценочном поле сознания человека, представителя региональной провинциальной культуры.

Тула как топоним, т.е. особым образом организованное пространство

В Национальном корпусе русского языка упоминание города как определенной координаты географического пространства самое частотное. Слово Тула встраивается в высказывания, определяющие местонахождение, местожительство объекта – Он, если не ошибаюсь, в прошлом директор школы, где-то в провинции, в Орле или в Туле. М. Баконина. Школа двойников¹, направление следования – На следующий день, с рассветом отправился Колюша пешком в Тулу. Д. Гранин. Зубр. – Я грузу его на подводу и – в Тулу. Б. Окуджава. Новенький как с иголочки (там же) или места, в котором состоялось (состоится) какое-либо событие – 23 апреля в центре Тулы открылся творческий кластер «Октава» ...// Афиша Daily. 04.2018 (там же). Тула упоминается в текстах многих российских писателей. Не будем в рамках статьи повторять то, что получило прекрасное описание в труде Н.А. Милонова (10), отметим только, что в художественных произведениях авторы часто поселяют своих персонажей в обычном провинциальном городе, каковым является Тула.

В указанных контекстах концепт Тула соприкасается с концептами более высокой степени обобщенности – Город, Родная земля, Россия. Топонимические номинации, которые «эксплицитно или имплицитно включают географические или социально-исторические реалии, являются результатом осмысленного процесса номинации, что, в свою очередь, ведет к формированию этноязыковой картины мира» (15, с. 175). Топоним Тула, как и любой другой представитель этого класса собственных имен, является результатом вторичной номинации географического пространства и отражает древний коллективный образ топонимического пространства, в котором дифференцировались какие-либо уникальные, значимые для людей, проживавших в этом месте, природно-ландшафтные и (или) материально-культурные особенности как продукты обживания человеком природной среды. Топонимический словарь указывает на возможность образования названия города Тула от гидронима Тула в дорусский период. Таким образом, называя город, человек указывал на природный объект, давший в какой-то мере начало городу (города ставились на берегах рек, поскольку существованию людей необходимо вода, а также река была связью с другими городами (странами) и в то же время обеспечивала защиту городу). Это первичный образ города, отраженный в его номинации. В локусном сознании туляков наряду с «природными» чертами (географическое положение, климатические условия, расположение объектов и

1

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

т.д.) родной город приобретает концептуальные черты, становясь определенным мыслительным образом. Возникает «вторичный» образ города как факта культуры и этноязыковой картины мира. В русской культуре, начиная с конца XVIII века, вместе с укреплением российской государственности и осознанием России как ячейки европейского геополитического пространства, возникает осознание российского города как части государственного устройства, геополитического и гражданского объединения людей, а значит, начинает не просто формироваться представление о значимости города как актора государственной жизни и деятельности, но и как носителя определенных дифференциальных черт. Возникает потребность в создании сотериологического образа города. Если в западной средневековой культуре создаются похвальные описания городов, включающие миф о чудесном, божественном рождении города, то в русской культуре сотериологический образ города часто опирается не только на миф об образовании города, но и на его традиционную ремесленную специализацию и находит отражение в гербе города. Это образ обеспечивает культурную трансмиссию образа древнерусского города через поколения и становится устойчивым знаком уникальности топоса.

Если мы поставим целью проследить, какая версия происхождения города побеждает в локусном сознании концепта Тула, то обнаружим, что наиболее популярной в обыденном сознании жителей города является версия, согласно которой название города произошло от глагола тулиться – ‘укрываться, прятаться’, из русск. диал тула ‘скрытое недоступное место’. И, хотя данная версия в настоящее время отвергается этимологами (13, с. 447), она в качестве красивой легенды (мифа) продолжает передаваться из поколения в поколение. Так, 75 % студентов Тульского государственного университета при опросе высказали данное толкование происхождения названия Тула, 5% назвали другие версии, 20% указали на то, что не знают этимологии ойконима. Как речка Тулица складывалась из ручьёв и болот, пробивала себе русло, чтобы впасть в реку Упу, искала притулища, так и древнее поселение, пряталось в глухих лесах, защищающих жителей от врагов – таково представление туляков о начале Тулы. Причины закрепления в локусном сознании именно этой этимологической интерпретации видятся в том, что легенда поддерживает определенную когнитивную модель восприятия и описания родного города: как граничившего с опасным Диким Полем. В архаичной картине мира глухой лес предстает неизведанным магическим пространством, с одной стороны, и прародителем всего сущего, но необжитым пространством. Два локуса, давших начало городу, – река и лес – насыщают образ города с сотериологической точки зрения как топос, вышедший из природной стихии и сохраняющий связь с природой.

Указанные черты подпитывают смыслами и образами современный образ города Тула как точки географического пространства и геополитического единства

на карте России, города, имеющего как интегральные черты, роднящие его с любым другим российским городом, так и дифференциальные – создающие его уникальный, самобытный характер – быть градом-щитом, градом-воином, защищающим государство от врагов.

Тула как российский провинциальный город

Анализ упоминаний города в Национальном корпусе русского языка показывает многофакторность и даже антиномичность в когнитивном образе города. Антиномичность как термин, описывающий ситуацию, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, представляется нам наиболее приемлемым для разных модусов описания города.

Первый модус – это высказывания, которые сознательно игнорируют индивидуальность города и указывают на рядоположенность топоса другим объектам, указывая на встроенность города в один логический ряд без каких-либо оговорок с характером полной взаимозаменяемости членов этого ряда. Такие высказывания имеют часто одинаковую синтаксическую структуру А или Б, которая усиливает полную равнозначность объектов: И все это для того, чтобы он сошел с поезда где-нибудь в Рязани или Туле и в тот же вечер вернулся в златолавную. И. Моисеев. В. Седых «У нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул» // «Известия», 22.01.2002. – С таким же успехом можно жить в Тамбове и в Туле... В. Токарева Своя правда. – Интересно, откуда родом был тот старший лейтенант на Лубянке, придумавший это название? Из Тулы? Из Челябинска? И.А. Бродский. Путешествие в Стамбул. – Где-нибудь в Рязани, в Туле, под Питером. В. Левашов. Заговор патриота (2000). – Сколько девушек, приехавших оттуда – из Тулы, Воронежа, Орла, Тюмени – на Бестужевские курсы, на Высшие, на Театральные, на Педагогические, в Консерваторию, – растратили свою первую любовь в затхлых мебелирашках, <...> на Островах! Ю. П. Анненков. Повесть о пустяках². Тула представлена как среднестатистический российский город, не выделяющийся среди прочих индивидуальными чертами, с общим или схожим набором атрибутов, способом жить-бытья, даже с общей ментальностью. Индивидуальность сознательно стерта.

Отсутствие «лица не общего выраженья», лишение права быть политическим, экономическим и даже культурным феноменом, более того – обреченность на отсутствие ярких, знаменательных для мира событий есть самый существенный признак провинции. Этот комплекс значений входит в ядро семантики провинциальный город.

Восприятие провинциальности в негативном оценочном модусе выделяет прежде всего запоздалое и неполное принятие культурных феноменов, актуальных трендов, инноваций, что приводит к отсталости, консервативности быта и образа мышления и отсутствию оригинальности в обустройстве жизненного пространства, поэтому в некоторых высказываниях выводится «типовая картинка» провинциального города, демонстрирующая схожесть жизненного уклада и образа жизнеустройства как в вещно-эмпирическом, так и в когнитивном облике: Вообразите провинциальный город. Воронеж, Тулу, Сестрорецк... Утро в продовольственном магазине. На витрине — мелкий частик, завтрак туриста... Одиноко желтеет прямоугольник голландского сыра. Возле кассы очередь. С. Довлатов. Марш одиноких. — «Нельзя! Здесь театральное!»³ «Что театральное?..» «Кафе. Театральное. А не пивная в Туле». В.М. Шапко. Дырявенький кинематограф. — Стою у вагонного окна и смотрю, смотрю и потихоньку ем копченую колбасу. Мне стыдно есть ее на людях без хлеба. Снег, снег, черные деревушки, все те же белые, неприветливые вокзалы — Тула, Орел, Курск. Е.Л. Шварц. Дневник. 20 сентября. — Что-то вроде «То ли в Омске, то ли в Томске, то ли в Туле — все равно...» Входит женщина-доктор и говорит: «Вам открыть дверь? З.Е. Гердт. Рыцарь совести³. В последнем фрагменте звучит цитата из популярной военной песни (музыка Ю. Милютин, слова Ц. Солодаря): «Где же нашему знакомству / Продолжаться суждено? / Или в Омске или в Томске или в Туле / — Всё равно».

К числу черт провинциальной духовной жизни относят также «обозримость и вместе с тем ограниченность культурного пространства и происходящих в нем процессов», «настороженность к новациям», «несинхронность столичной и провинциальной «моды» в мире культуры» (7, с. 299). Образ Тулы связан с понятием провинциальности, а значит, остается противопоставленным двум столицам и предполагает отличные от культуры мегаполиса, более «почвенные», более консервативные, более камерные формы культуры. Провинциальность имеет как территориальный (удаленность от центра), так и ресурсный критерий. В своей территориальной близости Тула оценивается как город Московии, удобно расположенный в транспортном отношении, ближайший к Москве железнодорожный узел, откуда в прошлом расходились уже дороги в глубинку: У нас с Тамарой была такая традиция — провожать Гейдара Алиевича (когда он уезжал из Москвы) до Тулы. Едем мы до Тулы, ведем неспешный разговор. Муслим Магомаев. Любовь моя — мелодия. — Если увеличить молекулу водорода до размеров горошины и поместить такую «молекулу» в Москве, то ее ближайшая «космическая соседка» окажется в Туле. Строение жидкости существенно отличается от строения газа, молекулы которого находятся далеко одна от другой и лишь изредка сталкиваются.

3 Там же.

А.И. Китайгородский, Л.Д. Ландау. Физика для всех. Молекулы. – Чтобы проехать от Тулы до Москвы большой сообразительности не надо, в конце концов, можно и электричкой добраться. Гид Красный. Автостоп // «Молния», 10.07.2001. – Так что всё относительно в этом мире, и во всём есть свои плюсы, Тула – не Магадан ... Форум зеков и сокамерников⁴.

Близость к центру есть положительная черта в условиях необозримого географического пространства и протяженности страны, поскольку расстояние затрудняет общение людей, разрывает взаимоотношения центральной власти и дальнего города.

При описании Тулы указывается на свойственную провинции недостаточность ресурсов при территориальной близости к Москве как центру и столице России. Близость к столице не несет никаких преференций для города в распределении и раздаче благ, наоборот, в советское время и в паремииологии, и в жанре анекдота противоречие «пространственная близость к центру» / «бедность ресурсов» служило полем для построения языковой, семантической и смысловой игры: Тула в лапти обула. – Бей челом на Туле, ищи на Москве. – Живет в Туле да ест дули. – Откуда тебя выслали? Из Тулы, – отвечал краснощекий. – Живет в Туле, да ест пули! С. Василенко. Дурочка. – Анекдот: Можно ли доехать верхом на лошади от города-героя Новороссийска до города-героя Москвы? – Нет, потому что лошадь съедят в городе-герое Туле⁵.

Провинциальность имеет и положительный модус оценки – близость к природе, душевность и близость отношений, размеренный ход жизни, некое духовное превосходство консервативности в сохранении народных традиций. Провинциализм города признается как сохранение особой душевности, камерности: «...мне кажется, что чем больше город, тем менее в нем остается души, меньше люди обращают внимание друг на друга. На мой взгляд, взаимопонимание, взаимопомощь – основы гармоничного сосуществования людей, и в нашей маленькой Туле люди ещё пытаются прислушиваться к чувствам окружающих» (из сочинения студент). Традиционализм провинциального города осознаются как особая ценность, наполняющая жизнь каждого туляка смыслом, позволяющая ощущать родной город «домом» бытия: «Его привычный, тихий нрав / И времени спокойное течение. / Знакомых встречное движенье... / Скажу «святое» – и буду лично прав. / Здесь нет столичной суеты, Пустого и напрасного волненья...» (из стихотворения студента Артамонова П.). В этом положительно-оценочном, романтическом интерпретационном поле провинциальность Тулы – это не стертость и размытость индивидуального образа, а выражение «русскости», когда город, в ряду других русских городов,

4

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

5

Там же.

выступает хранителем национальной русской ментальности, предполагающей особую душевную связь между людьми и бережное отношение к традициям.

Осмысление города Тула как носителя исторической памяти народа

Город Тула формировался как пограничный город, он становился символом освоенного пространства, отграниченного от Дикого Поля, и это освоение проходило в тяжелейшей и часто кровопролитной борьбе с многочисленными недругами земли русской. Даже после знаменитой Куликовской битвы земля в окрестностях Дона продолжала оставаться малозаселенной в силу постоянной опасности проживания в этих местах. Датированный 1652 годом царский указ в числе украинских городов называет Тулу, Каширу, Калугу, Серпухов, Алексин и другие русские города. Строительство в Туле сначала деревянной (1507 год), затем каменной крепости – Кремля (1520 год) значительным образом усиливала приграничную оборону.

Город-воин, город-защитник – магистральная черта сотериологического образа Тулы. Пограничность локуса рождает особую ментальность – осознание ответственности, гражданского долга – охранять землю от посягательств чужих и от разобщенности «своих». Это определяет тяготение к ядру, центростремительность гражданского мышления, чувство спаянности с государством. Историческое предназначение города быть защитником определяет основную концептуальную модель в восприятии и идентификации родного города: жить в нем всегда означало брать на себя святую обязанность сохранения целостности государства. Актуальные события, различные версии исторических событий подвергаются «идеологической» фильтрации, проходят проверку на корреляцию генерализованному когнитивному образу города, восплаемому в стихах: Тульский край, гордимся мы тобой! / Твоей историей, раздольем, красотой. / Куликовым полем и Тульским кремлем. К. Пимков (20). Дорог край мне Ясною Поляной / Ширью нераспаханных полей / Рощами, где летним утром рано / Песню запеваешь соловей / И, конечно, Куликовым полем, / Где зимой кружит, шумит метель / И зовёт, набушевавшись вволю. Л. Ачёлова. – Тульский край... Здесь Непрядва, Упа и Ока.../ Начинается Дон, нашей славы река... Н. Кошелкина⁶.

Тула оружейная

Для понимания содержания концепта Тула становится важным определение Тулы как исторически сложившегося центра оружейного производства России и отношение туляков к специализации города как к основе государства и русской земли. Русские пословицы раскрывают специализацию тульских мастеров, связанную прежде всего с обработкой металла: Дай туляку кусок железа, он

6

Три штыка. Журнал «Тульский ARSENAL» Поэзия. URL: <http://71ru.info/literature/poetry/1017-tri-shtyka.html>

чудо сотворит. – Туляк, как только родился, так сразу за молот ухватился. – Туляк – стальная душа. Гимном Тулы становится песня, которая связывает в сознании носителей российской культуры образ города с производством оружия: «Тула веками оружие ковала, / Стала похожа сама на ружье, / Слышится звон боевого металла / В каждом названии улиц ее». Таким образом, протягиваются когнитивные связи к микротопонимам – «оружейным» названиям улиц, в которых зафиксированы род занятий туляков, технологические процессы, продукция и предметы, сопутствующие производству, т.е. отражены элементы профессиональной картины оружейников. Топографические номинации, пройдя долгий путь употребления в локальном дискурсе тульских жителей, начинают формировать концептуальный образ города трудового, оружейного и закладывают в сознание носителей национальной культуры уважение к оружейному делу и гордость за приобщенность к славному городу.

Среди микротопонимов Тулы выявлено более 60 единиц наименований, связанных с профессиями туляков и производством: улицы Дульная, Ствольная, Пороховая, Штыковая, Заварная, Курковая, Замочная, Ложевая, Арсенальная и др. (9, с. 31).

Как справедливо отмечает Н.Н. Гончарова, «тульские мастера и промышленники внесли огромный вклад в распространение технических знаний по всей стране (Олонецкие и Сестрорецкий оружейные заводы, уральские и сибирские заводы). В связи с возникновением этих заводов исследователи говорят о распространении общерусской технической терминологии и о пополнении ее новыми единицами, обусловленными дальнейшим техническим и производственным развитием» (17, с. 27). Поэтому образ Тулы как оружейного города входит не только в региональную концептосферу, но и в национальную концептосферу, соединяя материальную и духовную культуру народа в единое целое. Значительное количество упоминаний Тулы (худож., публиц., разг. дискурсы) связывает название города с оружейным производством: Где вы работали? – В Петербурге, Ростове-на-Дону, в Туле на оружейном... М.А. Шолохов. Тихий Дон. – Мы переходили из одной эпохи в другую, из одних интереснейших мест в другие, не менее интересные. Изучая литературу, мы побывали с Селихановичем всюду – среди оружейников Тулы... < ... > Это наполняло нас гордостью, сознанием силы человеческого духа и искусства. К.Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы. – Комиссар предположил, что «товар» будет поступать в магазины из Германии, а также из оружейных кузниц в Туле и Ижевске. // «Комсомольская правда», 1992. – Правда, основные деньги надо было мне все равно оставлять, у меня в портмоне еще имелась крупная сумма, на которую я хотел в славной оружейной Туле классную двухстволку справить. В. Черкасов. Черный ящик⁷. «Оружейно-кузнечная» составляющая концепта Тула

ведет к концептам-персонифицированным образам – Петр I, Левша, Демидов. Так, в речевом узусе вырисовываются концептуальные черты Левши: умелый мастер, изощрившийся в тонкой работе. Говорится о человеке, обладающем профессиональным мастерством; тульский оружейник, сумевший подковать блоху, высокотехнологичную английскую игрушку, прославивший Тулу. Выступает символом мастеровитости тульских оружейников и кузнецов, способных без сложных механизмов выполнить технически сложную работу; талантливый русский мастер, который при предложении остаться в благополучной и рационально и технологично устроенной Англии выбрал возвращение в православную, нерациональную и неустроенную Россию для продолжения жизни во славу русского оружия. Говорится о патриотическом выборе русского человека. Примеры представлены в статье 2019 года (4).

Наличие в концепте Тула образного компонента определяется нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода. Образный компонент состоит из вербализованного в семантике языковых единиц конституента и невербализованной составляющей, которая может подпитываться мифами, легендами, оценочно-модальными текстами, закрепленными в национальной памяти. Туляки называют свой город южным щитом Москвы, изображение щита вошло в геральдику г. Тулы. Герб представляет собой семиотический знак, несущий информацию о самоидентификации жителей города. В Тульском гербе (герольд-мастер Щербаков, 1779 г.) отражены два важных для идентификации локуса момента – город-защитник и город-арсенал Российского государства: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие Андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол. Вверху же и внизу по одному молотку золотому. Все сие показывает примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе» (16, с. 4). Интересно, что в новых тульских штандартах – гербе и флаге, утвержденных на заседании Геральдического Совета 28.11.05 г. в Москве, не только сохранены основные элементы геральдического знака, но и введены новые, еще в большей степени поддерживающие и закрепляющие данный концептуальный образ: золотая Петровская императорская корона, символизирующая роль Петра I в создании железоделательного и оружейного дела в Туле, кузнечные молотки вместо сапожных, более полно передающие «мастерской» облик города, серебряные клинки мечей призваны стать символами победы на Куликовом поле в 1380 г.

Метафора «город – щит» символизирует присущее тулякам формирование концепта «родная земля» – оборонный город, существующий для защиты русского государства: «Край российских мастеров, / Победителей обитель, / Жизнь свою

отдать готов /За тебя любой твой житель!» Егоров В. – «Твои пряники и самовары, / И оружие, и слава людей.../ Ты - опора Российской державы!» Шафран Я. (20).

Тула – Тульский пряник

Тульский пряник относится к предметному коду национальной культуры и включается в традицию русского чаепития, предполагающего приятное времяпрепровождение за столом с угощением и беседой. Обычай накрывать чайный стол для гостей со стороны хозяина и обычай одаривать хозяина непритязательным угощением со стороны гостя является знаком уважительных отношений коммуникантов, поскольку в славянской культуре издавна хлеб служил символом благосостояния рода, а входящий в дом должен был разделить хлеб, т.е. обозначить свои намерения нести добро роду, быть своим. Помимо этого, колос нес символику продолжения рода (женщина, подобно зерну, должна была быть плодотворной). В Тульском крае было принято жениху и невесте разламывать пряник в знак обручения и единства доли вступающих в родство, пряники дарил жених невесте перед венчанием, что так же символизировало будущее богатство и плодотворность семьи. (14, с. 336). «Обращаясь к традиционной надписи на тульском прянике «Тула – пряничный рай», открываем еще один фрагмент национальной картины мира: уподобление города раю отсылает к библейской семиосфере и говорит о стремлении выстроить вертикаль, в которой земное уподобляется горнему. Древняя мечта русского человека устроить гармонично земной порядок вещей – земной рай издавна находила свое отражение в поисках «земли обетованной» в существующем географическом пространстве, и традиционное для туляков ремесло – изготовление печатных пряников с картинками-изображениями этого счастья или пожеланиями счастья – сближает образ обетованной земли с родной землей – тульской. Более того, основой для производства тульских пряников служит мед, который еще в славянской картине мире являлся символом сладкой, изобильной, счастливой жизни. Круговая (овальная) форма пряника тоже знаменует собой сообразность, гармоничность мира. Орнамент пряника, ритмизованное сочетание «верхнего» и «нижнего» ярусов высказывания-надписи повторяют круговое вращение, усиливают перцептивный образ гармонии, актуализируя мифологические представления о дуальном строении мира (верх / низ, начало / конец) и его совершенстве. Растительный орнамент символизирует землю, плодоносящую и изобильную» (3, с.25).

Тульский пряник с надписями «Подарок из Тулы», «Кого люблю, тому дарю», «Тульский сувенир», «Пряники предки ели – и нам велели», «Тульский пряник – государь / Испечем его, как встарь», «Тульский гостинец» туляки дарят, приезжая в гости в другие российские города и другие страны, что выступает знаком добрых

намерений, доброго благопожелания и в то же время формирует самобытный образ Тулы как добросердечной и счастливой земли. Эта модель отвечает потребности в «локусной» самоидентификации жителей Тулы.

Тула – город самоваров

Первое упоминание о тульском самоваре встречается лишь в 1746 году. Тула становится «столицей» самоварного производства по той же причине, что и оружейной: там находились месторождения железных руд, и тульские мастера славились умением изготавливать из металла красивые и качественные изделия.

Когнитивный образ Тулы как центра самоварного производства сохраняется в пословице В Тулу со своим самоваром не ездят. «(разг. неодобр.) 'отправляться или обращаться куда-н., имея при себе то, что заведомо и в достатке есть там на месте' [говорится, имея в виду Тулу как город, производящий самовары]»⁸. Пословица, организованная как суждение, представляет собой способ концептуализации действительности, первый этап вербализации концепта, при котором происходит максимальная степень обобщения прототипической ситуации. В семантике единицы Тула означает любое место прибытия, которое славится высоким качеством производящегося изделия. Как элемент, закрепляющий в свернутой и афористичной форме рекомендуемую стратегию поведения в схожей ситуации, Тула становится эталоном, на который стоит ориентироваться.

Прецедентность крылатого выражения и частотность его использования в различных дискурсах закрепляет образную и прагматико-интерпретационную составляющие концепта Тула как города, славящегося своими мастерами (прецедентность пословицы дает возможность не употреблять полностью само выражение, а использовать слова-маркеры, отсылающие к семантике выражения, расширяет смысловое содержание текста): Нелепо брать в Тулу – самовар. А в Нью-Йорк – саксофон. С. Довлатов. Марш одиноких. – Потому что владельцы походных самоваров в Тулу не ездят, а в музее после окончания рабочего дня состоится оргия. В.В. Глейзер. Любовь и морковь. – Нет, брат, жена тебе там только обузой будет, – усмехнулось «Видное лицо». – В Тулу-то со своим самоваром? Эх, Марлуша, я тебе даже немного завидую. В. Аксенов. Остров Крым. – Везти их в Америку было все равно, что самовар – в Тулу. В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89. – Но этот приперся в ресторан, видимо, в компании собственной жены, толстой бесформенной клуши. Называется: в Тулу с самоваром приехал. Вот уж эти мужики. А. Троицкий. Удар из прошлого»⁹.

Самовар становится постоянным ассоциатом Тулы в национальном сознании и рисует самобытность как образную ипостась указанного русского

⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

⁹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

города: Внучку привозят из самой Тулы, прошлый раз самовар привезли, пряников привезли целую коробку. П. Проскурин. В старых ракетах. – Санитарные поезда, груженные стопами, кровью, йодоформом, смертью, – направились с фронта в дремотную Пензу, в самоварную Тулу, в мирный и миролюбивый Орел, в Полтаву, Москву, Петербург. Ю.П. Анненков. Повесть о пустяках¹⁰.

Включаясь, вместе с чаем и тульским пряником, в жанр симпозиума – приятного чаепития и душевной застольной беседы – тульский самовар становится образом радостного земного бытия – единения собеседников в согласии, мире и ладе: В Томилине, под Москвой, на даче Осипа Андреевича Правдина, тишь да гладь, да Божья благодать. <...> Сайки, булки, бублички с маком, пончики, цельное молоко в глиняных кувшинах, сметана, сливки, варенье разное, а посередине блеском сверкающий медный самовар с камфоркой, *фабрики братьев* Баташёвых в Туле. И всё это – и сосны, и розы, и сад, и самовар, и майоликовый фонтан с золотыми рыбками, – все залито высоким, утренним, июльским солнцем, пронизано голубиной, тишиной, блаженством, светом. Ю. П. Герман. Россия молодая¹¹. Другой стороной этого феномена становится приписывание и тульскому самовару, и самому образу русского города особой «русскости»: тульский самовар становится предметным кодом, который номинирует национальное своеобразие и самобытность русской культуры и русского языка. Эту черту подмечает К. Чуковский, говоря о непереводимости пословицы на другой язык: Нельзя допускать, чтобы, например, в переводе с английского какие-нибудь сквайры говорили <...> – Ехать в Тулу со своим самоваром, – так как ни самоваров, ни Тулы в Англии нет и никогда не бывало¹².

Тула – город мастеров

Все образные ипостаси концепта, о которых говорилось в предыдущих разделах, создают когнитивную модель более высокого уровня обобщения – модель мастерового города. В этом процессе кумулятивную роль играет паремнологический фонд. Пословицы становятся популярными потому, что они корреспондируют к системе ценностей народа, выражают особенности восприятия мира и стратегии взаимодействия. Пословицы формируют образную, афористичную, запоминающуюся языковую «упаковку» фрагментов русской когнитивной и языковой картины мира, в том числе и аксиологической, предполагающей оценочное окрашивание мира. Пословицы, образованные на основе профессиональной деятельности, позиционируют положительный образ тульского ремесленника как умельца, работа которого прославляет город: Тульские кузнецы в работе молодцы.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

Дай туляку кусок железа, он чудо сотворит. – Туляк – стальная душа. – Тульская винтовка бьет ловко. – Тула – пряничный рай. – Для друзей у Тулы пряник, для врагов у Тулы – меч. – Не красна Тула углами, а красна самоварами. – Туляки в делах ловки. Концептообразующая функция пословиц обуславливается:

- высокой степенью обобщения информации, приводящей к возможности охватывать большие классы ситуаций, релевантных ситуации, названной в пословице;
- воспроизводимостью в культуре и в речевом узусе;
- оценочно-этической заряженностью и дидактичностью;
- афористичностью;
- частотностью рифмованной структуры.

Вербализация концепта Тула происходит в пространстве текста, когда автор, создавая картину художественной действительности, апеллирует к традиционному представлению о городе, закреплённому в системе общепринятых и моделей: Я не стала говорить, что он индийский, а соврала, что он тульский, из той Тулы, где делают самовары и пряники. Л. Смирнова. Моя любовь. – В дороге случился комический инцидент с мадемуазель Барле. Она много слышала о тульских пряниках и решила выйти в Туле, чтобы их купить, но замешкалась. К.А. Куприна. Куприн – мой отец. – Гриша родился и вырос в Туле – Нинина мать называла его «тульский пряник». Маша Трауб. Не вся la vie. – Две комнаты особняка были отведены под механическую мастерскую, где священнодействовали какие-то особые искусники, какие-то академики слесарного дела, вроде тех, которые в свое время в Туле подковали блоху. А.А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова)¹³.

Образ Тулы как образ городского пространства и городской среды

Любой город является результатом интеллектуальной созидательной деятельности многих и многих людей и воплощает в себе образный конструкт (конструкты), которые реализовывались в разные исторические и культурные эпохи. В то же время среда проживания становится биологически, социально и культурно значимым фактором в становлении личности, формирует особый мир ценностей, имеющих характер концептуальных. Человек способен творить множество самых различных образов наличного бытия, в том числе и образ родного города. Как и для многих древнерусских городов, для исторического центра Тулы характерно лучевое развертывание улиц от единого центра – Кремля. Исторический центр Тулы располагается вокруг Кремля. Находящийся в центре Кремля собор венчает спаянность улиц христианским светом, дает материальному крепость духовную. Успенский собор в Туле хранит верность древней русской традиции помещать в

13

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

центре богородичный храм – символ Покрова – защиты Богоматерью города и его жителей. «В центре города возвышаются белые стены кремля. Эти стены и башни говорят, что в давние времена город знал более тревожную жизнь, чем ту, которой он живёт теперь. Он был оплотом государства, охранял его границы, проливал кровь за целостность родной земли», – так пишет о своем родном городе литератор С.А. Зыбин (6). В олицетворении город уподобляется воину, боевая слава города как защитника государственной целостности создается мужественностью его поселенцев. Кремль определяется как религиозная святыня. Два собора организуют сакральную доминанту города, традиционную для древнерусского города вертикаль – связь с Богом через церковное, соборное единение.

Обсуждение результатов

Реализуемая в Туле в настоящее время государственно-региональная градостроительная концепция ревитализации городской среды с целью сохранения самобытности также опирается на концептуальное представление туляков о Кремле как средоточии жизни провинциального города и преобразует территорию Кремля – исторического места и архитектурного памятника – в живой организм социального взаимодействия: Кремль и прилегающая земля становятся тем общественным пространством, которое притягивает многих туляков и осознается как историческая, сакральная, деятельностная доминанта жизни города.

Выводы

Таким образом, географическое положение Тулы и его «специализация», героическая история города-героя создают особенный русский дух – направленность сознания на служение отечеству. Есть земли, на которых полагается жить поэтам. Есть земли, на которых полагается жить воинам. Любовь к родной земле рождается здесь не только красотой пейзажей, а пониманием важности своего назначения, патриотического, национального, христианского долга.

Список источников

1. Барабанов А.А. (2013), Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия [The socio-cultural and semantic principles of industrial heritage revitalization]. Эко-потенциал. № 3-4. С. 237–248.

2. Жуков В.П. (2000), Словарь русских пословиц и поговорок [The Dictionary of Russian proverbs and sayings]. М.: Русский язык.
3. Захарова Н.Н. (2022), Информационное, когнитивно-образное и прагматическое поле концепта «тульский пряник» [Informative, imaginative and pragmatic fields of the “Tula gingerbread” concept]. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 23–29.
4. Захарова Н.Н. (2019), Концепт Левша в русской национальной картине мира и региональной концептосфере [The concept of Levsha in the Russian national picture of the world and the regional concept sphere]. Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ С. 161–166.
5. Зацаринный С. (2012), Древности щегловского ручья: уничтожить или обрести утраченное? [Antiquities of the Shcheglovsky stream: to destroy or find the lost?]. Тульский краеведческий альманах. Вып. 9. С. 6.
6. Зыбин С.А. (2007), Льеж и Тула (сравнительный очерк). Тула. Писатели Тульского края XVIII – начала XX веков [Liege and Tula (comparative essay)]. Выпуск 3. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zybin03.php.
7. Инюшкин Н.И. (2000), Региональный компонент в культурологическом образовании [The Regional component in the cultural studies]. Источниковедение и краеведение в культуре России: сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М.: Российск гос. гуманит. ун-т. С. 299 – 301.
8. Кубрякова Е.С. (1988), Роль словообразования в формировании языковой картины мира [The role of the word's formation in the formation of the linguistic picture of the world]. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука. С. 141–172.
9. Майорова Т.В., Майоров М.В. (2005), Улицы Тулы XVII – XXI веков [Streets of the Tula in XVII - XXI centuries]. Энциклопедический словарь-справочник тульских городских названий. Тула: Издательство «Шар».
10. Милонов Н.А. (1971), Русские писатели и Тульский край: очерки по литературному краеведению [The Russian writers and the Tula Region: essays on literary regional studies]. Тула: Приокское книжное издательство.
11. Морковкин В.В., Морковкина А.В. (1996), Русские агнонимы [The Russian agonyms]. М.: Б.и.
12. Толковый словарь русского языка (1994), С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российская АН, Институт русского языка, Российский фонд культуры [The Explanatory dictionary of the Russian language]. М.: Азъ.

13. Поспелов Е.М. (2008), Географические названия России: топонимический словарь [The Geographical names of Russia: toponymic dictionary]. М.: Астрель.
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [The Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] Т. 4. (2009), М.: Международные отношения.
15. Суперанская А.В. (2010), Что такое топонимика? Из истории географических названий [What is a toponymy? From the history of geographical names]. М.: URSS.
16. Тула из века в век (2004), [The Tula from century to century]. Тула: Бизнес-Пресс.
17. Тульский край в зеркале лингвокультурологии (2010), [The Tula region in the mirror of the linguistic cultural studies]. Авторы: Захарова Н.Н., Гончарова Н.Н. и др. (монография). Тула: ТулГУ.

References

1. Barabanov, A.A. (2013), The socio-cultural and semantic principles of industrial heritage revitalization. Eco-potential. No. 3-4. pp. 237–248. (In Russian)
2. Zhukov, V.P. (2000), The Dictionary of Russian proverbs and sayings. Moscow: Russian language. (In Russian)
3. Zakharova, N.N. (2022), Informative, imaginative and pragmatic fields of the “Tula gingerbread” concept. Proceedings of Petrozavodsk State University. I. 44, No. 1. pp. 23–29. (In Russian)
4. Zakharova, N.N. (2019), The concept of Levsha in the Russian national picture of the world and the regional concept sphere. Russian word in a multilingual world. Materials of the XIV Congress of MAPRYAL. pp. 161-166. (In Russian)
5. Zatsarinny, S. (2012), Antiquities of the Shcheglovsky stream: to destroy or find the lost? local lore almanac. No. 9. p. 6. (In Russian)
6. Zybin, S.A. (2007), Liege and Tula (comparative essay). Writers of the Tula region of the XVIII – of the beginning of the XX centuries. Tula. 3rd Ed. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_z/zybin03.php (In Russian)
7. Inyushkin, N.I. (2000), The Regional component in the cultural studies // The Source study and the local history in the culture of Russia: collection for the 50th anniversary of the work of S.O. Schmidt in Historical and Archival Institute. Moscow: Russian State Humanitarian. University. pp. 299 – 301. (In Russian)
8. Kubryakova, E.S. (1988), The role of the word's formation in the formation of the linguistic picture of the world. The role of the human factor in language: The Language and the picture of the world. Ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow: Nauka. pp. 141 – 172. (In Russian)

9. Mayorova, T.V., Maiorov, M.V. (2005), Streets of the Tula in XVII - XXI centuries. Encyclopedic dictionary-reference book of Tula city names. Tula: Shar. (In Russian)
10. Milonov, N.A. (1971), The Russian writers and the Tula Region: essays on literary regional studies. Tula: Prioksky Publishing House. (In Russian)
11. Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. (1996), The Russian agonyms. Moscow: B.i.
12. The Explanatory dictionary of the Russian language: Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian Academy of Sciences, Institute of Rus. lang. (1994), Moscow: Az, 1994.
13. Pospelov, E.M. (2008), The Geographical names of Russia: toponymic dictionary. Moscow: Astrel. (In Russian)
14. The Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary (2009), Vol. 4. Moscow: International relations. (In Russian)
15. Superanskaya, A.V. (2011), What is a toponymy? From the history of geographical names. Moscow: URSS. (In Russian)
16. The Tula from century to century. Tula: Business Press, 2004. (In Russian)
17. The Tula region in the mirror of the linguistic cultural studies (2010), Authors: Zakharova N.N., Goncharova N.N. et al. (monograph). Tula: TulGU. (In Russian)

Информация об авторе

ЗАХАРОВА Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических дисциплин и русского языка как иностранного Тульского государственного университета, Тула, Российская Федерация. E-mail: nadine1967@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.01.2023. Одобрена после рецензирования: 17.02.2023. Принята к публикации: 10.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Nadezhda N. ZAKHAROVA, CandSc (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Theoretical Disciplines and Russian as a Foreign Language, Tula State University, Tula, Russian Federation. E-mail: nadine1967@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9191-9922>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 27.01.2023. Approved after peer review: 17.02.2023. Accepted for publication: 10.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

Научная статья

УДК 930.253; 930.85; 792

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-186-207](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-186-207)

Исторические науки

Пьеса «Мать» М. Горького – Б. Брехта на Бродвее (1935): мировая известность и провал

Максим Михайлович Гудков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
m.gudkov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3956-4981>

Аннотация. Автор исследует единственную в США постановку повести М. Горького «Мать» в обработке Б. Брехта, которую осуществил крупнейший «рабочий театр» Нью-Йорка – театр «Юнион» (Theatre Union). Дается краткая характеристика сценической деятельности этого театра. Исследуется процесс экспортирования произведения в США и роль в этом процессе структур Коминтерна. Рассматривается история творческого противостояния американских авторов спектакля и немецкого драматурга, который прилетел за океан, чтобы лично курировать постановку. На основе изучения процесса создания спектакля и его рецепции бродвейским зрителем делается вывод, что американцам оказался близок не эпический театр Брехта, а реалистическая эстетика и психологизм Горького. Анализ постановки «Мать» позволяет расширить представления о сценической судьбе произведений русского писателя в США, а также рассмотреть проблему освоения эпического театра и, прежде всего, драматургии Брехта американскими театральными деятелями. Исследование выполнено на основе архивных материалов и труднодоступных зарубежных источников.

Ключевые слова: М. Горький, повесть «Мать», Коминтерн, Международное объединение революционных театров (МОРТ), Б. Брехт, пьеса «Мать», американский театр, Бродвей, театр «Юнион»

Для цитирования: Гудков М.М. Пьеса «Мать» М. Горького – Б. Брехта на Бродвее (1935): мировая известность и провал. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 186-207.

© Гудков М.М.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

CULTURES AND NATIONS

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-186-207](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-186-207)

The Play “Mother” by M. Gorky – B. Brecht on Broadway (1935): World Fame and Failure

Maxim M. Gudkov

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

m.gudkov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3956-4981>

Abstract. The author examines the only production of Maxim Gorky's novel “Mother” in the USA, which was adapted by Bertolt Brecht and staged by the leading Left-wing theatre of New York – Theatre Union. A brief description of the Union's stage activity is given. The process of exporting the work to the USA and the role of the Communist International (Comintern) structures in this process are investigated. The history of artistic confrontation of American authors of the production and German playwright, who arrived from over the ocean to supervise it is considered in the paper. As a result of the research of how the production was being made, as well as how it was perceived by Broadway spectators it is possible to conclude that the realistic aesthetics and psychological insight of Gorky was more recognizable to the American producers than Brecht's epic theatre. The analysis of the “Mother” production is aimed at expanding the views of Russian writer's works as well as to consider the problem of familiarization of epic theatre, the Brecht's dramatic composition by American theater-lovers. This research is based on archival materials and hard-to-access foreign sources.

Keywords: Maxim Gorky, novel “Mother”, Comintern, International Union of Revolutionary Theatres (MORT), Bertolt Brecht, play “Mother”, American theatre, Broadway, Theatre Union

For citation: Gudkov, M.M. The Play “Mother” by M. Gorky – B. Brecht on Broadway (1935): World Fame and Failure. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 186-207.

Введение

Данная статья продолжает многолетнее исследование автора о постановках пьес М. Горького на американской сцене (7–17). Проблему адаптации горьковской повести «Мать» в одноименную драму Б. Брехта, а также рецепции ее сценического воплощения в нью-йоркском театре «Юнион» заокеанской критикой и зрителем нам уже приходилось ранее затрагивать в одном из своих исследований (18). В этой работе нас будет преимущественно интересовать процесс экспортирования в театр США горьковского произведения, переработанного Брехтом, и роль в этом экспорте аффилированного с Коминтерном Международного объединения революционных театров (МОРТ), а также рассматривается проблема сценического воплощения «Матери» (режиссура, сценография, актерское исполнение).

Материалы и методы исследования

Кроме американских газетных и журнальных рецензий на исследуемый автором спектакль, находящихся в фондах Нью-Йоркской публичной библиотеки исполнительских искусств (New York Public Library for the Performing Arts), в работе привлекаются архивные материалы из фондов Библиотеки Хоутона при Гарвардском университете (Houghton Library, Harvard University, Кембридж) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Настоящее исследование основано на выработанном отечественной наукой принципе историзма, который – как никакой другой – продемонстрировал свою плодотворность при анализе именно конкретной постановки, осуществленной в определенную историческую эпоху прошлого. Автор статьи опирался на традиции ленинградской – петербургской школы театроведения, отличающейся особым интересом к детальной реконструкции театрального спектакля и базирующейся на принципиальной «вещности театра, предметности его фактуры, технологичности всех его уровней, включая актерскую игру» (26, с. 106). Сценическая судьба постановки «Мать» М. Горького – Б. Брехта исследуется в рамках политического и культурного российско-американского макроконтракста 1930-х гг.

Результаты исследования

1. «Красные тридцатые»: произведения М. Горького и театр США.

Пьесы М. Горького пробивали себе дорогу на американскую сцену с большим трудом: на протяжении всего XX столетия они оказывались на подмостках США явлением маргинальным. Отчетливо выделяются два всплеска интереса

американских деятелей сцены к пьесам Горького – в 1930-е и 1970-е гг. Чаще всего к горьковской драматургии обращались не коммерческие театры Нью-Йорка (Бродвей), а офф-бродвейские и офф-офф-бродвейские, а также региональные, университетские и любительские компании. Из всего множества пьес русского писателя по ту сторону Атлантики чаще всего ставилась лишь одна из них – «На дне».

В 1930-е гг. фигура М. Горького, только что вернувшегося в СССР из итальянской эмиграции, и его художественное наследие стали важной частью культурной дипломатии советского государства и активно эксплуатировались на «идеологическом фронте». Что касается США, то об определенных успехах такого горьковского «внедрения» за океан могут сказать слова радикального американского журналиста М. Голда, назвавшего 1930-е гг. в истории Соединенных Штатов «десятилетием Максима Горького» (6, с. 167), а также высказывание бывшего нашего соотечественника, обосновавшегося в Нью-Йорке, редактора журнала «Нью Мэссиз», тесно связанного с американской компартией, Д. Фримана: «Горький стал частью жизни [американского] пролетариата. Горьковские “На дне”, “Мать” и другие произведения сблизили американские массы с советскими» (1).

В годы Великой депрессии в Соединенных Штатах – их справедливо называют «красные тридцатые» – стали популярны леворадикальные политические идеи, и на американском театральном ландшафте в противовес Бродвею появляется новое направление – «Левое театральное движение» (Left-wing Theatre), которое тесно сотрудничало с Коммунистической партией США, с большевистской Москвой и со структурами Коминтерна. Под эгидой последнего было создано специальное подразделение с центром в советской столице – Международное объединение революционных театров (МОРТ, 1929–1936), цель которого заключалась в консолидации всех «революционных» театральных коллективов, включая систематическое снабжение их соответствующим репертуаром. У МОРТа была широкая сеть секций по всему миру, американская – называлась «Лига рабочих театров» (League of Workers' Theatres) и объединяла более трехсот заокеанских театральных групп.

Ведущими и наиболее радикально настроенными участниками этой «Лиги» оказались два театра, каждый из которых – естественно, после санкционирования МОРТом – представил на своей сцене произведения «первого советского классика» и рупора социалистического реализма М. Горького. Примечательно, что оба коллектива считались среди «рабочих» театров не любительскими, а профессиональными.

Один из них – небольшой еврейский театр «Артеф» (Artef Theatre, 1927–1940), который на идише (не на английском языке!) поставил в 1934 и 1935 гг. две поздние

горьковские драмы – «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие».

Вторым крупнейшим профессиональным «рабочим» театром США, осуществившим постановку произведения Горького, явился театр «Юнион» (Theatre Union, 1932–1937). В его манифесте декларировалось, что он создан для постановки больших революционных пьес о рабочем классе, написанных с точки зрения его интересов, подвергавших критическому рассмотрению все аспекты американской действительности: «Наши пьесы обращены к тому большинству, чьи жизни обычно изображались карикатурно или вообще игнорировались. <...> Это новый тип профессионального театра, в его основе лежат интересы и надежды огромных масс рабочих» (36, с. 45).

Основателями театра «Юнион» выступили радикально настроенные молодые писатели Альберт Мальц, Пол Петерс, Джордж Скляр и Виктор Вольфсон (которые и обеспечивали своими пьесами основной репертуар театра), а также их старший коллега Чарльз Р. Уолкер. Входя в «Лигу рабочих театров», «Юнион» был напрямую связан с профсоюзами, Социалистической и Коммунистической партиями США. Билеты в этот театр стоили дешево, а свободные места бесплатно раздавались безработным. Деятельность «Юнион» регулярно отражается и позитивно оценивается в документах МОРТа: «С осени 1933 г. на сцене профессиональных театров Нью-Йорка был поставлен ряд пьес ярко выраженного революционного характера: “Мир на земле” Скляра и Мальца, “Стивидор” Питерса [т. е. П. Петерса. – М. Г.] и Скляра (театр Юнион) ... Совсем недавно театр Юнион поставил пьесу революционного немецкого драматурга Вольфа “Матросы из Катарро”. Проникновение революционного репертуара на сцену профессиональных театров означает большой сдвиг в деле расширения влияния Лиги» (21, с. 6).

Авторитетный американский знаток театра, профессор Г. Дейна на одном из заседаний МОРТа в 1935 г. также особо выделил «Юнион»: «В каждом городе Соединенных Штатов сейчас уже есть театры, связанные с этой лигой [“Лигой рабочих театров”]. Наибольший успех в последние годы имел театр “Юнион” в Нью-Йорке. Возможно, коллег интересует, почему этот театр коммерчески успешен? Ответу: поскольку театр дает спектакли для рабочих организаций и профсоюзов. Поэтому все места на спектакль распродаются уже за несколько недель» (25, с. 4).

Известно, что в начале сентября того же 1935 г. в столицу СССР на Третий международный театральный фестиваль, организованный МОРТом и «Интуристом», приезжала (как сообщает московский журнал «Советский театр») «одна из руководительниц нью-йоркского “Театра Унион” Цельда Дорфман» (2).

Таким образом, МОРТ (а через него и Коминтерн) имеет самое прямое отношение к постановке «Матери» Горького – Брехта на американской сцене.

Ставя перед собой цель прямой и непосредственной пропаганды коммунистических идей в США, участники театра «Юнион» избрали в качестве

эстетического образца клубные драматические кружки, «агитпропы», «живые газеты» и традиции «Синей блузы» (27). И хотя театр просуществовал всего шесть лет – с 1932 по 1937 гг., – показав за это время только восемь постановок, его значение в истории американской сцены высоко оценивается как американскими, так и российскими исследователями: «По сравнению с более ранними пролетарскими коллективами театр «Юнион» был шагом вперед. Это была уже не самостоятельная или полусамостоятельная группа, а профессиональный коллектив, показывающий не агитационные представления, а полноценные художественные спектакли» (5, с. 242).

Поскольку участники «Юнион» своими постановками провозглашали необходимость за океаном сознательной и целеустремленной борьбы рабочих, поэтому обращение к горьковской повести стало для них естественным.

2. «Мать» Горького и США.

Как известно, большая часть первой – ранней – редакции повести «Мать» была написана в 1906 г. в США. Именно за океаном, а не у себя на родине, это произведение впервые увидело свет (в переводе на английский язык) – сначала в нескольких выпусках нью-йоркского журнала «Appleton's Magazine» (34) (декабрь 1906, январь – июнь 1907), а затем и отдельным изданием (35) (апрель 1907). История создания первоначального текста повести и ее творческих переработок в отечественном горьковедении давно уже тщательно исследована. Выделим здесь, пожалуй, самые первые работы по этой теме: (22; 23), а также некоторые из последних исследований: (19; 20); изучены и критические отзывы на повесть Горького в американской печати (3).

Спустя тридцать лет после рождения произведения за океаном и за год до смерти своего автора повесть «Мать» впервые обрела воплощение на американской сцене – как раз в театре «Юнион» (1935). Этот дебют горьковского произведения в США, однако, оказался несколько «опосредованным», поскольку «Юнион» имел дело не с самой повестью, а ее сценической обработкой, выполненной в 1932 г. известным немецким драматургом и театральным деятелем Бертольдом Брехтом (1898–1956). Руководство «Юнион» официально обратилось к немецкому драматургу за разрешением на постановку. Брехт, конечно же, дал добро и даже «благословил» специально написанным по этому случаю довольно длинным стихотворением под названием «Письмо к нью-йоркскому рабочему театру «Юнион» касательно пьесы «Мать»» (4, с. 474–478), в котором отчетливо звучала вера в способность американцев правильно понять и поставить его произведение.

Однако руководители «Юнион» приняли решение адаптировать текст брехтовской пьесы под реалии США, поручив эту работу одному из организаторов театра – драматургу и журналисту Полу Петерсу. Поскольку христианские нормы, традиционные для старой России и объявленные Советами «буржуазными предрассудками», оставались в 1930-е гг. незыблемой основой американской

нравственности, то поэтому П. Петерс убрал из брехтовского произведения все выпады против религии и упоминания о большевизме (29, с. 144–145). Он также внес существенные изменения в структуру пьесы: «продлил» жизнь и революционную деятельность Павлу Власову – теперь он не погибал при попытке перехода финской границы, а участвовал вместе с матерью в антивоенной агитации во время русской мобилизации 1914 г. Руководствуясь тем, что зрительское внимание невозможно удержать более двух часов, Петерс сильно сократил пьесу Брехта. При этом выброшенным оказалось то, что немецкий автор считал главным в своем произведении – антивоенные сцены из третьего акта, без которых «Революция 1917 года выглядит теперь пассивно-ожидаемым подарком небес, а не логичным и заслуженным подвигом пролетариата» (37, с. 78).

Брехт решительно отверг первый вариант обработки Петерса, после чего американский автор стал писать новую версию. Переговоры шли сложно и болезненно. Наконец, обе стороны (казалось бы) пришли к единому варианту текста, и театр приступил к репетициям.

Постановку доверили молодому (26-летнему), но амбициозному режиссеру Виктору Вольфсону. На главную роль – Пелагеи Власовой – пригласили возрастную, но не имеющую богатого сценического опыта актрису Хелен Хенри (Рисунок 1). Некоторые актеры играли по несколько ролей.

Рисунок 1. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Мать – Х. Хенри (слева)¹

Figure 1. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. Mother – H. Henry (left)

¹ Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 14: 613), Series II. Research files: Personalities. Gorky, Maksim. Mat' / Мать: photographs. Houghton Library, Harvard University, USA.

Не все в «Юнион» были уверены в том, что утвержденный Брехтом текст пьесы будет иметь успех у американцев. Глава постановочного комитета А. Мальц предчувствовал провал спектакля. Для того чтобы избежать его, было принято решение пригласить в качестве руководителя постановки самого Брехта (Рисунок 2).

Рисунок 2. Бертольд Брехт. Фото 1935 г., Нью-Йорк, США²

Figure 2. Bertolt Brecht. Photo 1935, New York, USA

Немец согласился, написав американцам перед приездом уже не стихотворение, а обычное письмо с такими словами: «Очень рад, что увижусь с вами в Нью-Йорке, и надеюсь, что наше сотрудничество будет плодотворным» (4, с. 462). Нет оснований полагать, что Брехт лукавил в этом послании за океан, – он искренне надеялся на успех своего детища в Новом Свете.

3. Сотрудничество или противостояние?

Однако то, что немецкий драматург увидел на репетиции своей пьесы в «Юнион», повергло его в шок: «“Мать” не просто перевели на английский, но превратили в какой-то безобразный приторный хлам» (37, с. 78). Роль Ниловны показалась немцу чрезмерно мелодраматизированной, в ней излишне акцентировалась ее любовь к сыну. Лишь немногие эпизоды с участием Власовой – Х. Хенри устраивали Брехта: среди них – «сцена болезни матери» (4, с. 473). Эпически обобщенный образ приземлялся, а патетическая стилистика пьесы заменялась разговорной речью (29, с. 147–149). В американской адаптации близость матери и сына строилась не на идеях коммунизма, а на родственных, кровных узах (Рисунки 3 и 4).

2

Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 14: 613), Series II. Research files: Personalities. Gorky, Maksim. Mat' / Мать: photographs. Houghton Library, Harvard University, USA.

Рисунок 3. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Эпизод X. (Сцена с Библией, или «Библейская сцена»). Мать – Х. Хенри (крайняя справа)³
Figure 3. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. Episode X (The Scene with the Bible, or “The Bible Scene”). Mother – H. Henry (far right)

Рисунок 4. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Сцена «Урок грамотности». Мать – Х. Хенри (вторая слева)⁴
Figure 4. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. The “Grammar Lesson” scene. Mother – H. Henry (second from left)

Вместо эпической отстраненности возникала столь чуждая Брехту сентиментальность. Прав современный отечественный исследователь Ю. А. Клейман: театр «Юнион» «был скорее заинтересован в сюжете романа Горького, чем собственно в брехтовской пьесе» (24, с. 122).

³ Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 14: 613), Series II. Research files: Personalities. Gorky, Maksim. Mat' / Мать: photographs. Houghton Library, Harvard University, USA.

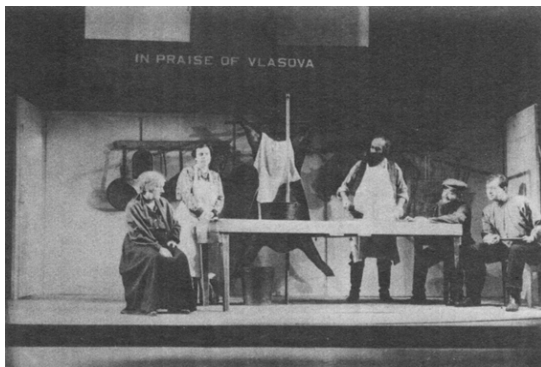
⁴ Источник: Там же.

Немецкий драматург попытался вернуть адаптации изначально присущие ей стилевые и композиционные особенности, однако американские авторы постановки сопротивлялись и неохотно шли на компромисс. История сохранила интересные подробности такого противостояния. Мальц не без обиды вспоминал: «В работе с Брехтом существовала, кроме всего прочего, одна специфическая вещь – он не мылся. Одет был все время в одни и те же кожаные куртку и кепку, а также серую рубашу, – как у простого рабочего, только из шелка. Их он тоже никогда не стирал. Поэтому (как нетрудно догадаться) находиться рядом с ним было испытанием не из легких... Несмотря на его худую и невысокую фигуру, он орал так, что стены сотрясались. Когда началась первая репетиция, он тут же выпрыгнул со стула, вскочил на сцену и, толкая актеров, стал что-то кричать им по-немецки» (38, с. 181).

Брехта чрезвычайно удивило, что мизансцены и костюмы не были согласованы со сценографом постановки, уже признанным мастером – М. Гореликом. В последнюю минуту без согласия сценографа была произведена русификация костюмов, что создавало впечатление лубка, дискредитируя идейную направленность и пафос пьесы. Такое решение придавало деятельности революционных рабочих характер узколокальный и даже экзотический.

Немец потребовал заменить жизнеподобную сценографию на подчеркнуто условную: убрать лишний реквизит, поставить на сцену два огромных рояля (которые заняли половину сценического пространства). На аррьерсцене был размещен большой экран, на который проецировались фотодокументы и титры к эпизодам (Рисунки 5, 6 и 7).

Рисунок 5. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Эпизод VIII, сцена Б. «На кухне мясника» («Хвала Власовой»). Мать – Х. Хенри (крайняя слева)⁵
Figure 5. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. Episode VIII, scene B. “In the Butcher’s Kitchen” (“In Praise of Vlasova”). Mother – H. Henry (far left)

5

Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 14: 613), Series II. Research files: Personalities. Gorky, Maksim. Mat' / Мать: photographs. Houghton Library, Harvard University, USA.

Рисунок 6. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Финальная сцена. Мать – Х. Хенри⁶

Figure 6. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. The Final Scene. Mother – H. Henry

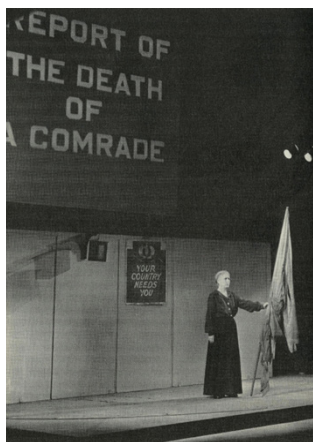
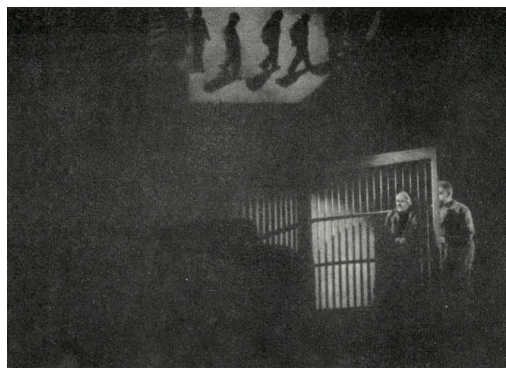

Рисунок 7. Спектакль «Мать». Театр «Юнион», Нью-Йорк, США. 1935. Сцена «В тюрьме». Мать – Х. Хенри (слева)⁷

Figure 7. The production “Mother”. Theatre Union, New York, USA. 1935. The scene “In Prison”. Mother – H. Henry (left)

⁶ Источник: Henry Wadsworth Longfellow Dana papers on Soviet theater and film and university lecture notes. MS Thr 402 (Box 14: 613), Series II. Research files: Personalities. Gorky, Maksim. Mat' / Мать: photographs. Houghton Library, Harvard University, USA.

⁷ Источник: Там же.

Световые проекции оставались на экране на протяжении всего эпизода, что позволяло использовать экран и в качестве кулисы.

Поразило Брехта и то, что световая партитура в американской постановке сочинялась также без привлечения сценографа. Она была выстроена натуралистически, создавая иллюзию жизнеподобия, в то время как по замыслу немецкого драматурга зритель должен видеть осветительные приборы и высвеченные ими музыкальные инструменты.

Но и после вмешательства Брехта на сцене все еще оставалось немало бытовых предметов, а, главное, актеры стремились к созданию психологически объемных образов, что противоречило и стилистике пьесы, и попытке использования экрана с титрами: «Исполнители пытались привнести внутреннюю жизнь в характеры, которые изначально не были выписаны психологическими» (33, с. 396).

Репетиции шли в атмосфере взаимной острой неприязни между Брехтом и театром. Отчаявшись что-либо объяснить американцам, он тряс перед их лицами фотографией, на которой были запечатлены восторженные зрители после предпремьерного показа. «Посмотрите на них. Да они же отравлены! Это отвратительно. Как вы сможете теперь их чему-нибудь научить?!» (29, с. 151; 38, с. 181). Драматург назвал все, что он видит в «Юнион», «Dass ist Scheisse» (32, с. 221). Прямо во время генерального прогона, на который были приглашены те, кто финансировали этот проект, «Брехт вскочил на ноги и начал рычать, “Das ist Dreck” – “Дерьмо!”» (38, с. 182), после чего покинул «Юнион» навсегда, не дождавшись премьеры, которая состоялась 14 ноября 1935 г.

Обсуждение результатов

Фиаско и слава

Экспериментальная работа привела публику в сильное замешательство, ведь преобладающее ее большинство составляла неискушенная фабричная аудитория, и спектакль сошел с проката после тридцати шести показов – 15 декабря 1935 г.

Не приняла постановку и критика, называвшая ее примитивной в своей дидактике и недостаточно наполненной эмоциями. Но больше всего ее возмутили не художественно-эстетическое новаторство Брехта и поиски театра «Юнион», а идейное содержание постановки – агитация, своего рода семинар или даже инструктаж по тактике классовой борьбы. Так, газета «Бруклин Дейли Игл» злорадствовала: «Это следовало бы отнести к детским развлечениям, ибо это всего-навсего детский сад для коммунистических малолеток» (4, с. 480).

Совсем в иной тональности о постановке «Мать» писали, естественно, леворадикальные издания США. Журнал «Нью Мэссиз» цитировал высказывание крупнейшего лидера американской Компартии К. Хэтэуэя: «Каждый революционер и рабочий-активист должен непременно увидеть этот волнующий спектакль» (28), а также назвал произведение Брехта «самой красивой и поэтической пьесой о революции, которая когда-либо появлялась в этой стране» (30).

Несмотря на то, что постановка «Мать» оказалась самым большим провалом в деятельности «Юнион», выдержавшим наименьшее количество представлений, именно она прославила этот театр на весь мир.

Не сложившийся «роман» театра «Юнион» с Брехтом в работе над его «Матерью» можно объяснить целым комплексом причин. С одной стороны, виной тому обычное недопонимание между участниками постановки, усугубленное незнанием языка («трудности перевода»). Нет оснований не соглашаться с признанием Мальца: «Все дело, наверное, в том, что мы с самого начала не поняли друг друга. Театр взялся за эту пьесу, прежде всего, потому что он [Брехт. – М. Г.] дал нам разрешение на ее адаптацию. Но он, скорей всего, думал, что мы просто переведем ее на английский. И естественно, он был шокирован, увидев то, что мы сделали с его текстом. <...> По этой причине его главной задачей стало приблизить все к оригиналу. В итоге, не получилась ни его пьеса, ни наша, – настоящее фиаско» (38, с. 182).

Другой причиной провала постановки пьесы Брехта за океаном стала естественная разница в политическом и культурном макроконтексте Германии и США. В отличие от Коммунистической партии Германии (КПГ) Американская компартия никогда не была столь популярна, – даже в годы Великой депрессии. Поэтому агитпроп в Новом Свете не мог прижиться на профессиональной и коммерческой сцене» (29, с. 143).

По справедливому замечанию американского исследователя, руководство «Юнион» оказалось глухо к экспериментам Брехта, а сам немецкий драматург проявил излишний нонконформизм в то время, когда его пьеса неизбежно нуждалась в адаптации при постановке в США (31, с. 19).

В следующий раз повесть Горького «Мать» – однако уже в инсценировке П. С. Джонса, а не в переработке Брехта – была поставлена в США лишь в 1994 г., когда к ней обратился знаменитый экспериментальный офф-офф-бродвейский театр «Ла МаМа» («La MaMa», Нью-Йорк), давший еще в 1960-е гг. путевку на сцену произведениям таких ныне известных американских драматургов, как С. Шепард, Л. Уилсон, Р. Патрик и Ж.-К. Итали.

Выводы

Исследование процесса экспортирования брехтовской сценической обработки повести М. Горького «Мать» в США свидетельствует о непосредственном участии в нем структур Коминтерна (в частности, МОРТа). Анализ постановки театра «Юнион» позволяет утверждать о том, что американским создателям спектакля оказался близок не эпический театр Брехта, а реалистическая эстетика русского писателя, его психологизм. Осуществленная постановка способствовала более широкому знакомству американской публики с горьковским произведением и предложила его своеобразное сценическое воплощение, не вполне адекватное авторскому замыслу.

Тем не менее, экспортирование произведений М. Горького, а вместе с ними и советских ценностей и идей в западные сообщества, является одним из действенных инструментов культурной дипломатии России.

Благодарность

Автор статьи выражает глубокую признательность сотрудникам Библиотеки Хоутона при Гарвардском университете (Houghton Library, Harvard University, Кембридж, США) Майи Терхун и Кристин Джейкобсон, предоставивших автору уникальный архивный – в том числе и иконографический – материал по исследуемой постановке, находящийся в Фонде профессора Генри Дейны.

Список источников

1. Американские писатели о Горьком [American writers about Gorky] (1936). Правда. 20 июня. № 168 (6774). С. 3.
2. [Б. п.]. (1935), Третий театральный фестиваль [The Third theater festival]. Советский театр. № 8. С. 20.
3. Боброва Е.И. (1941), Критические отзывы американской печати 1907 г. о повести «Мать» [Critical reviews of the American press in 1907 about the novel "Mother"]. М. Горький. Материалы и исследования. Сб. III. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР. С. 391–403.
4. Брехт Б. (1963), Примечания (к «Матери») [Notes (to "Mother")]. Перевод Н. Манушина. Брехт Б. Театр: В 5 т. М.: Искусство. Т. 1. С. 458–492.

5. Гладышева К.А. (1986), Театр Соединенных Штатов Америки [Theater of the United States of America]. История зарубежного театра: В 4 ч. М.: Просвещение. Ч. 3: Театр Западной Европы и США (1917–1945). С. 198–253.
6. Голд М. (1982), Второй американский Ренессанс (Речь на IV Конгрессе американских писателей) [The Second American Renaissance (Speech at the IV Congress of American Writers)]. Писатели США о литературе: В 2 т. Т. 2. М.: Прогресс. С. 161–170.
7. Гудков М.М. (2019), Драматургия М. Горького и американский театр XX века [Maxim Gorky's dramaturgy and the American theater of the XX century]. Жизнь провинции: история и современность (Сб. ст.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета. С. 15–28.
8. Гудков М.М. (2019), «Егор Булычов» в Америке [“Egor Bulychov” in America]. Современная драматургия. № 2. С. 259–264.
9. Гудков М.М. (2019), Пьеса М. Горького «Егор Булычов и другие» на сцене американского театра «АРТЕФ» (1934/35) [Maxim Gorky's play “Egor Bulychov and Others” on the stage of the American ARTEF Theater (1934/35)]. Acta eruditorum. Вып. 31. С. 27–34.
10. Гудков М.М. (2019), «Вражеская» пьеса на американской сцене: «Враги» М. Горького в нью-йоркском Линкольн-центре [“Enemy” play on the American stage: Maxim Gorky's “Enemies” at the New York Lincoln Center]. Современная драматургия. № 4. С. 239–251.
11. Гудков М.М. (2020), «Враги» М. Горького или враги Советского Союза? (Американская премьера горьковской пьесы, написанной в США) [Maxim Gorky's “Enemies”, or Enemies of the Soviet Union? (American premiere of Gorky's play written in the USA)]. Acta eruditorum. Вып. 33. С. 24–30.
12. Гудков М.М. (2020), «Достигаев» в Америке (Нью-Йорк, театр «АРТЕФ», 1935) [“Dostigaev” in America (New York, ARTEF Theater, 1935)]. Максим Горький в культуре XX–XXI вв. Горьковские чтения–2020 (9–10 октября): Материалы XXXIX Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 15–26.
13. Гудков М.М. (2020), Американский «Достигаев» в «красные тридцатые», или «Почему Америка процветает?..» [American “Dostigaev” in the “Red Thirties”, or “Why is America thriving?..”]. XX Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге, 27–30 мая 2020 г.: сборник научных статей и материалов. СПб.: Изд-во РХГА. С. 132–137.

14. Гудков М.М. (2021), Поздние пьесы М. Горького в театре США как результат транснациональной политики Коминтерна [Maxim Gorky's late plays in American theater and the transnational policy of Comintern]. Rossica. Литературные связи и контакты. № 1. С. 157–180.
15. Гудков М.М. (2022), Поздние пьесы М. Горького на американской сцене: воплощение и рецепция [Maxim Gorky's late plays on the American stage: Embodiment and reception]. Международные Михоэлсовские чтения. М.: РГБИ. С. 116–132.
16. Гудков М.М. (2022), Вахтанговские идеи за океаном: поздние пьесы М. Горького в нью-йоркском театре «Артеф» [Eugene Vakhtangov's ideas across the ocean: Maxim Gorky's late plays at the Artef Theater (NYC)]. Вопросы театра. Proscenium. № 1/2. С. 246–285.
17. Гудков М.М. (2022), Поздние пьесы М. Горького и Международное объединение революционных театров: экспорт горьковской драматургии в театр США [Maxim Gorky's late plays and the International Association of Revolutionary Theaters: The export of Gorky dramaturgy to the US theater]. Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения–2022 (28–29 марта): Материалы XL Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 179–187.
18. Гудков М.М. (2018), «Бессмертная фигура Пелагеи Власовой была вне всякой дискуссии...»: единственная постановка «Матери» М. Горького – Б. Брехта в США [“The immortal figure of Pelageya Vlasova was beyond any discussion...”: The only production of M. Gorky – B. Brecht's “Mother” in the USA]. Acta eruditorum. Вып. 27. С. 33–43.
19. Егорова Ю.М. (2009), Из истории текста повести М. Горького «Мать» [From the history of the text of M. Gorky's novel “Mother”]. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН. С. 226–230.
20. Егорова Ю.М. (2010), Сравнительный анализ американской и итальянской редакций повести Максима Горького «Мать» [Comparative analysis of the American and Italian editions of Maxim Gorky's novel “Mother”]. Conversatoria Litteraria. Międzynarodowy Rocznik Naukowy: Aktualne problemy komparatystyki. Teoria i metodologia badan literaturoznawczych. Siedlce – Banska Bystrica. С. 151–171.

21. К декаде МОРТ 1935 г. Доклад «Международное революционное театральное движение на данном этапе» [By the decade of MORT, 1935. The report "The International Revolutionary Theater movement at this stage"]. РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 103.
22. Касторский С.В. (1940), «Мать» М. Горького. Творческая история повести [Maxim Gorky's "Mother". The creative history of the novel]. Л.: Художественная литература.
23. Касторский С.В. (1941), Из истории создания повести «Мать» (О первоначальном тексте повести) [From the history of the creation of the novel "Mother" (About the original text of the novel)]. М. Горький. Материалы и исследования. Сб. III. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР. С. 288–360.
24. Клейман Ю.А. (2016), Немецкая драматургия и театр США: парадоксы влияния [German dramaturgy and the theater of the USA: Paradoxes of influence]. Немецкая драматургия на мировой сцене XX–XXI веков (Материалы Международной научной конференции 23–25 апреля 2015 г.). СПб.: Изд-во Российского государственного института сценических искусств. С. 117–128.
25. Международное объединение революционных театров (МОРТ). Протокол встречи с гостями фестиваля в Малом театре 7.IX.1935 (на немецком языке) [International Association of Revolutionary Theaters (MORT). Protocol of meeting with guests of the festival at the Maly Theater 7.IX.1935]. РГАСПИ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 106.
26. Песочинский Н.В. (2011), Методы театроведения и театроведческие школы [Methods of theater studies and theater schools]. Введение в театроведение. Сост. и отв. ред. Ю.М. Барбой. СПб.: Изд-во СПбГАТИ. С. 70–111.
27. Туркина Л.Н. (1977), Вклад Тизтр Юнион в американскую социальную драму 30-х годов [Contribution of Theatre Union to the American social drama of the 30s]. XXX Герценовские чтения. Литературоведение (Научные доклады). Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена. С. 75–78.
28. Advertisement ["Mother"] (1935). New Masses. 3 December. P. 27.
29. Bradley, L. (2006) Brecht and Political Theatre: "The Mother" on Stage. Oxford: Clarendon Press.
30. Burnshaw, S. (1936), A Letter to "Artef". New Masses. 25 February. P. 28.
31. Fletcher, A. (2007), The Theatre Union's 1935. Production of Brecht's "The Mother": Renegade on Broadway. Brecht, Broadway and United States Theatre. Ed. by C. Westgate. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 2–23.

32. Goldstein, M. (1974), *The Political Stage: American Drama and Theatre of the Great Depression*. New York: Oxford University Press.
33. Gorelik, M. (1960), *New Theatres for Old*. New York: E.P. Dutton and Company.
34. Gorky, M. (1906–1907), *Mother*. *Appleton's Magazine*. 1906. Vol. VIII, No. 6 (December). P. 720–736; 1907. Vol. IX, No. 1 (January). P. 85–99; No. 2 (February). P. 205–218; No. 3 (March). P. 320–335; No. 4 (April). P. 448–467; No. 5 (May). P. 622–639; No. 6 (June). P. 752–768.
35. Gorky, M. (1907), *Mother*. New York: D. Appleton and Company.
36. Rabkin, G. (1964), *Drama and Commitment: Politics in the American Theatre of the Thirties*. Bloomington: Indiana University Press.
37. Taylor, K. (1972), *People's Theatre in Amerika*. New York: Drama Book Specialists.
38. Williams, J. (1974), *Stage Left*. New York: Charles Scribner's Sons.

References

1. American writers about Gorky (1936). *Pravda*. June 20. No. 168 (6774). P. 3. (In Russian)
2. [Unsigned] (1935). The third theater Festival. *Soviet Theater*. No. 8. P. 20. (In Russian)
3. Bobrova, E.I. (1941), Critical reviews of the American press in 1907 about the novel "Mother" // M. Gorky. Materials and research. Collection No. III. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 391–403. (In Russian)
4. Brecht, B. (1963), Notes [to "Mother"]. translation by N. Manushina. Brecht, B. Theater: In 5 vol. Moscow: Iskustvo Publ. Vol. 1. pp. 458–492. (In Russian)
5. Gladysheva, K.A. (1986), Theater of the United States of America. The History of foreign theater: In 4 vol. Moscow: Prosveshchenie Publ. Vol. 3: Theater of Western Europe and the USA (1917–1945). pp. 198–253. (In Russian)
6. Gold, M. (1982), The Second American Renaissance (Speech at the IV Congress of American Writers). Writers of the USA about literature: In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Progress Publ. pp. 161–170. (In Russian)
7. Gudkov, M.M. (2019), Maxim Gorky's dramaturgy and the American theater of the XX century. Life of the province: history and modernity (Collection of articles). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press. pp. 15–28. (In Russian)

8. Gudkov, M.M. (2019), "Egor Bulychov" in America. *Modern Dramaturgy*. No. 2. pp. 259–264. (In Russian)
9. Gudkov, M.M. (2019), Maxim Gorky's play "Egor Bulychov and Others" on the stage of the American ARTEF Theater (1934/35). *Acta eruditorum*. Issue 31. pp. 27–34. (In Russian)
10. Gudkov, M.M. (2019), "Enemy" play on the American stage: Maxim Gorky's "Enemies" at the New York Lincoln Center. *Modern Dramaturgy*. No. 4. pp. 239–251. (In Russian)
11. Gudkov, M.M. (2020), Maxim Gorky's "Enemies", or Enemies of the Soviet Union? (American premiere of Gorky's play written in the USA). *Acta eruditorum*. Issue 33. pp. 24–30. (In Russian)
12. Gudkov, M.M. (2020), "Dostigaev" in America (New York, ARTEF Theater, 1935). Maxim Gorky in the culture of the XX–XXI centuries. Gorky Readings–2020 (October 9–10): Materials of the XXXIX International Scientific Conference. Nizhny Novgorod: Lobachevsky National Research University Publ. pp. 15–26. (In Russian)
13. Gudkov, M.M. (2020), American "Dostigaev" in the "Red Thirties", or "Why is America thriving?..". XX Holy Trinity Annual International Academic readings in St. Petersburg May 27–30, 2020: Collection of scientific articles and materials. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. pp. 132–137. (In Russian)
14. Gudkov, M.M. (2021), Maxim Gorky's late plays in American theater and the transnational policy of Comintern. *Rossica. Literary connections and contacts*. No. 1. pp. 157–180. (In Russian)
15. Gudkov, M.M. (2022), Maxim Gorky's late plays on the American stage: Embodiment and reception. *International Mikhoels Readings*. Moscow: RGBI Publ. pp. 116–132. (In Russian)
16. Gudkov, M.M. (2022), Eugene Vakhtangov's ideas across the ocean: Maxim Gorky's late plays at the Artef Theater (NYC). *The Problems of the Theater. Prosaenium*. No. 1/2. pp. 246–285. (In Russian)
17. Gudkov, M.M. (2022), Maxim Gorky's late plays and the International Association of Revolutionary Theaters: The export of Gorky dramaturgy to the US theater. Maxim Gorky. Paradigms of philosophical and artistic searches of the XX–XXI centuries. Gorky Readings–2022 (March 28–29): Materials of the XL International Scientific Conference. Nizhny Novgorod: Lobachevsky National Research University Publ. pp. 179–187. (In Russian)

18. Gudkov, M.M. (2018), "The immortal figure of Pelageya Vlasova was beyond any discussion...": The only production of M. Gorky – B. Brecht's "Mother" in the USA. *Acta eruditorum*. Issue 27. pp. 33–43. (In Russian)
19. Egorova, Yu.M. (2009), From the history of the text of M. Gorky's novel "Mother". *Textual Timeline. Russian Literature of the XX century: Issues of textual and source Studies*. Moscow: IMLI RAS Publ. pp. 226–230. (In Russian)
20. Egorova, Yu.M. (2010), Comparative analysis of the American and Italian editions of Maxim Gorky's novel "Mother". *Conversatoria Litteraria. Międzynarodowy Rocznik Naukowy: Aktualne problemy komparatystyki. Teoria i metodologia badan literaturoznawczych*. Siedlce – Banska Bystrica. pp. 151–171. (In Russian)
21. By the decade of MORT, 1935. The report "The International Revolutionary Theater movement at this stage". *The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 540. Inventory 1. Case 103*. (In Russian)
22. Kastorsky, S.V. (1940), Maxim Gorky's "Mother". *The creative history of the novel*. Leningrad: *Hudozhestvennaya literature Publ.* (In Russian)
23. Kastorsky, S.V. (1941), From the history of the creation of the novel "Mother" (About the original text of the novel). *M. Gorky. Materials and research. Collection III*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 288–360. (In Russian)
24. Kleiman, Yu.A. (2016), German dramaturgy and the theater of the USA: Paradoxes of influence. *German dramaturgy on the world stage of the XX–XXI centuries (Materials of the International Scientific Conference on April 23–25, 2015)*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Institute of Performing Arts. pp. 117–128. (In Russian)
25. International Association of Revolutionary Theaters (MORT). Protocol of meeting with guests of the festival at the Maly Theater 7.IX.1935. *The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 540. Inventory 1. Case 106*. (in German)
26. Pesochinsky, N.V. (2011), Methods of theater studies and theater schools. In: *Introduction to theater studies / Comp. and ed. by Yu.M. Barboy*. St. Petersburg: Publishing House of SPbGATI. pp. 70–111. (In Russian)
27. Turkina, L.N. (1977), Contribution of Theatre Union to the American social drama of the 30s. *XXX Herzen Readings. Literary studies (Scientific reports)*. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ. pp. 75–78. (In Russian)
28. Advertisement ["Mother"] (1935). *New Masses*. 3 December. P. 27.
29. Bradley, L. (2006) *Brecht and Political Theatre: "The Mother" on Stage*. Oxford: Clarendon Press.

30. Burnshaw, S. (1936), A Letter to "Artef". New Masses. 25 February. P. 28.
31. Fletcher, A. (2007), The Theatre Union's 1935. Production of Brecht's "The Mother": Renegade on Broadway. Brecht, Broadway and United States Theatre. Ed. by C. Westgate. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 2–23.
32. Goldstein, M. (1974), The Political Stage: American Drama and Theatre of the Great Depression. New York: Oxford University Press.
33. Gorelik, M. (1960), New Theatres for Old. New York: E.P. Dutton and Company.
34. Gorky, M. (1906–1907), Mother. Appleton's Magazine. 1906. Vol. VIII, No. 6 (December). P. 720–736; 1907. Vol. IX, No. 1 (January). P. 85–99; No. 2 (February). P. 205–218; No. 3 (March). P. 320–335; No. 4 (April). P. 448–467; No. 5 (May). P. 622–639; No. 6 (June). P. 752–768.
35. Gorky, M. (1907), Mother. New York: D. Appleton and Company.
36. Rabkin, G. (1964), Drama and Commitment: Politics in the American Theatre of the Thirties. Bloomington: Indiana University Press.
37. Taylor, K. (1972), People's Theatre in Amerika. New York: Drama Book Specialists.
38. Williams, J. (1974), Stage Left. New York: Charles Scribner's Sons.

Информация об авторе

ГУДКОВ Максим Михайлович, актер театра и кино, театральный педагог, старший преподаватель кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: m.gudkov@spbu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3956-4981>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.03.2023. Одобрена после рецензирования: 12.03.2023. Принята к публикации: 24.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Maxim M. GUDKOV, theatre and movie actor, acting teacher, senior lecturer of Department of interdisciplinary art studies and practices of Faculty of liberal arts and sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: m.gudkov@spbu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3956-4981>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 01.03.2023. Approved after peer review: 12.03.2023. Accepted for publication: 24.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ

Научная статья

УДК 930.85; 808.51; 792

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-208-231](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-208-231)

Исторические науки

Экспериментальный театр XX-XXI вв. как лаборатория публичной речи (постановка проблемы)

Жанна Владимировна Васильева^{1а},
Юлия Геннадиевна Лидерман^{1б}

¹ Научно-исследовательская лаборатория историко-культурных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^а vasileva-zv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1753-9710>

^б liderman-yg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4599-9818>

Аннотация. Цель исследования - создание истории экспериментального театра XX века, понимаемого как лаборатория публичной речи, а также выявление места экспериментов театра XIX-XX-XXI веков в России на карте современного искусства.

Согласно представлениям о материальности спектакля, который создается перформативными средствами, голос, пространство перформанса, присутствие, тела, устная речь может быть рассмотрена как мультимедийный перформанс.

Наряду с методами исторической науки, необходимыми для изучения архивных и опубликованных документальных свидетельств экспериментов с публичной речью в театре, используются методы социологии искусства, истории идей, культурной истории, которые позволяют устанавливать связи между изобретениями новых приемов и методов в искусстве театра, сопровождающими их социальными и историческими событиями и выявлять генеалогию и историю приемов и методов.

Ключевые слова: история русского театра, сценическая речь, авангард, современная драматургия, живые картины

Для цитирования: Васильева Ж.В., Лидерман Ю.Г. Экспериментальный театр XX-XXI вв. как лаборатория публичной речи (постановка проблемы). Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 208-231.

© Васильева Ж.В., Лидерман Ю.Г.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

CULTURES AND NATIONS

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-208-231](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-208-231)

Experimental Theater of XX-XXI Centuries as a Public Speech Laboratory (Problem Statement)

Zhanna V. Vasilyeva^{1a},
Yulia G. Liderman^{1b}

¹ Research Laboratory of Historical and Literary Studies, School of Contemporary Humanities Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^a vasileva-zv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1753-9710>

^b liderman-yg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4599-9818>

Abstract. The purpose of the study is to create a history of the experimental theater of the 20th century, understood as a laboratory of public speech, as well as to identify the place of the experiments of the theater of the 19th-20th-21st centuries in Russia on the map of contemporary art. According to the concept of the materiality of the performance, which is created by performative means, the voice, performance space, presence, body, oral speech can be considered as a multimedia performance. Along with the methods of historical science necessary for the study of archival and published documentary evidence of experiments with public speech in the theater, the methods of the sociology of art, the history of ideas, and cultural history are used, which allow establishing links between the inventions of new techniques and methods in the art of the theater, the accompanying social and historical events and reveal the genealogy and history of techniques and methods.

Keywords: history of the Russian theater, stage speech avant-garde, modern drama, live pictures

For citation: Vasilyeva, Z.V., Liderman, Y.G. Experimental Theater of XX-XXI Centuries as a Public Speech Laboratory (Problem Statement). Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 208-231.

Введение

Театр XX века может быть осмыслен как поле практик, в которых отражаются культурные изменения обществ современной и постсовременной эпох. Например, появление «коллективного субъекта», к которому апеллируют социологическая, культурологическая теория и современная философия, может быть исследовано на примере культурной истории театральных сообществ, а социальные трансформации, описываемые через теории «информационных обществ», проиллюстрированы описанием процесса вытеснения модели репертуарного театра театром-лабораторией. Культурные изменения привели театр и другие художественные практики к такому состоянию, в котором, ни зрелище, ни артефакт не осмысляются практиками, теоретиками и публикой как результат художественного процесса. Теории перформативной эстетики предлагают увидеть театр как пространство трансформации культурного порядка (10). В теории перформативной эстетики граница между концептами «сценической речи» и «публичной речи» обретает такие свойства как подвижность и проницаемость. Изучение контекстов, истории, новаторских приемов, типов театральных событий, которые делают возможным снятие игровых, театральных условий сценической речи, трансформацию реплики в речь (в ее перформативной функции), позволит по-новому определить роль российских авангардных театральных практик в процессе глобальных культурных трансформаций.

Мы понимаем исследование публичной речи как возможность описать функциональную трансформацию текста для театра, которую он претерпевает в актуальных перформативных искусствах. Наша гипотеза состоит в том, что изменения в эстетике приводят к смене референциальной или структурной модели текста для театра. Текст драмы уступает место другим моделям, описывать которые необходимо с учетом коммуникативной теории устной речи и теории перформативной эстетики.

Материалы и методы исследования

Теоретические основы исследования составил концепт модерна, как основа появления экспериментальных проектов в искусстве; теория информационного общества и социальных трансформаций как основа понимания культурной истории театральных сообществ; концепция вторичных и первичных моделирующих систем» Юрия Лотмана, концепция культурной памяти и культурной идентичности Яна Ассманна; идеи о «коллективном субъекте» в социологической теории, культурологии и философии; коммуникативная теория устной речи и теория перформативной эстетики.

Материалы исследования составили методические пособия и рекомендации по театральным постановкам, начиная с XIX в., пособия для организации праздников и сценарии праздников, литературные тексты, материалы проектов драматургических лабораторий. В процессе исследования применялся широкий комплекс методов, в том числе контент-анализ, ивент-анализ, семантический анализ, контекстуальный анализ, сравнительный анализ.

Результаты исследования

Живые картины и их описания

Жанр «живых картин» традиционно рассматривается историками культуры прежде всего в рамках исследований театральной культуры. Так, Милихат Юнисов, автор фактически самого полного исследования об истории живых картин в России второй половины XVIII-начала XX века, говоря о возникновении своего интереса к этой теме, упоминает прежде всего работы Ю. Лотмана о театральности русской культуры и поэтике бытового поведения, а также работы Й. Хёйзинга и Н. Евреинова (13).

Тем не менее, первое, с чем вы сталкиваетесь, начиная искать материал о живых картинах, это методические пособия и рекомендации по постановке живых картин, которые во множестве выпускались и в XIX веке, и в первой четверти XX века. Одни из этих пособий предназначались для постановки в домашних условиях или «в закрытых учебных заведениях среди рабочего люда, в глухих, далеких селах, где так мало развлечений и радости» (7). При том, что упор делается на развлекательный характер постановки, автор не забывает подчеркнуть, что «праздник всегда может иметь могущественное воспитательное значение» (7).

Другие пособия могли быть написаны к юбилею писателя по заказу литературно-музыкального общества. И тут вновь прикладное значение книги выходит на первый план. Так, например, Всеволод Чешихин, автор «Пролога в стихах в память пятидесятилетия со дня смерти Н.В. Гоголя», выражает надежду быть «полезным кому-либо из почитателей великого писателя ... в эти дни, когда уже везде вырабатываются программы гоголевских празднеств» (11). Он не оставляет сомнений в том, что текст пролога писался по предложению «одного из местных литературно-музыкальных обществ», но подчеркивает, что готов предоставить права (авторские) лицам или учреждениям, которые обратятся к нему по этому поводу.

Третьи издания предназначались для постановок, которые носили явно общественно-политический характер и предназначены были для сбора средств на благотворительные цели. Заказчиком могли выступать, например, такие

влиятельные организации, как Славянский благотворительный комитет, созданный московскими славянофилами. Устав его утвердил Александр II в начале 1858 года. (Московское Славянское общество было закрыто летом 1878 года из-за несогласия его председателя И.С. Аксакова с дипломатическими итогами Русско-турецкой войны). Очевидно, что небольшие издания, как «Стихотворения и объяснительный текст к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 4-го апреля 1870 года», были компилятивны, подразумевали прежде всего «монтаж» стихотворений и текстов. Иначе говоря, эти тексты, которые носят характер описания и комментария, не имеет смысла рассматривать как уникальные авторские произведения искусства.

Прикладное значение этих изданий очевидно. Иначе говоря, их чтение становилось первым шагом подготовки живых картин. В этом смысле – они точно такая же часть «живой картины», как живописная картина, которая могла послужить «исходным образцом» для постановки.

Если говорить о том, как структурированы эти сборники, то они включают [1] описание живой картины, [2] возможен рассказ о персонажах, которые изображаются, [3] программу, в которую она вписывается, [3] способ создания живой картины или ее подготовки, [4] время и место постановки, [5] повод для постановки, [6] рисунок или фотографию с изображением картины. Стоит заметить, что все эти составляющие можно найти только в методических пособиях и сборниках, предназначенных для постановки живых картин с детьми. Но описание и программа остаются постоянными составляющими этих текстов во всех сборниках.

Хотя собственно изображения живых картин появляются только в детских книгах (рисунки или фотографии детей, изображающих ту или иную сцену), каждое из этих изданий существует в тесной связи с картиной или постановкой. Перед нами книги не для чтения себя, но для постановки и устной декламации. Они существуют в тесной связи с образом (представленной живой картиной), устной речью (декламацией) и живой коммуникацией участников и зрителей.

Так, объясняя, как поставить живые картины на детском празднике, Клавдия Лукашевич прежде всего замечает, что «живые картины обыкновенно очень нравятся зрителям, особенно много удовольствия они доставляют в сельских школах». А затем подчеркивает связь живой картины с устной декламацией: «Перед картиной следует громко сказать ее название или, еще лучше, прочитать отрывок или стихотворение, объясняющее ее содержание».

Следовательно, в этом случае на первый план выходят функции литературного текста как активного участника социальной коммуникации.

Цель этой коммуникации отнюдь не создание нового знания, а прежде всего повторение знакомых формул, образов, символов. Иначе говоря, речь идет о

воспроизводстве культурных образцов, которые обеспечивают непрерывность культурной памяти.

Тут мы опираемся на представления о культурной памяти, которые предложил Ян Ассманн в статье «Культурная память и культурная идентичность» (1988) и которые перекликаются с идеями Юрия Лотмана. Культурную память, с точки зрения Ассманна, отличают:

- «1) конкретность идентичности (отличие себя от других);
- 2) реконструктивность (отнесенность соответственно к одной актуальной ситуации),
- 3) оформленность (в таких средствах передачи, как шрифт, изображение и т.д.),
- 4) организованность (в церемониях и таких специализированных профессиях, как библиотекарь),
- 5) обязательность (оценка и иерархизация содержания),
- 6) рефлексивность (практики в отношении собственного представления о себе)...

В общем и целом, по мнению Ассманна, культурный процесс имеет форму гипоплеписа, то есть повторения с вариациями» (9).

Эти особенности воспроизводства культурной памяти (которые обеспечивают повторение с вариациями) предполагают использования типовых форм и формул. Об этом пишет Светлана Адоньева, разрабатывающая прагматический подход к исследованию фольклора: «Логическим следствием этого подхода в отношении памяти... оказывается вывод о том, что небиологическому наследованию подлежит не словарь и правила, но целиком готовые к употреблению речеповеденческие формы, причем такие, эффективность использования которых каждым членом сообщества гарантирована опытом и постоянно подтверждается социальной практикой». (1).

Можно предположить, что одной из таких речевых и поведенческих форм довольно долго являлась живая картина, воспроизводство которой обеспечивалась повседневными практиками развлечения, текстами с методическими описаниями и рекомендациями постановок этих картин, готовыми визуальными образами, знакомым алгоритмом постановки с помощью подручных средств.

Из всех перечисленных способов воспроизводства, нас сейчас, в первую очередь, интересует тексты с объяснениями живых картин. Заметим в скобках, что прагматическое «понимание текста как действия основывается на понимании текста как речи» (12).

Если следовать прагматическому подходу к текстам, при котором смещается интерес от фактов языка к фактам их использования, то нужно определить типологию текстов изданий, объясняющих постановку живых картин, и варианты их применения.

Итак, прагматический подход к корпусу текстов, которые были одной из существенных частей постановки живых картин (этот объем текстов не исчерпывающий, но выборочный), предполагает решение следующих задач.

I. Рассмотрение структуры текстов

II. Их типы и сопоставление с экзфрасисом

III. Рассмотрение способов и функций их применения.

В работе использован материал следующих трех изданий.

Лукашевич Клавдия. О детских праздниках. Родителям, воспитателям и старшим братьям и сестрам. – М.: Типография Т-ва И.Д.Сытина, 1909.

Чешихин Всеволод. Русь. Пролог в стихах, в память пятидесятилетия со дня смерти Н.В.Гоголя (21 февраля 1852-21 февраля 1902). – Рига: тип.газеты «Прибалтийский край», 1902. – 23 с.

Биографии членов Политбюро ВКП(б). К картине худ. И.И. Бродского «Коллективный вождь ВКП(б)» (за единство партии). – Ленинград: Издание авт. Картины худож. И.И.Бродского, 1927. – 67 с.

Книга Клавдии Лукашевич, которая была довольно известной в начале XX века, во всяком случае, являлась плодотворным автором книг для детей, выбрана потому, что она представляет довольно типичное пособие, содержащее инструкции по постановке живых картин в самых разных социальных слоях, от «закрытых учебных заведений» (видимо, речь идет о пансионах) до сельских школ.

Книга Всеволода Чешихина, который, судя по списку опубликованных им изданий, много писал об оперных постановках и композиторах, относится к тому же периоду истории России XX века – до начала Первой мировой войны. Но интересна книга тем, что она написана на заказ, по специальному юбилейному поводу, рассчитана на постановку во взрослой аудитории, и при этом не отсылает изначально к уже готовому визуальному источнику.

Издание биографий членов Политбюро ВКП(б) в качестве «продолжения» картины И.И. Бродского «Коллективный вождь ВКП(б)» может показаться в этом ряду шокирующе абсурдным. Но, как ни странно, структура этого издания выстроена по образцу дореволюционных книг-объяснений к «живым картинам». Интересна причина появления такого типа издания в совершенно ином историческом контексте и использование старой матрицы для решения новых идеологических задач.

Рассмотрим каждый из структурных элементов текста.

Как ни странно, собственно описание живых картин в книгах, предназначенных для их постановки, встречается не так уж часто.

В детских пособиях по организации детских праздников подробное описание может заменяться отсылкой к известной картине (Лукашевич, как уже упоминалось, говорит о рисунках Богданова-Бельского), или к «несложной *простой картинке из*

книги, из детской жизни» (7). Среди таких «несложных картинок», воспроизведенных в книге Лукашевич, например, рисунок «За чтением», представляющий пятерых босоногих крестьянских детей на лавке в избе. Пока двое мальчиков читают книгу, лежащую на столе, три девочки сидят рядом на лавке. Еще одна - в платке и лаптях слушает чтение, стоя с другой стороны стола.

Любопытно, что сюжет живой картины не просто иллюстрирует, а дублирует сюжет двух четверостиший «За чтением» («Дети дружно собрались: // братья, старшие сестренки... // Смотрят весело на книжку их веселые глазенки // Все они хотят учиться, чтобы читать начать скорее. // От хороших книжек дети // Станут лучше и умнее»).

Оставим в стороне беспомощность стихотворения. Гораздо любопытнее другое. Если учесть, что во время демонстрации живой картины предполагалось чтение этого стихотворения на сцене, то становится очевидным, что этот двойной перевод: письменного текста – в чтение вслух, а устной декламации - в визуальный образ - предлагает сфокусировать внимание на самом процессе обучения чтению.

Речь идет о двух моментах. Во-первых, постановка живой картины оказывается методическим приемом обучения крестьянского ребенка чтению. Чтобы поставить эту картину, дети должны прочитать стихотворение (допустим, по слогам), научиться читать эти восемь строк бегло, выучить их и представить в качестве сценки на импровизированной сцене. Во-вторых, удвоение реальности (обычная повседневность и ее игровое представление) делало само обучение чтению объектом рефлексии. Ребенок, участвующий в живой картине, не просто учился читать – его участие в сценической постановке, представляющей чтение, буквально представляло его аудитории в новом статусе «грамотного». В этом случае участие в живой картине становилось своего рода праздничным ритуалом, которым был отмечен успех в достижении цели, обретение нового умения (умения читать), и как следствие - изменение статуса.

Понятно, почему живые картины в детских изданиях неразрывно оказываются связаны с декламацией стихотворений. Изображение «Весны» сопровождается чтением одноименного стихотворения Майкова: «Весна! Выставляется первая рама...» (оно «произносится за сценой»). Картина «Рождественский вечер» должна быть представлена вместе с чтением стихотворения Я. Грота «Вечер на Рождество» («Над степью бледный месяц плыл...»). Картина «Ангел и дитя» показывается в сопровождении чтения за сценой стихотворения Никитина «Молитва дитяти». Новогоднее изображение «Ангела под елкой» сопровождалось детской песней «Маленький ангел», которую детям предлагалось исполнить хором.

Тем не менее, кроме рисунков в детских книгах появляется и описание живых картин. Во многих случаях это описание связано *не столько с объяснением сюжета*

картины (эту роль выполняет чтение стихотворения), сколько с объяснением того, как сделать реквизит и наряд актеров, выступающих в этой картине.

Вот, например, как описывается «Весна»:

«На голубом фоне, посреди сцены, стоит на зеленом холме, усеянном цветами (из клякс-папира, то есть из промокашек), девочка, одетая в бледно-розовое воздушное платье (тоже из клякс-папира), доходящее до колен; шея и руки открыты. ... На распущенных волосах надеты венком блестящие серебряные нити (украшение елки), которые спускаются и на лоб; точно такие же нити обвивают шею, стан и все платье девочки. Левою рукою она охватывает рог изобилия (из золотой бумаги), из которого сыплется целый дождь цветов (из разноцветного клякс-папира); гирлянды цветов и зелени (из глянцевиной бумаги), выходя из рога, обвивают решетку (классные счеты, оклеенные зеленой бумагой), стоящую невдалеке от «Весны». Правая рука девочки, грациозно поднятая, держит серебряные нити, ведущие к летящей бабочке (из глянцевиной бумаги), которую «Весна» только что выпустила из своего рога» (3).

Фактически, перед нами инструкции «художнику по костюму». Описание нацелено на создание условной сценической реальности. Указание на материал (бумага для промокашек, классные счеты, оставшиеся от новогоднего праздника серебряные нити, бумажный рог изобилия) - помимо чисто практической ценности советов - подчеркивает «невсамоделитность», игровую условность театральных образов, которая так близка детской игре. Описание тут фиксирует двойственность театральной реальности, живущей между прозаической обыденностью повседневных вещей и воображением юных актеров. Подлинность материалов (даже если речь о «бледно-розовом воздушном платье», которое теоретически могло быть сшито из какой-то дешевой ткани) здесь не только не нужна, но, по сути, разрушает «правила игры»: убирая контрапункт меж реальностью материала и воображением, она делает последнее бессмысленным, обесценивает игру – и театральную, и детскую.

Наконец, описание живой картины может не просто отсылать к одному из образов художественного произведения (будь то весна, сыплющая цветы из рога изобилия), но «переводить его» с языка поэзии в театральную мизансцену или жанровую сценку. Именно таким оказывается описание «Цыганского табора», которое становится задним фоном при чтении отрывка из поэмы «Цыгане»:

«На сцене изодранный ковер; возле него небольшой костер, над которым висит котелок; старик-цыган смотрит на него и что-то мешает; за шатром лежит ручной медведь (мальчик в маске и шкуре медведя); с ним играет группа цыганских детей; в шатре виднеется несколько женщин, перебирающих щетины; поодаль

от шатра одна цыганка гадает по руке пришедшей крестьянке, другая протянула руку за подачкой; в другом месте цыган кует на походной наковальне; игрушечные телеги и лошадки дополняют картину» (7).

Кроме уже отмеченной двойственности описания сцены, которая подчеркивает условность театрального языка (игрушечные лошадки, мальчик в шкуре медведя), обращает на себя внимание, что в этом описании – много глаголов. Собственно, как и у Пушкина в «Цыганах». Живая картина полна движения: дети играют с медведем, женщины перебирают щетину, гадалка предсказывает судьбу и т.д.

Живая картина выглядит тут весьма далекой от неподвижности образа, который ранее тем же автором упоминался как один из основных признаков живой картины. Так, предваряя главу книжки, посвященной именно этим постановкам, К. Лукашевич пишет:

«В школах мне приходилось видеть так красиво, хотя и просто поставленные живые картины, детей, так спокойно и серьезно стоявших в них, что маленькие зрители с удивлением и восторгом говорили: «Это, кажется, не живые люди. Это статуи... Они даже не шевелятся... Да неужели это Маруся Козлова? Неужели это Жоржик Антонов?» (7).

В случае с «Цыганским табором» как раз все «шевелиются». Неподвижность тут подразумевает скорее повтор действия, его ритмичность и привычность. Перед нами визуализация сцены, с которой начинается поэма Пушкина. Причем сцена эта в описании переводится на язык прозаический.

Этот прием визуализации сцены из литературного произведения – встречается не только в описании живых картин для детских праздников. Очень похожий прием мы встречаем в «Прологе в стихах в память 50-летия со дня смерти Н.В. Гоголя» Всеволода Чехихина. Основу пролога составляет череда живых сцен, которые представляют разные произведения Гоголя: от «Сорочинской ярмарки» и «Тараса Бульбы» до «Шинели», «Невского проспекта», «Ревизора» и «Мертвых душ».

При этом если на детском празднике описание «Цыганского табора» предназначалось для юных актеров и взрослых организаторов праздника в качестве режиссерских рекомендаций, как мы сейчас сказали бы, то в «Прологе...» Чехихина само «переложение» эпизода литературного произведения звучит со сцены. Но если пушкинские «Цыгане» переложены прозой (это переложение выполняет функцию ремарок и режиссерских рекомендаций), то в прологе «Русь» Чехихин пересказывает прозу Гоголя ... своими виршами. При этом они-то как раз и должны звучать со сцены. Так, например, эпизод «Сорочинской ярмарки» представлен следующим образом:

«Бесстрашный кум повествовал преданье
Про беса в красной свитке Черевiku
И прочим добрым людям; а супруга
Седого Черевика вся тряслась
От страха, чтобы муж не разглядел
Любовника трусливого ея,
Висевшего под потолком на досках.
И вдруг, среди преданья и попойки,
Со звоном стекла из окон летят,
И выставляется снаружи в хату
Свиная морда, поводя очами!
Рассказчик храбрый, в судорогах страха,
Пополз под юбку жинки; Черевик
Надел на голову горшок, как шапку,
И ну бежать...» (11).

После чего в тексте пролога следует авторская ремарка в скобках: «Музыка, в характере спокойного повествования, переходящая в тревогу забавного ужаса. Живая картина, содержание которой только что изложено: «Сорочинская ярмарка; прерванная сказка о красной свитке».

Таким образом, живая картина предстает как узнаваемый фрагмент известного литературного произведения. О содержании действия зрителям заботливо напоминает пересказ со сцены.

Очевидно, что главная цель таких отсылок к литературным произведениям в постановках, рассчитанных на взрослую публику, – необходимость включить сцену в повествовательный сюжет. Чтобы быть правильно «увидена», живая картина должна быть «прочитана» как эпизод знакомого сюжета.

Но эта связка «живая картина – литературное произведение», если так можно выразиться, парадигматического свойства. Внутри представляемого сценического действия живая картина включается в подчеркнуто условный сюжет. В случае пролога Чехихина это, например, диалог Украинской Сказки и Русской Музы. Этот диалог, в ходе которого представляются произведения Гоголя, и служит стержнем для нанизывания «живых картин».

Этот синтагматический, горизонтальный сюжет можно назвать программой, в которую включаются живые картины. Данная программа может носить совершенно условный характер. Так, например, в книге Лукашевич в качестве таких программ предлагаются шествия, или процессии детей, которые дают название «Времена года», «Народы России», «Крестьянский труд»... Преимущество этих шествий (с пением или без пения) автор видит в том, что в них могут участвовать все: «...

Пройти в шествии и доставить удовольствие следует, конечно, всем собравшимся на празднике детям».

В случае с пособием для организации детского праздника главы книжки фактически повторяют последовательность сценической программы. Скажем, Клавдия Лукашевич выделяет в первом отделении шествия и хор, затем декламации или музыкальное исполнение. Второе отделение начинается с живой картины (ее можно устроить в антракте), продолжается чтением, которое объясняет картину, затем появляются «сценки», «чтение с волшебным фонарем», и вновь – шествия и хор.

В этом случае живые картины находятся в «равных» позициях внутри программы.

Но может быть и иная ситуация, когда весь условный сюжет ведет к «апофеозу». Именно так называет финальную живую картину Всеволод Чехихин в своем «прологе в стихах». Вот как она описывается:

«Живая картина апофеоза:

Русь, в виде боярыни, со щитом и пальмовою ветвью мира. Несколько ниже ее – бюст Н.В. Гоголя, над которым держат, с обеих сторон, лавровый венок Украинская сказка и Русская Муза. Ниже, со стороны Сказки – персонажи первых четырех картин этого пролога, а со стороны Музы – персонажи остальных четырех картин» (8).

Это, можно сказать, *классическое описание живой картины, напоминающее экфрасис*.

Перед нами образ, отсылающий к многоуровневой скульптурной композиции, аллегорическую программу которой и разъясняет текст. При этом само это «разъяснение» носит промежуточный характер: оно описывает финальную сцену музыкально-литературного спектакля, но должно создать образ памятника. Иначе говоря, описание указывает двойственный характер этой композиции: на остановку (или высшую точку) сценического развития действия, и неподвижность монумента.

Условный сюжет диалога Украинской Сказки и Русской Музы в этом случае завершается созданием «памятника» Гоголю, который их объединяет.

Описание живой картины может быть дополнено рассказом о персонажах.

Это могут быть *аллегорические*, как Украинская сказка и Русская муза, которые появляются в самом начале пролога в стихах к 50-летию смерти Гоголя (11).

В сцене первой в дубраве «близ Днепра» «на обомшлом пне сидит Украинская Сказка – молодая девушка в одеянии полународном, полуфантастическом». Это описание фактически идентично описанию действующего лица в пьесе.

Сказка, действительно, тут же вступает в стихотворный диалог с русалками и лешими, выражая томительную неудовлетворенность жизнью и неопределенное стремление к иной жизни. Тут под пение украинской народной песни появляется

Русская Муза, которая предлагает ей вместе «бродить по свету, // Пока мы не найдем того поэта, // Который даст в священном храме сердца // Приют обеим нам. Идем, сестра!».

При этом проводится параллель между словесными образами и скульптурными: «...Дано мне показать // тебе видения те, что облекутся в одежду слов и образов прочнее, // Чем мрамор, бронза памятников, - в вечных творениях великого поэта».

Очевидно, что автор перефразирует тут хрестоматийное противопоставление стиху памятника бронзового или «александрийского столпа», начатое Горацием и подхваченное Пушкиным. Как и у классиков, бронзе памятников противостоят «вечные творения великого поэта». Но любопытно, что при этом уравниваются «одежда слов и образов». Иначе говоря, поэтическое слово и образ тут выступают как синонимы, которые противостоят и бесплотным «видениям», и материальности монументов. Это как бы «промежуточный слой» существования, где живут речь и образы, которые воплощаются в «звучах чудных песен». В этом случае движение «пролога в стихах» к живой картине-апофеозу выглядит вполне логичным движением сразу в двух направлениях: от видений – к словам поэта, и от видений - к образу.

Вся эта конструкция несколько напоминает модель «понятие – слово – изображение», которую использовали концептуалисты. Чехихина, разумеется, сложно заподозрить в концептуализме. Но в предложенной им живой картине-апофеозе братаются не только муза и сказка двух народов, но актеры, изображающие символические образы-понятия, каменный бюст, замещающий «живого» Гоголя, актеры, изображающие конкретных персонажей пьес.

Любопытно, что мраморный бюст тут выступает в «актерской» функции. Гоголь парадоксальным образом оказывается желанным «каменным гостем» на юбилее со дня своей смерти.

В живой картине могут представлены также *исторические лица*.

Пример тому можно найти в издании «Стихотворения и объяснительный текст к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 1 апреля 1870 года». При том, что брошюра была выпущена именно как приложение к живым картинам, собственно описания живых картин в ней нет вообще.

Текст издания представляет собой фактически биографии отдельных героев, которые сопровождаются стихотворениями. Так, к картине «Роман Галицкий и папский посол» дается историческая справка о князе Романе Мстиславиче (княжил в 1197-1205 гг.) и стихотворение А.К. Толстого «Роман Галицкий». Точно также представлены картины «Николай Коперник», «Гус на костре», «Королевич Марко», «Болгарский царь Симеон», «Богдан Хмельницкий», «Петр Великий после Полтавской битвы». Биографии сопровождаются стихотворениями стихотворения

В. Бенедиктова «Коперник», Ф. Тютчева «Гус на костре», А. Майкова «Сон королевича Марка», Я. Полонского «Симеон», В. Бенедиктова «Богдан Хмельницкий и послы», В.А. Соллогуба «Рассказ старого солдата о Полтавском сражении».

Все это завершается «Последним словом» В.А. Соллогуба («Чтим славянские мы были, // Помним памятные дни, // Чтob и внуки не забыли // Однокровной нам родни...»).

Сопоставление описания или «объяснений» к живым картинам с экфрасисом выглядит не самой привлекательной идеей.

Основание для сравнения тут вроде бы есть – описание живых картин напоминает определение экфрасиса, как он понимался в древности. Экфрасис – это «описательная речь, отчетливо являющая глазам то, что она поясняет» (2).

В то же время среди тех параллелей экфрасиса с более поздними формами искусства, которые приводит Н.В. Брагинская, живые картины не упоминаются.

«Однако на память приходят раешник при райке и кукольник при своих немых актерах, комментарии глашатая к древней пантомиме, старая литургическая драма, во время которой передвигали плоские раскрашенные фигурки действующих лиц, а клирики, скрытые от зрителя, вели диалоги, - иными словами, те формы зрелища, в которых для созерцания предлагается не живой и говорящий актер, а изображение, «за» которое говорит ведущий» (2). Очевидно, что живая картина может вписаться в этот ряд «немых» зрелищ, за которые говорит ведущий.

Но отличия не менее очевидны. Экфрасис – «это «перевод» с языка изобразительного на язык словесный». (3; 9). Описание живых картин (по крайней в тех случаях, о которых шла речь) преследовали прямо противоположную цель: они переводили с языка словесного (стиха, прозы, драмы) на визуальный язык, язык образа.

Но при этом целый ряд выделенных Н.В. Брагинской характерных структурных черт экфрасиса обнаруживает сходство со некоторыми структурными элементами описаний живых картин.

Вспомним, какие черты диалогического экфрасиса выделяет Н.В. Брагинская.

1. Наиболее ранние аналогии диалогическому описанию изображения обнаруживаются в миме.
2. В классической филологии «форма мима – диалог, но диалог такой, в котором почти все время говорит лишь один из диалогистов, а другой молчит или подает только самые короткие реплики. Основной персонаж мимирует, обращаясь то к своему партнеру, то к другим воображаемым лицам, будто бы присутствующим».
3. Схема требует, чтобы зрители и зрелище были «чужаками». Отсюда

часто – мотив путешествия, рассматривания чужеземных, диковинных и непонятных изображений.

4. Обращение к собеседнику с предложением посмотреть на «достойную изумления вещь».
5. «Отметим здесь возглас «Посмотри!». Подобные зрительные императивы – один из постоянных признаков диалогического экфрасиса».
6. Другим признаком диалогического экфрасиса являются вопрос (Например, «Кто они?», «Кто создатель изображений?»). «Вопросы о создателе или посвятителе изображения оказываются вариантами вопроса о смысле и назначении картины или статуи».
7. Диалогическое описание.
8. Переживание подделки ложного под подлинное, этот постоянный мотив греческой экфразы – как живое, как настоящее, но на самом деле – не живое, не настоящее, мертвое, искусственное.
9. Истолкование знающим человеком, в терминологии Брагинской – экспликатор. «Художник, посвятитель и мудрец или жрец – это три возможных воплощения экспликатора».
10. Автор доказывает культовые истоки диалогического экфрасиса. Она находит и приводит примеры, когда «мотив оживающего изображения, верней, изображения, которое вот-вот оживет и заговорит, возвращен к своей праформе: изображение живое, «жизнь вложена в камень», ...и оно говорит».
11. При этом наряду с мистериальной находится и вполне «светская», педагогическая экфразы.
12. «В диалоге Лукиана «Токсарид», например, рассказывается, как скифы еще в древности записали на медной доске историю Ореста и Пилада и посвятили эту доску в храм с тем, чтобы началом учению и воспитанию детей служило заучивание этой истории, а на храмовой ограде они изобразили в картинах ее содержание; надо было уметь объяснить эти изображения».
13. Наконец, диалог может «близко подходить к жанру «откровения», к беседе мудреца и невежды, учителя и ученика», божества и человека, к себе о священным авторитетом».
14. «Описывается и поясняется не картина как произведение искусства, а скорее то, что изображено» (2).

Нетрудно заметить, что практически все структурные черты экфрасиса можно

обнаружить в изданиях, объясняющих или поясняющих создание живых картин и сами эти картины. Фактически, авторы книг берут на себя функции «экспликатора», поясняющего смысл изображения.

Только вместо призыва «Погляди!» в детских изданиях появляется призыв «Сделай!». Описание получает ту перформативную функцию речи, что и глаголы в форме побудительного наклонения. Текст описания становится не только дидактическим, но и побудительным.

Разумеется, остается вопрос, как можно объяснить «перевертыш» функций. Как объяснение готового изображения может превратиться в инструкцию по его созданию?

Можно предположить, что дидактические функции экфрасиса нашли «зеркальное» отражение в создании живых картин: чтобы лучше запомнить истории или биографии героев, детям могло быть предложено их разыгрывать на манер сценок мимов и изображать аллегорические композиции. При этом повествование «сворачивалось» в символ, аллегория.

Была использована как раз та обретенная в экфрасисе способность изображения к повествовательности, что была отмечена Н.В. Брагинской. Как она писала, «не только слово пытается приобрести свойство изобразительности, но и изображение наделяется свойствами повествовательности или предстает как наглядная иллюстрация» (2).

Речь как «готовая вещь» в пьесах Павла Пряжко

В последние десять лет в России вместе с расширением сообщества, вовлеченного в производство текстов для театра, чрезвычайно расширилась область применения «чтения с листа» разного рода художественных текстов. Жанр «читки» еще, может быть, ждет своего аналитика, особенно его специфические аспекты и вопросы национальной идентичности и национальной специфики читки и чтений на русском языке. Сам по себе интерес именно к звучащему слову, к жанру, который позволяет дистанцироваться от традиции психологического театра (и артистам, и зрителям), объединяет зрительское сообщество или сообщества, составляющие публику для проектов драматургических лабораторий, чтений. Этот сюжет позволяет аргументировать концепцию смены письменной и устной культур, которую развивает в своих текстах Б.М. Гаспаров (3).

Можно поставить вопрос, какие художественные приемы обладают преимуществом для сегодняшнего зрителя? Почему читка может конкурировать с театральным событием или постановкой? Почему перевод письменной речи (драматического текста) или литературного текста в устную речь оказываются предпочтительнее чем перевод текста в пластическую или пространственную форму?

Почему читка оказывается знаком экспериментальной, лабораторной работы? Вернее так, странным образом, «читку» сегодня публика ассоциирует с чем-то современным, по умолчанию авангардным, со сломом традиционной театральной формы. Первые спекуляции можно попытаться сделать исходя из конвенций советского культурного производства, в котором целью творческого процесса де-факто иде-юре для всех был спектакль, а репетиционный процесс (и в том числе такие его формы как читка или «хождение с текстом» или любые другие «поиски» и отбор окончательных приемов или решений сопровождали путь к этому общепризнанному результату. Открытие в 1990-е (может быть, в некоторых узких сообществах в 1980-е) лабораторных форм театра, смещения и для артистов, и для публики акцентов с ценности зрелища на ценность процесса, открыла другую эру в российском театре, где постепенно стало нарастать разнообразие, которое набирало объем за счет деконструкции тех форм работы, которые атрибутировались в советском контексте как «репетиционный процесс». Каждый из элементов тренинга актера (вне зависимости от театральной системы), и каждый из методов режиссерской работы (от разбора текста до поиска пространственных, пластических решений, работы над актерским методом и т. д.) в пределе мог составить основу новых лабораторных, экспериментальных, новаторских или авангардных театральных событий. Так, речь или сценическая речь эмансипировалась в читках.

В экспериментах в институциональном театре, начиная с 1990-х годов, оказались заинтересованы довольно различные сообщества, эти сообщества преследовали разные художественные, этические цели, эти сообщества принадлежали разным поколениям. В идеальном случае, процесс трансформации канонического (в теоретическом смысле) искусства СССР, здесь мы пользуемся понятием канонического вслед за Х. Гюнтером, который ввел этот термин в многолетнем исследовании советской культуры (8), можно проследить и в том, как возникло и развивалось разнообразие в перформативных искусствах, в которых театральные зрелища и разные формы исполнительства (чтение, музыкальное исполнение) начали дифференцироваться в различные мультимедийные инсталляции или перформансы. Если рассматривать процесс трансформации канонического искусства в СССР как процесс превращения изобразительных, исполнительских искусств, пластических искусств и режиссуры в принципиально трансгрессивное пространство опыта публики, то популярность «читок» можно рассмотреть в контексте других экспериментов, для которых преимущественным каналом восприятия оказывается способность слышать. Читки, оказывается, возможно воспринять среди других исполнений, акций, объединенных понятием искусство живого исполнения (live art).

Читки начинают располагаться на карте где-то вблизи от исполнения

современной академической музыки, поэтического баттла, аудио-инсталляции. Что дает нам такое смещение? В чем заключается преимущество смены контекста с драматического на «постдраматический», если пользоваться термином Х. Тиса Леманна (6). Действительно, такое смещение (при переходе к разбору кейсов) может дать возможность уклонения от объектного рассмотрения «пьесы» или даже «театрального события» в сторону концептуализации и описания процессов. Например, речевого акта, включающего обмен невербальными знаками, или говорить о звучащей речи как об исполнении коллажа (монтажа), апроприации, *ready made* (готовой вещи), симулякров частей и фрагментов речи. В случае такого рассмотрения аналитик получает возможность не пользоваться герменевтическими процедурами анализа или даже структурным анализом художественного текста, но размечать «исполнения», то есть акты исполнительства, исходя из аналогий с различными проявлениями, заархивированными музеями и институциями современного искусства.

Например, в исполнениях текста Павла Пряжко «Жизнь удалась», говоря об этом исполнении, мы опираемся на запись читки «Жизнь удалась» из архива Золотой маски (4), знаки вербальной и невербальной коммуникации зафиксированы в тексте. Можно сказать, что новация Павла Пряжко заключается, в частности, в том, что его тексты, ставшие такими популярными для читок и для чтения, не просто фиксируют устную речь на письме, что производит эффект, как нарушение конвенции при чтении текста про себя. Когда мы пишем, что Павел Пряжко фиксирует устную речь на письме, то, главным образом, имеем в виду большой процент элементов, прерывающих речь, которые Пряжко использует в своих текстах. Б. М. Гаспаров называет эту функцию устной речи агогией. Он говорит, что эта категория связности, как один из шести регистров устной речи, определяет ее семантику. В текстах Пряжко редукция русской устной речи, склонность говорящего по-русски носителя языка к инверсии, использование в качестве междометий неподцензурного языка постоянно сопровождают диалоги персонажей. В пьесе «Жизнь удалась» одно и то же словосочетание в речи Лены (одного из двух женских персонажей) используется в нескольких функциях: как междометие (для обозначения прерывистости), как обращение к другому персонажу и дескриптивно. Речевая характеристика персонажа словосочетание «Ты дебил» по-разному участвует в коммуникациях и между персонажами, и между артистами и зрителями в зависимости от применяемого к речи кода. Наряду с конвенциями драматического текста, главным образом, авторскими ремарками, например (монолог Алексея, или персонажи ходят, Лена любит Вадима и так далее), текст для читки (или пьеса) содержит и знаки того, что это документы (сродни расшифровки записанного интервью).

Но это еще не все, что связывает перформативный эксперимент Павла Пряжко с темой нашего исследования «Театр как лаборатория публичной речи». Кроме процесса документирования (процедуры, знакомой исследователям устной культуры), читка пьесы Павла Пряжко, включающая чтение ремарок, обнаруживает то, что автору также необходимы невербальные знаки для обмена информацией с публикой. Что интонация, динамика, тембр, агогика, все эти выделенные Б. М. Гаспаровым типы невербальной коммуникации, занимают писателя и именно контроль за ними определяет (кроме референций к книжной культуре) его работу. Использование нецензурной речи как раз и позволяет на письме (сродни записи партитуры танца) зафиксировать интонационные акценты, динамику речи, темп, регистр и тембр. Интересно, что сюжетные обстоятельства (пьянка, секс, веселье), также записываются невербальными характеристиками речи. Орнамент этих знаков очень насыщен, именно он, как кажется, ответственен за неизменный катарсический эффект, который прослушивание этих текстов оказывает на публику.

В другой пьесе Павла Пряжко, ставшей спектаклем ТЮЗа им. Брянцева в Санкт-Петербурге, документация которого предоставлена Золотой Маской, в отличие от спектакля «Жизнь удалась» (5), где основной исполнительской эмоцией было удовольствие, основной исполнительской эмоцией можно посчитать «неуверенность». Вопрос о том, насколько в возможностях текста оказывается кодирование эмоции, можно оставить открытым. Что более или менее определенно, так это то, что и в этой пьесе прием «готовая вещь» (*ready made*) по отношению к частям речи, который можно зафиксировать и при анализе пьесы «Жизнь удалась», также используется. Мы имеем в виду, что по отношению к текстам Павла Пряжко продуктивным кажется применение методологии, согласно которой исследователь мог бы быть сосредоточен на поиске «готовых форм» современного состояния русского языка. В этом смысле один из приемов, который кажется уместнее всего (пока не нашлось иного варианта) называть заимствованным из тезауруса современного искусства понятием «*ready made*» готового объекта. Имеется в виду перенесение речевых форм (интонационных, стилистических, риторических) в корпус текста для постановки. В этом отношении, текст для постановки Павла Пряжко, возможно, нужно атрибутировать понятием или термином, который бы позволил избегать понятия «текст пьесы» или «драматургия». В подтверждение этого тезиса можно сослаться на то, что при обращении к текстам Павла Пряжко, как правило, ремарки или авторские ремарки озвучиваются наряду с прямой речью персонажей. Эстетика конкретной поэзии определяет понимание функции слов в текстах для озвучивания Павла Пряжко.

Также хотелось бы озвучить два замечания по поводу текста «Злая девушка». Что в нем любопытно, так это деконструкция одной из условностей драматургии,

а именно формы «монолог». Условность монолога, в котором к произнесению обречен текст размышления, в этом тексте деконструируется через несколько приемов. Все они принадлежат разработке одного персонажа, а именно вынесенной в заголовок «злой девушки» Оли. У нее есть один монолог в гостях, состоящий из рассказа (приветственного, рассказа знакомства), исполнение фортепьянной пьесы в качестве монолога, смех по телефону в качестве монолога, экфрасис (то есть описание своих действий), а также монолог во сне в ответ на почудившийся голос. Во всех этих монологах подчеркивается их коммуникативная прагматика (всегда точно указывается, что за коммуникативная ситуация порождает эту речь). Знакомство, исполнение по нотам (исполнение письменного текста), реакция на воображаемого партнера, воображаемую реплику), описание своих действий, как бы описание акции и воспроизводство специфического дискурса (ready made). Речь идет о последнем монологе Оли, в котором в ответ на вопрос «как ты относишься к психологическим текстам» она отвечает профессиональным психологическим рассуждением, воспроизводящим дисциплинарную речь клинического психолога.

Второе рассуждение, которое хотелось бы здесь зафиксировать, это мысль о том свойстве устной речи, на которое указывает монолог Оли, который мы только что охарактеризовали как экфрасис или описание собственного перформанса. Интересно, что реакция зрителя, а на этом монологе реакция зрителя зафиксирована на записи театрального исполнения пьесы «Злая девушка» (5), проявляет именно то, что это указание на определенную характеристику устной речи, прочитывается зрителем, понимается им, момент понимания и фиксируется открытой реакцией (коллективным смехом). Все три свойства устной речи, как их характеризует Б.М. Гаспаров: инверсия прерывистость, активация исходных форм слова, перебивы.

По аналогии с конкретной поэзией, эффект, которого добивается автор от публики, это эффект материальности речи. Исполнение пьесы «работает», выступает в функции критики средства, аналогичной указанию монохромной живописи на материальность поверхности картины.

Выводы

Два раздела текста представляют различные условия, необходимые для рассмотрения аудиального аспекта истории перформативных искусств.

Первая часть статьи представляет анализ речевого аспекта визуальных источников, а вторая часть предлагает концептуализацию художественных приемов читки.

В связи с тем, что речь, голос, звук так легко преодолевают физические границы театрального пространства, театрального здания, да и театрального искусства в

целом, речь оказывается очень удобным средством для сегодняшнего развития перформативных искусств. Двусмысленности понимания, принадлежность к миру вымысла или к миру исторического правдоподобия, к литературе или к социальной коммуникации, к музыке или речи – вот только некоторые из оппозиций, работающих для участников перформансов, которые преодолеваются или вновь устанавливаются коллективным участником или зрителем.

Междисциплинарный подход позволяет по-новому осознать историю театра, в которой Живые картины, чтения поэтов своих поэтических текстов, советская перестроечная драматургия, поэтический перформанс художественного андеграунда 1970-1980-х годов, литературные и театральные эксперименты драматургов 2000-х годов, леттеринг в уличной моде, «ситуации» и другие виды перформативных событий в музее, иммерсивные формы театральных событий складываются в общее направление «театра устной речи», дальнейшее изучение которого открывает новые способы понимания культурной динамики и культурного развития.

Благодарность

Работа выполнена в рамках Госзадания НИР «Экспериментальный театр. Музейные практики». За уточнения понятий и дискуссии благодарю сотрудников лаборатории историко-культурных исследований В. В. Золотухина, А. О. Дунаеву, В. Склез.

Список источников

1. Адоньева С.Б. (2003), Фольклор: социальное действие и коммуникативный акт. Опыт междисциплинарного подхода [Folklore: social action and communicative act. Experience of an interdisciplinary approach]. Компаративистика – III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб. С. 157–172.
2. Брагинская Н.В. (1977), Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации). Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста [Ekphrasis as type of text (on the problem of structural classification). Slavic and Balkan linguistics. Carpatho-East Slavonic Parallels. Structure of the Balkan text]. М.: Наука. С. 259–283.
3. Гаспаров Б.М. (2009), Устная речь как семиотический объект. Слово устное и слово книжное (сборник статей) [Oral speech as semiotic object. Oral and printed word (articles digest)]. М.: РГГУ. С. 469–538.
4. Жизнь удалась [Life is good]. Театр.doc. Москва. Архив фестиваля Золотая Маска.

5. Злая девушка [Evil woman]. ТЮЗ. С-Пб. Архив фестиваля Золотая Маска.
6. Леман Х.-Т. (2013), Постдраматический театр [Post dramatic theater]. предисловие Анатолия Васильева; перевод с немецкого, вступительная статья и комментарии Натальи Исаевой. Москва: ADCdesign. 311 с.
7. Лукашевич К. (1909), О детских праздниках. Родителям, воспитателям и старшим братьям и сестрам [On children holidays. For parents, kindergarteners and elderly brothers and sisters]. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина.
8. Соцреалистический канон [Socialist realist canon] (2000), под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Акад. проект.
9. Уффельман Д., Шрамм К. (2001), Панорама современного немецкого литературоведения. Предисловие составителей. Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология [Panorama of contemporary german literary criticism. Foreword by the compilers. German philosophical literary criticism of our days. Anthology]. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 5–40.
10. Фишер-Лихте Э. (2015), Эстетика перформативности [Esthetics of performativity]. Под общ. ред. Д. В. Трубочкина. Москва: Play&Play : Канон-плюс. 375 с.
11. Чехихин В. (1902), Русь. Пролог в стихах, в память пятидесятилетия со дня смерти Н.В. Гоголя (21 февраля 1852-21 февраля 1902) [Rus. Prologue in poetry, in memory of the fiftieth anniversary of the death of N.V. Gogol (21 February 1852-21 February 1902)]. Рига: тип. газеты «Прибалтийский край».
12. Штирле К. (2001), История как *exemplum* – *exemplum* как история: К вопросу о прагматике и поэтике повествовательных текстов. Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология [History as *exemplum* – *exemplum* as history: on the issue of pragmatism and poetics of narrative texts]. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. С. 61–96.
13. Юнисов М.В. (2008), Маскарады. Живые картины. Шарарды в действии [Masquerade. Live pictures. Charades in action]. СПб.: Издательство «Композитор».

References

1. Adonyeva, S.B. (2003), Folklore: social action and communicative act. Experience of an interdisciplinary approach. Comparativistics – III. Almanac of comparative socio-humanitarian research. Saint Petersburg. pp. 157–172. (In Russian)
2. Braginskaya, N.V. (1977), Ekphrasis as type of text (on the problem of structural classification). Slavic and Balkan linguistics. Carpatho-East Slavonic Parallels. Structure of the Balkan text. Moscow: Nauka, pp. 259–283. (In Russian)
3. Gasparov, B.M. (2009), Oral speech as semiotic object. Oral and printed word (articles digest). Moscow: RGGU. pp. 469–538. (In Russian)
4. Life is good. Teatr.doc. Moscow. Golden Mask Festival Archive. (In Russian)
5. Evil woman. TYuZ. Saint Petersburg. Golden Mask Festival Archive. (In Russian)

6. Leman, Kh.-T. (2013), Post dramatic theater. предисловие Анатолия Васильева; перевод с немецкого, вступительная статья и комментарии Натальи Исаевой. Moscow: ADCdesign. 311 p. (In Russian)
7. Lukashevich, K. (1909), On children holidays. For parents, kindergarteners and elderly brothers and sisters. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina. (In Russian)
8. Socialist realist canon (2000), ed. by K. Gunther E. Dobrenko. Moscow: Akad. proekt. (In Russian)
9. Uffelman, D., Shramm, K. (2001), Panorama of contemporary german literary criticism. Foreword by the compilers. German philosophical literary criticism of our days. Anthology. Saint Petersburg: Izdatelstvo S.-Peterburgskogo universiteta. pp. 5–40. (In Russian)
10. Fisher-Likhite, E. (2015), Esthetics of performativity. Ed. by D.V. Trubochkina. Moscow: Play&Play : Kanon-plus. 375 p. (In Russian)
11. Cheshykhin, V. (1902), Rus. Prologue in poetry, in memory of the fiftieth anniversary of the death of N.V. Gogol (21 February 1852-21 February 1902). Riga: tip. gazety «Pribaltiyskiy krai». (In Russian)
12. Shtirle, K. (2001), History as exemplum – exemplum as history: on the issue of pragmatism and poetics of narrative texts. Saint Petersburg: Izdatelstvo S.-Peterburgskogo universiteta. pp. 61–96. (In Russian)
13. Yunisov, M.V. (2008), Masquerade. Live pictures. Charades in action. Saint Petersburg: Izdatelstvo «Kompozitor». (In Russian)

Информация об авторах

ВАСИЛЬЕВА Жанна Владимировна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория историко-культурных исследований Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: vasileva-zv@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1753-9710>.

ЛИДЕРМАН Юлия Геннадиевна, кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория историко-культурных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: liderman-yg@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4599-9818>.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.02.2023. Одобрена после рецензирования: 09.03.2023. Принята к публикации: 19.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Zhanna V. VASILYEVA, CandSc (Cultur.), Senior research fellow, Research Laboratory of Historical and Literary Studies, School of Contemporary Humanities Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: vasileva-zv@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1753-9710>.

Yulia G. LIDERMAN, CandSc (Cultur.), Associate Professor, Senior research fellow, Research Laboratory of Historical and Literary Studies, School of Contemporary Humanities Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: liderman-yg@ranepa.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4599-9818>.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Article info

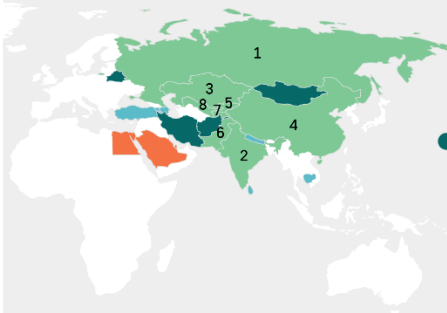
Submitted: 25.02.2023. Approved after peer review: 09.03.2023. Accepted for publication: 19.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Россия: общество, политика, история

Региональное международное объединение,
основанное в 2001 году

Участники

1. Россия
2. Индия
3. Казахстан
4. Китай
5. Киргизия
6. Пакистан
7. Таджикистан
8. Узбекистан

Наблюдатели

Могут присутствовать
на заседаниях и участвовать
в обсуждении вопросов
без права принятия решений

Афганистан
Белоруссия
Иран
Монголия

Партнеры по диалогу

Взаимодействуют
с объединением
по отдельным направле-
ниям сотрудничества

Азербайджан
Армения
Камбоджа
Непал
Турция
Шри-Ланка

Кандидаты

в партнеры
по диалогу

Египет
Катар
Саудовская Аравия

● Остальные страны

Источник: ИА ТАСС
<https://tass.ru/infographics/9553>

СТРАНЫ ШОС И ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В настоящее время в состав ШОС в разном статусе входят:

8 государств-членов

Республика Индия, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Исламская Республика Пакистан, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.

4 страны - наблюдатели

Исламская Республика Афганистан, Республика Беларусь, Исламская Республика Иран, Монголия.

2021 и 2022 гг.

начат процесс повышения статуса Ирана (2021 г.)
и Белоруссии (2022 г.) в составе Организации
до уровня государства-члена.

Источник: ШОС
<http://rus.sectsco.org/>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья
УДК 327.5; 341.17

Политические науки

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-234-249](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-234-249)

Правовое обеспечение национальных интересов России в рамках Шанхайской организации сотрудничества при осуществлении научно-технического партнёрства

Евгений Сергеевич Аничкин^{1а},
Егор Алексеевич Куликов^{1б}

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^а rrd231@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

^б kulikoveg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3777-665X>

Аннотация. В статье исследуется правовая регламентация обеспечения национальных интересов России в научной сфере в свете изменений в системе международных отношений во втором десятилетии XXI века. Тематика научного и научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС находится на сегодняшний день в состоянии становления, в связи с чем настоящая статья призвана восполнить пробел в части защиты национальных интересов России. Определяется понятие национальных интересов России, выявляется содержание этих интересов в научной сфере, а также в рамках партнерства на пространстве ШОС. Авторами делается вывод о возрастании необходимости переноса акцентов с открытости и бесконтрольности на приоритетную охрану национальных интересов. Представляется, что международно-правовое регулирование этих вопросов находится в стадии становления, выдвигаются предложения по его совершенствованию, в частности, возможно обращение к опыту Содружества независимых государств, в рамках которого приняты и действуют ряд соглашений относительно научного сотрудничества государств и обеспечения их национальных интересов.

Ключевые слова: научная сфера, Шанхайская организация сотрудничества, правовая охрана, научно-технологическое партнерство, национальные интересы, межгосударственный диалог, правовое регулирование

Для цитирования: Аничкин Е.С., Куликов Е.А. Правовое обеспечение национальных интересов России в рамках Шанхайской организации сотрудничества при осуществлении научно-технического партнёрства. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 234-249.

© Аничкин Е.С., Куликов Е.А.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-234-249](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-234-249)

Legal Support of Russia's National Interests Within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization in the Implementation of Scientific and Technical Partnership

Evgeny S. Anichkin^{1a},

Egor A. Kulikov^{1b}

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^a rrd231@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5432-8958>

^b kulikoveg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3777-665X>

Abstract. The article examines the legal regulation of ensuring the national interests of Russia in the scientific field in the light of changes in the system of international relations in the second decade of the XXI century. The purpose of the study is to identify the components of the legal support of Russia's national interests in the implementation of scientific and technical partnership within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (hereinafter - SCO). The concept of Russia's national interests is defined, the content of these interests in the scientific sphere, as well as in the framework of partnership in the Shanghai Cooperation Organization space, is revealed. The authors conclude that there is an increasing need to shift the emphasis from openness and lack of control to the priority protection of national interests. It seems that the international legal regulation of these issues is in the process of formation, proposals are being put forward for its improvement, in particular, it is possible to refer to the experience of the Commonwealth of Independent States, within which a number of agreements on scientific cooperation of states and ensuring their national interests have been adopted and are in force.

Keywords: scientific sphere, Shanghai Cooperation Organization, legal protection, scientific and technological partnership, national interests, interstate dialogue, legal regulation

For citation: Anichkin, E.S., Kulikov, E.A. Legal Support of Russia's National Interests Within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization in the Implementation of Scientific and Technical Partnership. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 234-249.

Введение

Существенные изменения в мире, продолжающие тенденцию к развитию его многополярности, к формированию незападных «центров силы», альтернативных международных организаций, происходят, по меньшей мере, с 2014 года. Учеными констатируется возрастающая в этом свете роль ШОС (15). Ведущей спецификацией этой организации является то, что она выстраивается на подходах равноправия всех государств-участников, взаимного уважения взглядов и мнений друг друга, многообразия культур, традиций, называемых шанхайским духом, что сочетается с ее управленческой структурой и многогранностью направлений сотрудничества (3). С другой стороны, ряд авторов признает, что «большинство проблем в международных отношениях обусловлено наличием внутригосударственных проблем конституционализации наиболее значимых сфер общественной жизни и их охраны особыми социальными институтами, при помощи которых достигается стабильность в системах социальных отношений, обеспечивающих предпосылки цивилизованного диалога между странами» (16, с. 13). В силу этого можно говорить об актуализации как наднациональных, так и национальных начал в современную эпоху развития международных отношений.

События 2020-2021 годов, связанные с пандемией, вызванными ею ограничениями, форсированной цифровизацией, непрекращающиеся локальные конфликты, в т.ч. на пространстве ШОС, делают выше обозначенные тенденции в еще большей степени рельефными. Оформление получает вопрос о необходимости отстаивания и защиты национальных интересов России, в т.ч. в рамках ШОС. Противостояние транснациональным структурам, а также отдельным государствам, стремящимся сохранить режим единоличной гегемонии, необходимость противодействия современным транснациональным угрозам, в т.ч. терроризму, сепаратизму и экстремизму (доктрина борьбы против «трех зол») ставит вопрос об осмыслении и понимании национальных интересов России в различных сферах международного взаимодействия (8).

Важное место занимает сфера научного и научно-технического сотрудничества. Ее значимость, особенно в области медицины, микробиологии, вирусологии, фармакологии, вновь была осознана с особой остротой в 2020 году. Однако и в этой, жизненно важной для человечества, сфере, деструктивные аспекты преобладают над конструктивными, политика над наукой, а сиюминутные выгоды над долгосрочными перспективными проектами. В связи с этим отстаивание Россией своих национальных интересов в сфере научно-технического партнерства, в том числе в рамках ШОС, еще достаточно длительное время предполагается в качестве одного из ведущих направлений международного взаимодействия (5). Исходя из этого, в настоящей

статье определяется сущность национальных интересов, содержание национальных интересов России в научной сфере, особенности национальных интересов на пространстве ШОС, а также характер и своеобразие национальных интересов и их защиты в научной сфере при развитии научно-технического партнерства с другими странами-участниками ШОС.

Цель исследования – раскрыть содержание национальных интересов России в сфере научного и научно-технического партнерства в рамках ШОС, определить, как осуществляется их правовое обеспечение. В рамках этой цели задачами выступают: выявление современного состояния ШОС, основных программных документов ее развития и действующих международных договоров, регулирующих вопросы защиты национальных интересов; изучение содержания международно-правовых актов в рамках ШОС на предмет содержания в них положений, призванных обеспечить защиту национальных интересов России в научной сфере; анализ и оценка существующих в отечественной юридической науке подходов к трактовке понятия «национальный интерес»; анализ национальных интересов России в научной сфере; рассмотрение специфики национальных интересов России на пространстве ШОС; обобщение проанализированного материала, выделение национальных интересов России в научной сфере при осуществлении научно-технического партнерства в рамках ШОС.

Материалы и методы исследования

Методология исследования основана на формально-юридическом (догматическом) подходе (13). Реализация, однако, данного подхода в настоящей статье обладает определенной спецификой. Правовое регулирование сотрудничества в научной сфере в рамках ШОС находится в стадии становления, вследствие чего отсутствуют специализированные международные договоры. Материал для исследования составляют декларативные документы, программы, стратегии, а также соглашения, непосредственного отношения не имеющие к научной сфере, но ряд смежных вопросов регулирующие. Аналогичным образом исследуется и внутрисоветское правовое обеспечение национальных интересов России в научной сфере, посредством изучения программных документов, а также стенограмм посланий Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ¹. Последние, будучи квинтэссенцией государственной политики России, в наибольшей степени характеризуют ее национальные интересы, и реализуются затем в текущем законодательстве. Наряду с формально-юридическим подходом, использовался также сравнительно-правовой метод (17). Поскольку достаточно развитым выступает правовое регулирование научного сотрудничества, в т.ч. обеспечения при таком

1

Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/>

сотрудничестве национальных интересов, в рамках Содружества независимых государств (далее - СНГ), постольку опыт СНГ является важным для развития правовой базы ШОС.

Результаты исследования

Международная обстановка в начале третьего десятилетия XXI века существенно повышает значимость международного сотрудничества в рамках организаций, не относящихся к западному миру. По-иному требуют к себе внимания, ставшие традиционными проблемы международного сотрудничества в различных сферах, в т.ч. в сфере науки, технологий, инноваций. Еще не завершившаяся пандемия коронавируса Covid-19 обнажила все недостатки системы взаимоотношений между государствами и нациями. При этом общая глобальная трагедия не привела к пересмотру международной политики США и Европейского союза в отношении России, сохраняется и усиливается режим санкций, учащаются попытки вмешательства во внутренние дела России по различным, зачастую, надуманным предложениям. Сложный характер имеют и взаимоотношения США и КНР, накануне пандемии имелись основания говорить о «таможенной войне» между ними. В период пандемии неоднократно со стороны высших должностных лиц США предпринимались попытки возложить ответственность за распространение инфекции именно на Китай. Эти обстоятельства, несмотря на их негативный характер, повышают актуальность и значимость развития взаимодействия евразийских государств в рамках ШОС.

Названная организация за двадцать лет ее существования (а также за пять предшествующих лет взаимодействия в формате «Шанхайской пятёрки») накопила немалый опыт сотрудничества в различных сферах, особое место среди которых занимает динамично развивающееся научное и научно-техническое сотрудничество. Ускорение научно-технического развития, актуальность и значимость фундаментальных и прикладных научных исследований требуют и адекватного правового сопровождения. Страны, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества, демонстрируют разный опыт противодействия новым глобальным вызовам, но акцент на развитии взаимодействия между ними остается важным пунктом в повестке их диалога.

Особенностью этой организации, проявлением т.н. шанхайского духа, выступает ставка на равноправие и культурно-идеологическую самостоятельность ее участников. Защита национальных интересов в этом случае представляет собой развитие межгосударственного диалога и разрешение спорных вопросов, возникающих между странами-участницами ШОС. Само понятие таких интересов акцентирует внимание на некоем самосознании, самоидентичности, проявленных определенной

наций, и оформленных в виде ее интересов. Как отмечает И.Б. Кардашова (6), «интерес – сложное неделимое явление действительности, представляющее собой форму осознанных потребностей, характеризующееся динамичным соотношением объективного и субъективного, имеющее предметный, ценностный характер». Определение интереса через потребности вполне обосновано применительно к индивиду, отдельной человеческой личности, однако вызывает вопросы экстраполяция такого подхода на трактовку национальных интересов.

Тем не менее, подобный подход в современной юридической литературе является достаточно распространенным. Так, по мнению В.П. Беляева и Б.Б. Бидовой, «национальные интересы – это комплексная система жизненно важных потребностей государства и общества с внутренне присущими народу культурно-духовными ценностями, позволяющими обеспечить его благосостояние и минимизацию (ликвидацию) угроз национальной безопасности» (2). Более детализированное определение искомому понятию дает В.Ю. Туранин: «национальные интересы – это симбиоз внутренних и внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие в социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами» (14). В.Ю. Туранин, таким образом, определяет общее содержание национальных интересов России, упуская, правда, некоторые важные сферы, без охвата которых даваемое им определение выступает неполным.

В качестве одной из таких сфер выступает научная сфера, в т.ч. сфера научного и научно-технического сотрудничества. Президент РФ В.В. Путин указывал в двух посланиях Федеральному собранию РФ (2020 и 2021 гг.)² направления развития науки, критически важные для страны. Исходя из анализа положений данных посланий президента РФ, можно говорить о существовании у России особых национальных интересов в научной сфере, в т.ч. в части научного сотрудничества с другими государствами, прежде всего с теми, политика которых на сегодняшний день носит партнерский, конструктивный по отношению к России характер. В качестве таковых можно назвать: создание собственных технологий и стандартов по тем направлениям, которые определяют будущее - искусственный интеллект, генетика, новые материалы, источники энергии, цифровые технологии; развитие исследовательской инфраструктуры, включая объекты класса мегасайенс; обеспечение свободы для работы, научного инновационного поиска; поддержка

высокотехнологичного экспорта, расширение спроса на инновации внутри самой страны; цифровая трансформация реального сектора экономики при осуществлении национальных проектов, главным образом, на основе программных продуктов отечественного производства. Лейтмотивом перечисленных ориентиров является обеспечение суверенных прав России в научной сфере, развитие собственных научных технологий, адекватных современным вызовам, а также поддержание информационной и научно-технологической безопасности России.

Надо сказать, что ст. 67 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, формулирующая «стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования, исходит из тех же принципиальных установок: развитие системы научных, проектных и научно-технических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, развитие фундаментальных научных исследований»³.

Трактовка национальных интересов в научной сфере вполне согласуется с определениями национальных интересов, приведенными ранее. При этом, изменения, происходящие в мире и в 2020 году, и в 2021 году, не только не отрицают, но ещё больше актуализируют вопрос о необходимости развития сотрудничества между государствами в научной сфере. Акторами в научно-технологических проектах выступают не только страны Западной Европы и Северной Америки, но и страны Азии. В связи с этим, наметившийся в начале 2000-х годов восточный вектор России вполне оправдан и отвечает современным реалиям (1).

Перспективной международной организацией, ориентированной на сотрудничество и взаимодействие на пространстве Евразии, выступает ШОС (9). Как отмечается в Стратегии развития ШОС до 2025 года (далее – Стратегия ШОС), принятой в ходе Саммита ШОС, который состоялся 9-10 июля 2015 года в г. Уфе главами государств-членов ШОС, «к настоящему времени сложились предпосылки для выведения ШОС на качественно новый уровень, характеризующийся повышением эффективности сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики, развития культурных и гуманитарных связей, расширения участия в делах региона и процессе глобального регулирования»⁴. Указанная Стратегия ШОС исходит, таким образом, из постепенного строительства многополярного мира, постепенного

³ Об утверждении Стратегии национальной безопасности РФ: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (утратил силу). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>

⁴ Стратегия развития ШОС до 2025 года. Принята 10 июля 2015 г. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsc.org/>

перемещения центра мирового хозяйства в Азию, и возрастания роли трансазиатских региональных международных организаций, к которым, в том числе, относится и ШОС (3).

С учетом перечисленных обстоятельств значимым для защиты национальных интересов России, в т.ч. в сфере научного и научно-технического партнерства, выступает ориентация на Восток, на страны Восточной, Южной и Центральной Азии, значительная часть которых на сегодняшний день объединена под эгидой ШОС. Надо сказать, что в литературе предпринимаются попытки сформулировать национальные интересы России на пространстве ШОС. Л.Е. Васильев к таковым, в частности, относит: «1) обеспечение стабильности политической обстановки в регионе, основанной на тесном партнерстве с входящими в него государствами (вопросы безопасности); 2) создание общего экономического пространства для России и центрально-азиатских государств, которое в будущем смогло бы более эффективно содействовать экономической модернизации России; 3) обеспечение права беспрепятственного транзита для России через Центральную Азию товаров и сырья в целях поддержания партнерских отношений с Китаем, Индией и Ираном; 4) создание возможностей использования геостратегического потенциала региона для практических военных нужд, а также для того, чтобы сохранить статус России как мировой и региональной державы; 5) создание предпосылок для международного признания ведущей роли России в регионе; 6) обеспечение прав и равного положения русских в постсоветских странах» (4, с. 56). Видимо, специфическая направленность тематики работы Л.Е. Васильева на изучение противодействия терроризму в пространстве ШОС вывела из сферы его внимания, по меньшей мере, седьмую задачу – обеспечение информационной и научно-технологической безопасности России, защиту ее суверенных прав при осуществлении научного и научно-технического партнерства. Между тем, как выше уже было сказано, такое направление выступает квинтэссенцией защиты национальных интересов России в научной сфере. ШОС выступает перспективной площадкой для такой защиты на международном уровне.

Надо сказать, что Стратегия ШОС затрагивает вопросы научного и научно-технического партнерства, в частности, при обеспечении информационной безопасности. «Государства-члены... будут укреплять сотрудничество в сфере контроля за Интернетом, пресекать использование «трех сил зла» (терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом) Интернета для проведения деятельности, подрывающей безопасность и стабильность в регионе. В этих целях они будут совершенствовать механизм сотрудничества в борьбе против использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях и в противодействии киберугрозам безопасности государств-членов ШОС»⁵. Бишкекская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 14 июня 2019 года

(далее – Бишкекская декларация) развивает положения, высказанные в Стратегии ШОС, указывая на то, что особого внимания, тесной координации и конструктивного взаимодействия требуют возрастающие и приобретающие трансграничный характер, наряду с прочими, такие вызовы и угрозы безопасности, как распространение террористической и экстремистской идеологии в Интернете, а также преступность в сфере информационно-коммуникационных технологий. Имеет отношение к рассматриваемому вопросу и положение Бишкекской декларации о том, что «государства-члены выступают за развитие технологических парков и бизнес-инкубаторов на пространстве ШОС в целях улучшения бизнес-климата в регионе и поддержки молодежных стартап-проектов...»⁶.

Подобного рода положения, определяющие сотрудничество стран ШОС в научно-технологической сфере, направленное на обеспечение национальной безопасности и национальных интересов, характерны не только для программных документов ориентирующего и декларативного характера, но и для заключенных и ратифицированных международных договоров в рамках ШОС. Так, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму⁷, среди мер, рекомендованных странам-участницам, содержит, например, такую, как «мониторинг средств массовой информации и сети Интернет в целях своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии». Не касаясь научного сотрудничества непосредственно, такие направления совместной работы его предопределяют опосредованно, поскольку контрольно-надзорная деятельность в глобальных информационно-телекоммуникационных сетях предполагает взаимодействие не только правоохранительных органов, но и научно-исследовательских организаций, в целях объединения усилий для совершенствования алгоритмов поиска угроз, защиты от вредоносного воздействия, обмена опытом и т.п. Как отмечает Н.А. Молчанов, «необходимость серьезного внимания со стороны системы государственного управления к использованию информационного пространства и Интернета выражается в том числе в развитии правового регулирования деятельности в сети Интернет и защиты его российского сегмента» (11). Обращение к международным актам под эгидой ШОС, непосредственно не связанным с научно-техническим партнерством, а лишь затрагивающим отчасти вопросы обеспечения национальных интересов России при осуществлении такого партнерства, вызвано еще и тем, что основной на сегодняшний день документ - Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве – не регулирует эти вопросы. Полезным можно считать в этом отношении опыт СНГ, в рамках

6 Бишкекская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 14 июня 2019 года. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/>

7 Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://rus.sectsko.org/documents/>

которого, например, в 1999 году в г. Минске было заключено Соглашение о взаимном обеспечении сохранности межгосударственных секретов в области правовой охраны изобретений, обеспечивающее суверенные права договаривающихся сторон при соблюдении необходимой секретности критически важных технологий и изобретений.

Национальное право России, в частности, уголовное право, нацеленное на охрану национальных интересов в области науки и технологий, на сегодняшний день также далеко от совершенства. Помимо предусмотренных в ст. 146 и ст. 147 УК РФ⁸ норм об охране авторских, патентных, смежных и других прав, существует еще ряд составов, обеспечивающих научную сферу от посягательств на нее. К таковым можно отнести, например, предусмотренные ст. 189 УК РФ незаконные экспорт из Российской Федерации или передача иностранной организации или ее представителю сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ для иностранной организации или ее представителя либо незаконное оказание услуг иностранной организации или ее представителю, которые заведомо для виновного могут быть использованы при создании вооружения и военной техники и в отношении которых установлен экспортный контроль. Законодатель, при этом указывает, что должны отсутствовать признаки государственной измены. Надо сказать, что предусмотренные ст. 275 УК РФ и 276 УК РФ государственная измена, осуществляемая гражданином РФ, и шпионаж, осуществляемый иным субъектом, выступают основными нормами, охраняющими национальные интересы России в том числе, и в сфере науки и научно-технологического сотрудничества, от общественно опасных посягательств. Нормы главы 28 УК РФ, устанавливающей ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, национальные интересы России в этой области защищают лишь отчасти, непосредственное отношение имеет лишь ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Восполняющий бланкетность УК РФ федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определяет содержащиеся в статье термины: критическая информационная инфраструктура - объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов; объекты критической информационной инфраструктуры - информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры⁹. Можно сказать, что определенности уголовно-правовому запрету такие нормы не добавляют, хотя, исходя из анализа

8 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

9 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 274.1 УК РФ, и положений указанного федерального закона, следует, что эта норма охраняет общегосударственные интересы России в сфере информационной безопасности. Пока что все приведенные нормы УК РФ представляют собой лишь выборочное и фрагментарное регулирование данного вопроса уголовно-правовыми средствами. Некоторый прогресс был достигнут в научном проекте нового Уголовного кодекса России (10), в частности, проведена систематизация составов преступлений, охраняющих от посягательств на информационную, в т.ч. научную сферу и национальные интересы России в этой сфере, но это всего лишь официально опубликованный проект, а не законодательный акт. Как верно заметил Н.Ш. Козаев, наблюдается четкая взаимосвязь между внедрением достижений научно-технического прогресса в общественную жизнь и обострением уголовно-правовых проблем. Как международное право, так и национальная уголовная политика не могут оставаться статичными, поскольку с внедрением новых технологий и стереотипов поведения требуется качественный пересмотр уголовно-правовой оценки преступных деяний, а также тех деликтов, которые в создавшихся условиях приобретают признаки криминала (7).

Обсуждение результатов

Рассматриваемые в статье проблемы в юридической литературе затрагиваются достаточно редко и, как правило, в контексте противодействия определенному виду преступности, обеспечения национальной безопасности, либо в контексте правового регулирования научной деятельности в целом. Однако, даже такое отражение в трудах исследователей значения ШОС в защите Россией своих национальных интересов в области научного и научно-технического партнерства, дает примеры разных оценок возможностей и перспектив этой трансазиатской организации. З.А. Кокошина отмечает, что «успешное развитие ШОС отвечает долгосрочным внешнеполитическим интересам России, интересам РФ в сфере национальной безопасности, организация может сыграть очень важную роль в случае резкой дестабилизации обстановки в тех или иных странах Центрально-Азиатского региона, что может воздействовать и на обстановку внутри самой России» (8, с. 34). Т.Я. Хабриева также подчеркивает уникальность ШОС, важность ее существования и функционирования в части противодействия многим новым угрозам безопасности, совпадение интересов крупных ее участников – России и Китая (15). Близкие идеи высказываются также и В.И. Василенко (3). Основная мысль указанных авторов состоит в том, что ШОС – важнейший инструмент защиты национальных интересов России, альтернатива прозападным международным организациям, в т.ч. в сфере научного и научно-технического сотрудничества.

Существуют и другие точки зрения на возможности развития ШОС, партнерства в рамках этой организации, в т.ч. в научной сфере. Так, А. Муратбекова пишет о кризисе идентичности Шанхайской организации сотрудничества и перспективах его преодоления. Этот кризис она связывает со вступлением в ШОС на правах полноправных членов Индии и Пакистана. «Существует риск, что ШОС превратится в некий церемониальный орган. Учитывая существенные различия между интересами ведущих членов ШОС относительно целей и задач деятельности организации, данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч» (12, с. 67). Однако, ученый не рассматривает кризис как что-то негативное, а как вполне нормальный этап развития любой организованной системы, в т.ч. и международной организации, прохождение которого выступит качественно новым уровнем для ШОС (12). Данное мнение, таким образом, не является полярным, а представляет собой осмысление последствий расширения ШОС до пределов Южной Азии, превращение ее в трансазиатскую международную организацию.

Выводы

Таким образом, рассмотрение современного состояния обеспечения национальных интересов России в научной сфере в рамках ШОС, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, следует констатировать несовершенство и неполноту правового регулирования данного вопроса как на национальном уровне, так и на уровне правовых актов ШОС. Регулирование либо отсутствует, либо оно фрагментарное и имеет несколько иное целевое назначение. Во-вторых, на сегодняшний день сформирована основа для развития правового обеспечения защиты национальных интересов России в сфере научного и научно-технического партнерства как на национальном уровне, так и на уровне ШОС. Основа эта состоит в вытекающей из законопроектов, а также из программных документов ШОС моральной готовности к принятию актов, обладающих юридической силой, для регулирования научной деятельности с учетом национальных интересов. В-третьих, оформилось осознание национальных интересов России в сфере научно-технологической деятельности и научно-технического развития, они получили закрепление в Стратегии национальной безопасности России, а также находят отражение в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ. Наконец, в-четвертых, национальные интересы РФ в сфере науки и научно-технического сотрудничества вписываются и в систему национальных интересов России в ШОС, и в общее понятие национальных интересов России. Эти интересы можно определить как 1) обеспечение суверенных прав России в научной сфере и развитие собственных научных технологий, адекватных

современным вызовам, а также 2) обеспечение информационной и научно-технологической безопасности России.

В литературе в целом регулятивный и организационный потенциал ШОС оценивается достаточно высоко. В современных статьях высказываются идеи о качественно новом этапе развития данной организации, что представляется методологически и прагматически верным. Независимо от состояния самой организации, вызовы 2020-2021 гг. приведут к ее обновлению. В научной сфере правовая база ШОС нуждается в регулировании, в принятии не только программных документов, но и конвенций, которые бы определили «правила игры» при таком сотрудничестве и механизм защиты национальных интересов. Можно воспользоваться богатым опытом, накопленным в рамках СНГ, нашедшем отражение в нескольких двусторонних и многосторонних договорах, регулирующих взаимодействие государств в сфере науки и научно-технического партнерства.

Список источников

1. Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. (2019), Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий [Legal regulation of cooperation between the Russian Federation and the United States of America in the field of science and technology]. Актуальные проблемы российского права. №7. С. 115-122.
2. Беляев В.П., Бидова Б.Б. (2020), Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект [Essence of national interests: general theoretical aspect]. Актуальные проблемы российского права. №7. С. 11-21.
3. Василенко В.И. (2018), Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект) [Shanghai Cooperation Organization in the Regional Security System (political and legal aspect)]. М.: Проспект.
4. Васильев Л.Е. (2017), Борьба с терроризмом на пространстве ШОС [The fight against terrorism in the SCO space]. М.: ИДВ РАН.
5. Капитонов С.А. (2012), Юридический парадокс государства [Legal paradox of the state]. СПб.: Юридический центр Пресс.
6. Кардашова И.Б. (2015), О сущности национального интереса [On the essence of national interest]. Административное право и процесс. №5. С. 11-15.
7. Козаев Н.Ш. (2019), Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом [Modern problems of criminal law due to scientific and technological progress]. М.: Юрлитинформ.
8. Кокошина З.А. (2016), Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России [Shanghai Cooperation Organization and Russian National Security Interests]. М.: ЛЕНАНД.

9. Курбанов Р.А. (2021), Евразийское право. Теоретические основы [Eurasian law. Theoretical basis.]. М.: Проспект.
10. Лопашенко Н.А. (2019), Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) [Criminal Code of the Russian Federation (scientific project)]. М.: Юрлитинформ.
11. Молчанов Н.А. (2019), Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества [Legal regulation of science and education in the interests of national security in a networked society]. Lex russica. №11. С. 124-130.
12. Муратбекова А. (2019), Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? [Shanghai Cooperation Organization Identity Crisis: What Happens Next?] Вестник международных организаций. №14(4). С. 138-160.
13. Понкин И.В., Лаптева А.И. (2021), Методология научных исследований и прикладной аналитики [Research methodology and applied analytics]. М.: Буки Веди.
14. Туранин В.Ю. (2021), Национальные интересы: подходы к определению понятия [National interests: approaches to the definition of the concept]. Российская юстиция. №1. С. 2-7.
15. Хабриева Т.Я. (2017), Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития [Shanghai Cooperation Organization: New Development Priorities]. М.: ИНФРА-М.
16. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. (2017), Конституционно-правовая охрана в странах Северо-Восточной Азии [Constitutional and legal protection in the countries of North-East Asia]. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации.
17. Coleman, J. & Shapiro, S. (2004), The oxford handbook of jurisprudence and philosophy of law. Oxford, Great Britain: Oxford University Press.

References

1. Barabashev, A.G., Ponomareva, D.V. (2019), Legal regulation of cooperation between the Russian Federation and the United States of America in the field of science and technology. Actual problems of Russian law. No. 7. pp. 115-122. (In Russian)
2. Belyaev, V.P., Bidova, B.B. (2020), Essence of national interests: general theoretical aspect. Actual problems of Russian law. No. 7. pp. 11-21. (In Russian)
3. Vasilenko, V.I. (2018), Shanghai Cooperation Organization in the Regional Security System (political and legal aspect). Moscow: Prospect. (In Russian)
4. Vasiliev, L.E. (2017), The fight against terrorism in the SCO space. Moscow: IFES RAS. (In Russian)

5. Kapitonov, S.A. (2012), Legal paradox of the state. Saint Petersburg: Legal Center Press. (In Russian)
6. Kardashova, I.B. (2015), On the essence of national interest. Administrative Law and Process. No. 5. pp. 11-15. (In Russian)
7. Kozaev, N.Sh. (2019), Modern problems of criminal law due to scientific and technological progress. Moscow: Yurlitinform. (In Russian)
8. Kokoshina, Z.A. (2016), Shanghai Cooperation Organization and Russian National Security Interests. Moscow: LENAND. (In Russian)
9. Kurbanov, R.A. (2021), Eurasian law. Theoretical basis. Moscow, Russia: Prospect. (In Russian)
10. Lopashenko, N.A. (Ed.) (2019). Criminal Code of the Russian Federation (scientific project). Moscow, Russia: Yurlitinform. (In Russian)
11. Molchanov, N.A. (2019), Legal regulation of science and education in the interests of national security in a networked society. Lex russica. No. 11. pp. 124-130. (In Russian)
12. Muratbekova, A. (2019), Shanghai Cooperation Organization Identity Crisis: What Happens Next? Bulletin of International Organizations. No. 14 (4). pp. 138-160. (In Russian)
13. Ponkin, I.V., Lapteva, A.I. (2021), Research methodology and applied analytics. Moscow: Buki Vedi. (In Russian)
14. Turanin, V.Yu. (2021), National interests: approaches to the definition of the concept. Russian Justice. No. 1. pp. 2-7. (In Russian)
15. Khabrieva, T.Ya. (2017), Shanghai Cooperation Organization: New Development Priorities. Moscow: INFRA-M. (In Russian)
16. Yurkovskiy, A.V., Kuzmin, I.A. (2017), Constitutional and legal protection in the countries of North-East Asia. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. Federation. (In Russian)
17. Coleman, J. & Shapiro, S. (2004), The oxford handbook of jurisprudence and philosophy of law. Oxford, Great Britain: Oxford University Press.

Информация об авторах

АНИЧКИН Евгений Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета, Барнаул, Российская Федерация, E-mail: rrd231@rambler.ru.

КУЛИКОВ Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Российская Федерация, E-mail: kulikoveg@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13.02.2023. Одобрена после рецензирования: 24.02.2023.
Принята к публикации: 17.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Evgeny S. ANICHKIN, DSc (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: rrd231@rambler.ru.

Egor A. KULIKOV, CandSc (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: kulikoveg@yandex.ru.

Contribution of the authors

All authors have made an equal contribution to this article.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 13.02.2023. Approved after peer review: 24.02.2023. Accepted for publication: 17.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья

Политические науки

УДК 327.82; 351.774.7

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-250-261](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-250-261)

Метаморфозы вакцинной дипломатии в глазах экспертов и политиков

Роман Отмарович Райнхардт^{1а},
Константин Алексеевич Немудров^{1б},
Леонид Андреевич Петухин^{1с}

¹ Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^а don.reinhardt@mail.ru

^б konstantin_nemudrov@mail.ru

^с pla321@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены трансформации такого сравнительно нового феномена международной жизни как вакцинная дипломатия в условиях продолжающейся пандемии новой коронавирусной инфекции. На основе анализа эмпирических данных, собранных путем работы со специалистами в области научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества, авторы исследования изучили и интерпретировали некоторые качественные изменения вакцинной дипломатии. Был проведен контент-анализ с целью осмысления названного феномена в трактовке П. Хотеза и в восприятии российских политиков и дипломатов. Полученные результаты и обобщение накопленного к настоящему времени опыта могут представлять ценность с точки зрения дальнейшей реализации профильных научных и внешнеполитических инициатив.

Ключевые слова: научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество, вакцинная дипломатия, мягкая сила, пандемия COVID-19

Для цитирования: Райнхардт Р.О., Немудров К.А., Петухин Л.А. Метаморфозы вакцинной дипломатии в глазах экспертов и политиков. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 250-261.

© Райнхардт Р.О., Немудров К.А., Петухин Л.А.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Original article

Political sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-250-261](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-250-261)

Metamorphoses of Vaccine Diplomacy As Seen by Experts and Politicians

Roman O. Reinhardt^{1a},
Konstantin A. Nemudrov^{1b},
Leonid A. Petukhin^{1c}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^a don.reinhardt@mail.ru

^b konstantin_nemudrov@mail.ru

^c pla321@yandex.ru

Abstract. The article considers the transformation of such a relatively new phenomenon of international life as vaccine diplomacy in the context of the ongoing COVID-19 pandemic. Based on the analysis of empirical data collected by working with experts in the field of science diplomacy and international scientific and technical cooperation, the authors of the study examined and interpreted some of the qualitative changes in vaccine diplomacy. A content analysis was carried out in order to comprehend the named phenomenon in the interpretation of P. Hotez and in the perception of Russian politicians and diplomats. The results obtained and the generalization of the experience accumulated to date can be of value from the point of view of the further implementation of specialized science and foreign policy initiatives.

Keywords: science diplomacy, international scientific and technological cooperation, vaccine diplomacy, soft power, COVID-19 pandemic

For citation: Reinhardt, R.O., Nemudrov, K.A., Petukhin, L.A. Metamorphoses of Vaccine Diplomacy As Seen by Experts and Politicians. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 250-261.

Введение

Сложно найти сферу, где трансформации, наблюдаемые на протяжении последних нескольких лет и особенно месяцев, выглядели бы настолько радикально, как в мировой политике. Глобальная экономика все больше напоминает онлайн-казино, а международные переговоры – партии в покер. В том числе и людям, далеким как от азартных игр, так и от международных отношений. В этих условиях мундиры Горчакова и Талейрана становятся не то, чтобы велики современным дипломатам. Дело здесь, по всей видимости, не в мерках, но скорее в моде. А мода сегодняшнего дня весьма интересная. Воздержимся от анализа влияния стиля «милитари» на весенние тенденции 2022 и 2023 годов. Недавние дефиле на подиумах европейских и американских столиц заставляют призадуматься, вызывая опасения даже у выдавших виды практиков и теоретиков. Времена, как всегда, непростые, а борьба за мир продолжает идти полным ходом. Но и пандемию, по крайней мере, на официальном уровне, еще никто не отменял. На этом фоне хотелось бы поделиться рядом частных соображений о сравнительно новом политико-дипломатическом инструменте, разработанном специалистами – так называемой вакцинной дипломатии.

Пошел четвертый год пандемии, включая ее социальное и международно-отношенческое измерения. Однако успехи «вакцинных дипломатов», на которых изначально некоторые из нас делали ставку, вызывают сомнения. Как в популярной серии изображений мем-культуры «ожидания vs реальность». С одной стороны («ожидания»), глобальный рынок прививочных материалов с максимально широким доступом к нему всех желающих (пока еще не осознавших свое желание – по возможности, тоже) вне зависимости от места их жительства, гражданства и иных характеристик. С другой («реальность»), протекционизм, национализм, политизация, причем во многом искусственная, санитарных сюжетов.

Естественно, возникает вопрос «почему?». Ведь даже в разгар прошлой холодной войны международное научно-техническое сотрудничество обладало некоторым иммунитетом от политических поветрий (3). В терминах Венских конвенций 1961 и 1963 годов (о дипломатических и консульских сношениях соответственно), речь шла пусть не об абсолютном, но, во всяком случае, о функциональном иммунитете ученых. Если угодно, даже о полифункциональном, учитывая число различных треков двустороннего и многостороннего взаимодействия: программу «Союз-Аполлон» (1975 год), сотрудничество по линии ОИЯИ-ЦЕРН (2) и другое. Тогда две в корне противоположные и даже во многом враждебные друг другу общественно-политические системы, при всех своих идеологических и конъюнктурных разногласиях, согласились на знаменитое рукопожатие в космосе. А на земле, что

ближе к нашей тематике, в 1961 году именно СССР, а не союзник США, помог Японии справиться с одной из крупнейших в истории страны вспышек полиомиелита. Причем последний – лишь один из наиболее ярких примеров, о котором публичные дипломаты почему-то вспомнили только по случаю юбилея тех событий¹. Видимо, уже не столь «свежо предание», чтобы им вдохновилась целевая аудитория. Аналогичные более новые прецеденты в голову не приходят.

В свете сложившейся ситуации считаем целесообразным посмотреть на контуры вакцинно-дипломатической проблематики, а также отчасти на ее эволюцию в экспертном дискурсе и официальном нарративе.

Материалы и методы исследования

В экспертной среде само понятие «вакцинной дипломатии» появилось задолго до нынешней пандемии. За рубежом его, судя по всему, ввел в оборот в начале 2000-х годов практикующий врач и ученый из США П. Хотез². Впрочем, это не исключает казуального употребления данного словосочетания прежде. В России оно схожим образом было впервые упомянуто в монографии Т.В. Зоновой со ссылкой на указанного американского специалиста (1, с. 266-267). Весной 2021 года П. Хотез, работавший при президенте Б. Обаме специальным «послом науки США» (4) в странах Ближнего Востока и Северной Африки, опубликовал книгу с интригующим названием «Предотвратить следующую пандемию. Вакцинная дипломатия во времена антинауки» (5). В данном труде он развил две магистральные мысли. Первая – острая необходимость сотрудничества, а не соперничества национальных научных и дипломатических сообществ перед лицом текущей пандемической угрозы. Вторая – на примере медицины и биохимии – о научно-техническом прогрессе как основным драйвере современных международных отношений. Наряду с этим, высказывалось мнение о том, что «науки друг с другом не воюют», или, по крайней мере, не должны воевать (5, с. 11). Цитируемое сочинение П. Хотеза, по нашим наблюдениям, получило гораздо меньший резонанс в экспертном кругу, включая его российский сегмент, чем могло бы. Достаточно сказать, что на русский язык оно так до сих пор и не переведено. В поисках причин и объяснений мы решили провести небольшой полевой эксперимент.

С этой целью нами была сформирована выборка, состоящая из 27 экспертов, целенаправленно занимающихся изучением вопросов научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества. В нее были включены

1 Егоров О. Как СССР помог Японии победить смертельный вирус. Russia Beyond, 01.02.2021. URL: <https://ru.rbth.com/read/1310-polioimielit-vaktsina-sssr-japoniya>

2 Hotez P. Vaccine Diplomacy. The multinational effort to eliminate disease might not only save lives but prevent conflict. Foreign Policy. 19.11.2009. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/11/19/vaccine-diplomacy/>

российские исследователи в количестве 15 человек, а также зарубежные числом 12, из которых 8 – итальянские. 14 вошедших в группу ученых были женщинами, 13 – мужчинами, при этом возраст тех и других варьировался от 23 до 78 лет. 6 экспертов обладали ученой степенью доктора наук, 5 – кандидата наук, 5 – PhD, остальные 11 не имели на момент проведения исследования ученой степени. С точки зрения аффилиации, они представляли три типа учреждений – университеты (15 человек), научно-исследовательские институты (10 человек), ведомственные исследовательские центры (2 человека). В статистическом отношении такая выборка, конечно, не может считаться репрезентативной, но для целей качественного исследования она виделась подходящей, в том числе в силу узости избранного подраздела НИР. С участниками описанной группы были проведены полу-структурированные интервью.

Первый вопрос сводился к самому знакомству с тематическим пластом «вакцинной дипломатии», имеющимися наработками специалистов и, в частности, П. Хотеза. Подавляющая часть (19 человек) интервьюируемых ответила на него отрицательно, будучи в лучшем случае осведомленной о существовании такого направления, однако, не зная деталей его развития. Новейшую книгу П. Хотеза читали только два члена группы, остальные «не осуждали».

Дальнейшие беседы на базе пересказа обозначенных тезисов П. Хотеза, направленные на выявление их восприятия, еще больше подкрепляют вывод о скептическом отношении к «вакцинной дипломатии» среди опрошенных. Неоднократно звучало мнение о том, что непризнание отечественных вакцин рядом западных стран и недопущение, с другой стороны, производимых там вакцин на российский рынок стоит рассматривать в ключе не «вакцинной дипломатии», но больше «вакцинной войны» (возможно, как продолжения войны гибридной). Иными словами, смысловая территория респондентов мало коррелировала с когнитивной картой «вакцинистов» от политологии.

На наш заключительный вопрос «видите ли Вы потенциал в «вакцинной дипломатии»?» 20 из 27 участников группы ответили «нет» или «скорее нет». Вместе с тем, практически все участники (26 из 27) допустили возможность изменения ситуации при условии корректировки основными игроками в лице государств и фармацевтических компаний своих подходов. По выражению одного из опрошенных экспертов, перефразировавшего меткую сентенцию еврейского философа-экзистенциалиста М. Бубера про кибуцы, «вакцинная дипломатия – это не успех, но образцовое непоражение».

Добавим к этому, что в электронной библиотеке *eLibrary*, одном из крупнейших российских научных репозиториев, количество депонированных материалов, в которых фигурирует «вакцинная дипломатия», в настоящее время составляет

около 50 единиц³. Примерно так же, с поправкой на масштаб, обстоят дела в наиболее известных международных базах данных (Web of Science, Scopus) и соответствующих системах цитирования. Таким образом, материала для полноценного науко- и библиометрического исследования пока недостаточно, но он постепенно накапливается. В ожидании пополнения массива эмпирических данных видим уместным рассмотреть официальную риторику, касающуюся «вакцинной дипломатии».

Результаты исследования и обсуждение

В речах официальных лиц изучаемая тема стала прямо и косвенно появляться еще до завершения разработки и массового внедрения первых вакцин в 2020 году. Именно на «вакцинных голубей» возлагались надежды в деле спасения от всеобщей санитарной катастрофы. Пока «вакцинные ястребы» не взяли верх, сотрудничество ученых, представляющих различные страны и действующих в тесной смычке с политиками и дипломатами, в процессе создания прививок виделось ключом к урегулированию кризиса.

Высказывания профессиональных дипломатов во многом отвечали такому общественному запросу. Так, например, министр иностранных дел России С.В. Лавров в апреле 2020 года заявил о первостепенной важности научной дипломатии в условиях пандемии, подразумевая, прежде всего, дипломатию вакцинную.⁴ Именно на ней, как наиболее актуальном треке международного научного сотрудничества, фактически ставился акцент. При этом указывалось на необходимость поддержки инициатив «снизу». Так, по словам главы российского внешнеполитического ведомства, «мы [МИД – прим. авторов] физически не можем сказать: давайте поезжайте завтра в Италию или Францию, чтобы начать проект по созданию вакцины или какого-то нового механизма. Но как только вы почувствуете, что вы готовы и партнеры готовы, а что-то вам мешает, если мы сможем это что-то преодолеть, то мы с удовольствием это сделаем».⁵ Таким образом МИД давал четкий сигнал российскому и зарубежным научным сообществам: «Товарищи ученые, вперед! Чем можем – поможем. Но дело за вами».

Однако вскоре практика показала, что добрые намерения заказчиков, представленных политиками и дипломатами, затухают по мере их продвижения к исполнителям в лице ученых. Возможно, дело заключалось в специфике

3 Научная электронная библиотека eLibrary. URL: <https://elibrary.ru/>

4 Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния. ТАСС. 21.04.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8294685>

5 Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния. ТАСС. 21.04.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8294685>

исследовательской работы. Но скорее – в наличии конфликта интересов не только научного свойства. Так или иначе, широкомасштабного сотрудничества при разработке вакцин мы так и не увидели.

Следующим этапом виделось создание глобального рынка вакцин, первым шагом на пути к которому должно было стать юридическое признание прививочных материалов, созданных в одних странах, другими странами, и наоборот. К этому неоднократно призывали мировые лидеры, в том числе президент России В.В. Путин⁶⁷. Впрочем, реального отклика такие призывы до сих пор не получили. МИД был вынужден констатировать отсутствие положительной реакции контрагентов⁸, однако продолжал, как это и приличествует в классической дипломатии, отстаивать свою позицию⁹. Вопрос прорабатывался, но за ссылками партнеров по переговорам на некие юридические аспекты по-прежнему чувствовалось сопротивление вовсе не юридических сил.

В то же время, отмеченное С.В. Лавровым столкновение финансовых интересов компаний-производителей вакцин вкуче с «субъективными факторами» было видно невооруженным глазом. Одно дело – декларируемая политическая воля, другое – юридическая логика, наконец, третье – финансовые аспекты. Применительно к вакцинной дипломатии эти силы оказались если не полностью разнонаправленным («лебедь, рак и щука»), то образующими конструкцию, сравнимую с «невозможной троицей» в международных финансах. Проще говоря, синхронизировать можно было не более двух из них. Одновременно все три – нет. В результате, подвижек со стороны транспортного средства из крыловской басни, равно как и со стороны Всемирной организации здравоохранения так и не последовало.

Стоит ли добавлять, что подобная статика стала быстро изнашивать дипломатические подшпники. Можно сколько угодно рассуждать о природе обозначенной проблемы, но доступа к прививочным материалам от таких рассуждений не прибавится. При этом в отличие от самого вируса позиции зарубежного истеблишмента по данному вопросу не подвергались мутациям. По существу, они застыли в виде смеси иррациональной геополитической паранойи и рационального коммерческого расчета.

Единственная новелла, проявившая себя на определенном этапе до того, как тема стала сворачиваться в фоне резкой эскалации противостояния России и

6 Путин назвал взаимное признание вакцин важной мерой в борьбе с пандемией. Известия. 30.11.2021. URL: <https://iz.ru/1257279/2021-11-30/putin-nazval-vzaimnoe-priznanie-vaktcin-vazhnoi-meroi-v-borbe-s-pandemiej>;

7 Филиппова О. Путин призвал к взаимному признанию вакцин от коронавируса. Газета.ру. 23.12.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/23/17053543.shtml>

8 Лавров: РФ сожалеет, что предложение снять патентную защиту с вакцин не нашло поддержки. ТАСС. 23.11.2021. URL: <https://tass.ru/politika/12997671>

9 Лавров обсудил процесс регистрации вакцины «Спутник V» с главой ВОЗ. Ведомости. 27.12.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/12/27/902864-lavrov-obsudil-sputnik-v-s-voz>

стран Запада после февраля 2022 г., – поиск новых способов признания.

Проецируя на описываемую область порядок установления межгосударственных связей, наиболее прогрессивные российские дипломаты¹⁰ и лица, принимающие решения¹¹, адаптировали к вакцинам формулу «признания де-факто». Такая альтернатива отличалась от традиционной, изначально желанной, но, увы, в большинстве случаев так и не достигнутой договоренности «де-юре» большей эфемерностью. Зато и большей гибкостью, в том числе этической: очередной оттенок «международного серого». Что она значит – четко не ясно даже юристам-международникам. Но этот дискурс еще в начале прошлого года, подобно мантре, настраивал на положительный лад, вселял почти полностью растраченный за прошедшие месяцы оптимизм, обнадеживал. Особенно туристов¹², ведь с точки зрения некоторых финансовых потоков туристы даже важнее юристов.

Идея признания отечественных вакцин за границей «де-факто» стала постепенно внедряться начиная с января 2022 года. Внедрялась ненавязчиво: чтобы и бизнесу полегчало, и политики в разных одеждах не обращали на нее излишнего внимания. У них и раньше других забот хватало. А после начала Россией специальной военной операции на Украине им стало не до того.

Думается, что по некоторым азимутам российской внешней политики до февраля 2022 г. концепция «признания де-факто» вполне имела шансы способствовать заключению сепаратного «вакцинного мира». По другим векторам, при всем желании, едва ли. Ведь здесь, несомненно, сказывались и продолжают сказываться региональные особенности, а также уровень политизации двусторонних отношений. Когда одни страны, по сообщениям российских посольств, категорически отвергали саму возможность «вакцинного диалога» или считали его несвоевременным в текущих условиях¹³, другие были настроены более открыто¹⁴. Во всяком случае, на словах. Де-факто и де-юре пока не произошло ни того, ни другого.

Субстантивно побеседовать на этот счет с представителями российского дипведомства, используя примененную в случае с экспертами методику интервью, нам до сих пор не удалось, что тоже закономерно. Поэтому мы ограничились приведенным выше опросом.

10 В Китае неформально признали российские вакцины – посол РФ. Regnum. 25.01.2022. URL: <https://regnum.ru/news/society/3486796.html>

11 Невинная И. Российский «Спутник V» признан уже более чем в 70 странах мира. Российская газета. 17.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/17/rossijskij-sputnik-v-priznan-uzhe-bolee-chem-v-70-stranah-mira.html>

12 Почти 70 стран открыты для российских туристов, или Куда поехать с прививкой и без нее. Интерфакс. Туризм. 28.01.2022. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/analitics/market_overview/84953/

13 Франция отказалась обсуждать с Россией взаимное признание вакцин. Известия. 11.02.2022. URL: <https://iz.ru/1289817/2022-02-11/franciia-otkazalas-obsuzhdat-s-rossiei-vzaimnoe-priznanie-vaktcin>

14 Посольство Испании выразило надежду на скорое признание «Спутника V». Известия. 04.02.2022. URL: <https://iz.ru/1286886/2022-02-04/posolstvo-ispanii-vyrazilo-nadezhu-na-skoroie-priznanie-sputnika-v>

Выводы

Делать окончательные выводы относительно перспектив «вакцинной дипломатии» в условиях продолжающихся международных противостояний бессмысленно и бесполезно. Хотя бы потому, что такого рода выводы неизбежно отличаются субъективностью. То же относится и к оценке эффективности профильных инициатив. Вместе с поиском их объективного мерила встает хрестоматийный вопрос о том, кто же в данной ситуации судьи.

Ответ на него, с нашей точки зрения прост: а судьи – мы, обыватели и эксперты-международники. Многие из нас постепенно начали привыкать к пресловутой новой реальности. Прививаемся – некоторые уже по второму и третьему разу. Продолжаем изучать буквы греческого алфавита. Придумываем неологизмы. Скажем, слово «антиваксер» уже закрепилось в международном политическом языке как ругательство. Да и прочего креатива хоть отбавляй.

Ситуация назрела, «доколе же еще?» – так вопрошал Цицерон своего оппонента Катилину. Нужно скорее добиваться признания отечественных прививок за рубежом – теперь уже в дружественных странах Востока и Юга – и запускать там их совместное производство. Для этого открывать российский рынок иностранным поставщикам из этих стран, выдавать им необходимые разрешения, признавать сертификаты о вакцинации соответствующими препаратами и так далее. Но, как показывает практика, возможны и другие сценарии.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10123-П.

Acknowledgement

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 18-78-10123-P.

Список источников

1. Зонова Т.В. (2003), Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития [Modern Model of Diplomacy: Roots and Prospects]. М.: РОССПЭН.

2. Касаткин П.И., Талагаева Д.А. (2016), Атомная дипломатия: ЦЕРН и Евратом как модели наднациональных структур [Nuclear diplomacy: CERN and Euratom as models of supranational structures]. Этносоциум и межнациональная культура. № 12. С. 120-124.
3. Крынжина М.Д. (2020), Возможности научной дипломатии в условиях санкций: опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970-1980-е гг. [Opportunities for Science Diplomacy Under Sanctions: the Experience of Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in the 1970–1980s]. Социология науки и технологий. №3. С. 59-73.
4. Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. (2017), Деятельности атташе по науке: отечественные и зарубежные практики [Science Attaches' Work: Russian and Foreign Practices]. Человеческий капитал. №12. С. 28-33.
5. Hotez, P. (2021), Preventing the next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

References

1. Zonova, T.V. (2003), Modern Model of Diplomacy: Roots and Prospects. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
2. Kasatkin, P.I., Talagaeva, D.A (2016), Nuclear diplomacy: CERN and Euratom as models of supranational structures. Ethnosociety and international culture. No. 12. pp. 120-124. (In Russian)
3. Krynzhdina, M.D. (2020), Opportunities for Science Diplomacy Under Sanctions: the Experience of Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in the 1970–1980s. Sociology of Science and technology. No. 3. pp. 59-73.
4. Reinhardt R.O., Mozebakh V.A. (2017), Science Attaches' Work: Russian and Foreign Practices. Human Capital. No. 12. pp. 28-33. (In Russian)
5. Hotez, P. (2021), Preventing the next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Информация об авторах

РАЙНХАРДТ Роман Отмарович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.

НЕМУДРОВ Константин Алексеевич, аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: konstantin_nemudrov@mail.ru.

ПЕТУХИН Леонид Андреевич, магистр Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: pla321@yandex.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.02.2023. Одобрена после рецензирования: 06.03.2023. Принята к публикации: 18.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Roman O. REINHARDT, CandSc (Econ.), Associate Professor at Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), Moscow, Russian Federation. E-mail: don.reinhardt@mail.ru.

Konstantin A. NEMUDROV, postgraduate student at the Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), Moscow, Russian Federation. E-mail: konstantin_nemudrov@mail.ru.

Leonid A. PETUKHIN, alumnus (MA with Hons) of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), Moscow, Russian Federation. E-mail: pla321@yandex.ru.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 27.02.2023. Approved after peer review: 06.03.2023. Accepted for publication: 18.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья
УДК 327.57; 327.82

Политические науки

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-262-281](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-262-281)

Содействие международному развитию: к вопросу о трактовке понятия

Антон Константинович Пильщиков

Автономная некоммерческая организация дополнительного образования взрослых «Центр повышения квалификации государственных и муниципальных служащих», Пермь, Российская Федерация
piliskovanton98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные (международные) подходы к предоставлению международной помощи в целях развития. В качестве ключевой проблемы выделяется наличие в настоящее время в российском информационном, научном и правовом пространствах разночтений относительно понимания сущности понятия содействия международному развитию. В ходе проведения анализа источников выявляется, что российские и зарубежные исследователи преимущественно концентрируются на вопросах предоставления экономической помощи иностранным государствам, оставляя «за скобками» такие явления как культурно-гуманитарное сотрудничество и безвозмездные (гуманитарные) акции. Дополнительно проводится рассмотрение положений нормативных документов Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, а также информационных материалов международных организаций. Используя методы контент-анализа нормативных документов и изучения вторичных научных источников информации, автор приходит к выводу о необходимости корректировки имеющегося видения содействия международному развитию и формулирует собственное определение этой категории. В статье делается вывод о том, что применение разработанного автором определения содействия международному развитию обеспечит упрощение процедур учёта результатов предоставления помощи государствам – партнёрам Российской Федерации и облегчит принятие управленческих решений исходя из предпосылки о сведении имеющихся разногласий относительно компонентного состава содействия международному развитию к минимуму.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, международная помощь, гуманитарная помощь

Для цитирования: Пильщиков А.К. Содействие международному развитию: к вопросу о трактовке понятия. Россия: общество, политика, история. 2023. №1(6). С. 262-281.

© Пильщиков А.К.

© «Россия: общество, политика, история», 2023

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-262-281](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-262-281)

Political sciences

International Development Assistance: on the Issue of Concept Interpretation

Anton K. Pilshchikov

Autonomous Non-profit Organization of Additional Adult Education «Center for Advanced Training of State and Municipal Employees», Perm, Russian Federation
pilsikovanton98@gmail.com

Abstract. The article considers domestic and foreign (international) approaches to international development assistance providing. One of the key problems is the current divergence in the Russian informational, scientific and legal areas with regard to understanding the essence of the concept of international development assistance. It appears that Russian and foreign researchers mainly focus on the issues of providing economic assistance to developing countries, leaving behind such phenomena as cultural and humanitarian cooperation and humanitarian measures. In addition, in the article Russian legal acts in the field of international development assistance are being investigated in, as well as the information materials of international organizations. Using the methods of content analysis of legal acts and secondary scientific data monitoring, the author comes out with a solution to adjust the current vision of the promotion of international development and formulates his own definition of this term. The article concludes that the application of international development assistance definition developed by the author will simplify the bureaucratic procedures for the partner states of Russian Federation and will facilitate the adoption of managerial decisions based on reducing existing disagreements over the components of international development assistance to minimum.

Keywords: international development assistance, official development assistance, international aid, humanitarian aid

For citation: Pilshchikov, A.K. International Development Assistance: on the Issue of Concept Interpretation. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 1(6). pp. 262-281.

Введение

В настоящее время тематика оказания Российской Федерацией международной помощи в формате содействия международному развитию (далее – СМР) приобретает большую актуальность в связи с продолжением формирования многополярного мира.

Применяемые в нашей стране на официальном уровне подходы к пониманию состава СМР и их соотношение с международно-признанными понятиями, например, об официальной помощи развитию, разнятся, что создает трудности при проведении сопоставительного анализа активности России в области предоставления официальной помощи иностранным государствам, в первую очередь развивающимся странам.

В этой связи, ключевыми задачами исследования являются:

- рассмотрение сложившегося в отечественных научных кругах представления о СМР;
- рассмотрение международного подхода к пониманию сущности понятия «официальная помощь развитию»;
- сопоставление рассмотренных подходов и представлений с положениями, официально закрепленными на уровне нормативных правовых актов в Российской Федерации, с целью обозначения потенциальных направлений совершенствования указанных норм.

Материалы и методы исследования

В настоящей статье применялись методы контент-анализа нормативных документов и изучения вторичных научных источников информации. Использование первого метода обусловлено необходимостью отражения в исследовании актуальных нормативно закреплённых положений, а второго – для учёта сложившихся в научной среде мнений.

Результаты исследования

Оказание международной помощи определяется в качестве одной из форм достижения целей в области устойчивого развития (далее – ЦУР) Организации Объединённых Наций (далее – ООН)¹. Содействие развитию со стороны государств-доноров обеспечивает улучшение социально-экономического положения

¹ Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

развивающихся стран и предоставляет возможности для формирования в них эффективных и устойчивых национальных общественных систем.

ЦУР охватывают широкий перечень направлений оказания помощи: от борьбы с голодом и нищетой до защиты прав человека и развития партнерства государств-доноров в интересах развития. Они также являются глобальной основой для проведения отдельными странами собственной политики предоставления помощи развитию. В реализации ЦУР активное участие принимают международные финансовые институты (18, с. 153).

Зачастую ЦУР находят отражение в национальных концептуальных и стратегических документах. При этом осуществляется следующее:

- проводится адаптация ЦУР под национальные условия и потребности развития;
- формируются концептуальная и законодательная основы деятельности органов государственной власти, непосредственно направленной на реализацию адаптированных целей;
- определяется институциональная структура ответственных органов исполнительной власти на разных уровнях с разграничением сфер ответственности;
- создаются концептуальные основы для взаимодействия органов власти и делегирования полномочий;
- обеспечивается прозрачность процессов выработки и принятия, а также реализации решений, предусмотренных в рамках принятых стратегий по достижению адаптированных ЦУР (7, с. 177).

Одновременно с понятием ЦУР в целях его операционализации в научном и нормативном полях применяются термины «официальная помощь развитию» и «содействие международному развитию». Стоит отметить, что первый применяется в международной практике, тогда как последний используется только в России.

Российский подход

Предварительно представляется целесообразным рассмотреть отечественные подходы к СМР, сложившиеся за последние годы. Россия оказывает международную помощь сравнительно непродолжительное время. Переход нашей страны из категории реципиентов международной помощи в число доноров произошёл в 2007 г., когда была утверждена Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию². Вместе с тем некоторые авторы отодвигают эту дату на 2006 г., в котором Россия приняла

2 Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию, утв. решением Президентом Российской Федерации 14 июня 2007 г. № Пр-1040. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1588643&lang=ru&ysclid=le4axpq6lc740548161>

соответствующие обязательства наравне с другими странами «Группы восьми» (6, с. 65). Таким образом, если не учитывать опыт Советского Союза, полноценно Россия участвует в СМР уже на протяжении 15 или 16 лет. Эта деятельность осуществляется как на многосторонней основе через организации системы ООН, так и в двустороннем формате (4, с. 6).

По причине сравнительно непродолжительного опыта оказания содействия развитию, в отечественной управленческой и экспертной среде не до конца оформилось однозначное понимание сущности СМР и его состава.

Преимущественно, говоря о СМР, специалисты концентрируются на экономических компонентах этого явления. Вместе с тем в ряде случаев как часть СМР выделяется и культурно-гуманитарное сотрудничество.

Учитывая положения действующей редакции Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 (далее – Концепция СМР)³, к приведённому перечню можно также добавить гуманитарные миссии.

Рассмотрим отдельно каждую форму международной помощи.

Тема экономических взаимоотношений между донорами и реципиентами международной помощи освещается в сфере СМР наиболее часто. По сути, этот формат выступает в качестве основного, так как является в наибольшей степени ориентированным на оказание непосредственного содействия развитию. Отмечается, что такая помощь обеспечивает долгосрочное воздействие на связи между государством-донором и государством-реципиентом, особенно если средства направляются на финансирование инфраструктурных проектов (5, с. 48), строительства, энергетики (3, с. 62), производства, механизации (13, с. 98), технического сотрудничества (7, с. 176) и т. д.

Исследователи акцентируют внимание на необходимости привлечения к СМР (в его экономической части) частных предприятий. Их участие позволит диверсифицировать источники средств, направляемых на помощь развитию, что в перспективе снизит риск дефицита ресурсов бюджетной системы Российской Федерации по направлениям СМР. Представители предпринимательского сообщества (как физические, так и юридические лица) могут выступать в качестве долевого участников проектов СМР на принципах государственно-частного партнерства

³ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утв. указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

(3, с. 62). При этом необходимо учитывать, что интересы бизнеса должны приниматься во внимание наравне с интересами государств: как получающих помощь, так и предоставляющих её. Вместе с тем, иногда позиция реципиента недооценивается (13, с. 98, 99).

В рамках предоставления экономической помощи обеспечивается достижение ЦУР, имеющих преимущественно макроэкономическое измерение, так как такие аспекты как, например, культурно-гуманитарное взаимодействие представлены в них в качестве комплиментарных элементов по отношению к комплексной борьбе с бедностью и повышением уровня благосостояния. В России наблюдается несистематизированность учёта ЦУР в национальных стратегических и концептуальных документах (7, с. 177). Это, по нашему мнению, следует из того, что сейчас окончательно не определены нормативные контуры оказания СМР. Одновременно достигаются и политические цели, заключающиеся в формировании приемлемого уровня лояльности государств – получателей помощи (2, с. 100).

Культурно-гуманитарное сотрудничество в сфере СМР ориентировано на ЦУР, не связанные напрямую с экономическими аспектами. К их числу можно отнести содействие развитию по направлениям:

- здравоохранения;
- образования;
- культуры;
- политических и общественных институтов⁴.

Вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества поднимаются преимущественно в контексте влияния государства-донора на получателей своей помощи (17, с. 197-198) и «мягкой силы» (1, с. 237). Поддержка развивающихся государств путем создания достойных условий жизни, преодоление разрыва между разными странами в различных сферах являются неотъемлемыми составляющими этого направления СМР.

При этом, учитывая тезис о влиянии одного государства на другое, необходимо оперировать терминами национальных интересов и международно-политической лояльности (11, с. 64), идентично экономической помощи, однако с упором на широкие массы населения. Реализацию подобной политики целесообразно проводить посредством формирования позитивного имиджа («позитивного восприятия Российской Федерации и её культурно-гуманитарного влияния в мире», согласно подпункту «д» пункта 6 Концепции СМР⁵).

4 Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

5 Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утв. указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

В контексте «мягкой силы»⁶ подчёркивается, что у России, как и у других государств-доноров, имеется опыт выстраивания своего имиджа, но он не всегда успешен из-за мощного противодействия (9, с. 98). Тем не менее значимость культурно-гуманитарного аспекта имеет критическую, на наш взгляд, важность с позиции работы с восприятием. Например, помощь развитию системы здравоохранения демонстрирует стремление государства-донора по возможности повысить уровень здоровья населения нуждающейся страны. Подобное «межгосударственное субсидирование» позволит государству-реципиенту направить высвобождающиеся ресурсы на развитие других отраслей. Таким образом, оказание помощи обеспечивает рост одобрения политики СМР гражданами страны, в которую она направляется, за счет модернизации специальной инфраструктуры и повышения уровня общего социально-экономического развития за счет перераспределения бюджетных расходов.

Позитивное восприятие российской политики СМР обеспечивает большую лояльность иностранных государств России в системе международных отношений и заинтересованность развивающихся стран в продолжении сотрудничества, в том числе и в экономической сфере.

Весьма значимым компонентом развития культурно-гуманитарного сотрудничества является продвижение русского языка, которому, согласно Основам государственной культурной политики, принадлежит «ключевая, объединяющая роль в историческом сознании многонационального российского народа»⁶. Для России распространение русского языка как средства межнационального, регионального и международных общения, языка науки и образования, а также русской культуры имеет большое значение с точки зрения распространения политического и культурного влияния. Представляется целесообразным делать акцент на традиционном ценностном аспекте, вербальным выражением которого является язык.

Отмечается, что особой важностью обладают такие вопросы как многоязычие и мультикультурализм, подкрепляемые опытом культурно-исторического взаимодействия людей разных народов и вероисповеданий. Диалог культур и языков внутри «цивилизации “Русского мира”» демонстрирует пример открытости русскоговорящего сообщества к межязыковым коммуникациям и межкультурному взаимодействию с другими гуманитарно-языковыми объединениями (19, с. 85-87). Этот опыт имеет перспективу распространения с позиции формирования смыслов и донесения российской позиции в различных сферах. При этом необходимо учитывать необходимость организационного обеспечения процесса продвижения русского языка в иностранных государствах, а также наличие противодействия (конкуренции) со стороны иностранных государств, обладающих большим опытом в продвижении языковой повестки. К числу таких потенциальных оппонентов можно отнести,

⁶ Основы государственной культурной политики, утв. указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>

например, Испанию, Францию или Великобританию, а также другие государства (19, с. 85).

Гуманитарные акции как элемент СМР отдельно не выделяются в научной среде. Вместе с тем их проведение предусматривается Концепцией СМР, например, в форме содействия преодолению последствий стихийных бедствий, техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций (подпункт «в» пункта 6 Концепции СМР).

Предпочтение, отдаваемое исследователями программам экономической и культурно-гуманитарной поддержки, по нашему мнению, ограничивает возможности учета других возможных форм СМР, потому что мероприятия гуманитарного характера, не несущие прямой финансовой выгоды или не способствующие развитию напрямую, исключаются из упоминания.

Зарубежный подход

Обратимся к зарубежным подходам к пониманию СМР. В государствах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) производится учёт официальной помощи развитию (далее – ОПР). Она определяется как помощь, оказываемая на государственном уровне, которая нацелена на содействие экономическому развитию и повышению уровня благосостояния развивающихся стран⁷.

Как ОПР классифицируются средства, предоставляемые странам и территориям, включенным Комитетом содействия развитию ОЭСР в список получателей помощи, а также направляемые в международные институты развития. Предоставляемые ресурсы должны обладать следующими характеристиками:

- предоставляться официальными учреждениями, включая органы государственной власти и местного самоуправления, или их исполнительными органами;
- направляться на содействие экономическому развитию и повышению уровня благосостояния развивающихся стран;
- обладать льготным характером (предусматриваются льготы в размере 10%, 15% и 45%).

Необходимо отметить, что содержательное наполнение российского СМР на региональном и глобальном уровнях, в соответствии с задачами, изложенными в пунктах 6 и 7 Концепции СМР⁸, практически полностью соответствует классификации по назначению официальной помощи развитию ОЭСР.

⁷ Official development assistance (ODA). OECD. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm>

⁸ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утв. указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

Иностранное экспертное сообщество подчеркивает необходимость выработки подхода по отношению к ОПР так называемых глобальных общественных благ. По определению Международного валютного фонда, глобальные общественные блага – это блага, выгоды от которых затрагивают жителей всего мира⁹.

Подчеркивается, что процесс отнесения глобальных общественных благ к ОПР должен учитывать то, что многие развивающиеся страны уже добровольно обязались обеспечить определенный уровень предоставления таких благ. Финансирование в поддержку выполнения этих обязательств, согласно такому подходу, должно учитываться как ОПР. Этот процесс должен быть коллективным, чтобы избежать конкуренции между государствами, что могло бы исказить первоначальный смысл глобальных общественных благ (20, с. 13). Дополнительно необходимо учитывать то, что в условиях, когда их производством могут заниматься не только развитые страны (страны-доноры), но и некоторые развивающиеся страны (выделенные по методологии ОЭСР), целесообразно учитывать как ОПР любую деятельность по производству таких благ (20, с. 14).

Отдельно выделяется необходимость разделения глобальных общественных благ на те, которые непосредственно влияют на благосостояние развивающихся стран, и те, которые оказывают опосредованное влияние на весь мир. Первые в отличие от вторых следует относить к ОПР, так как общемировые проекты оказывают реальное воздействие на страны получатели помощи только в том случае, если они позволяют им действовать самостоятельно.

Также за рубежом отмечается необходимость корректировки подходов к ОПР. Так, указывается, что не все государства-доноры обеспечивают соблюдение установленного ООН уровня расходов (0,7 % валового национального дохода), направляемых на содействие развитию государств – получателей помощи (23, с. 268). Одновременно с этим существует мнение, согласно которому целесообразно увеличить объем предоставляемой помощи, так как средний доход по паритету покупательной способности в странах, которые сейчас получают помощь в размере 5% и более от их валового национального дохода, составлял 1040 долл. США в 1960 г. и 1770 долл. США в 2017 г. При этом средний доход в развитых странах – участницах Комитета содействия развитию в 1960 г. составлял 10445 долл. США, а сегодня – 42902 долл. США. Таким образом, разрыв в уровне жизни увеличился, а объемы помощи – нет (21, с. 12).

Иностранные авторы отмечают, что категория ОПР никогда не предназначалась для «всего, что расходуется на благо развивающихся стран». Так, финансирование деятельности многих международных организаций исключается из помощи развитию

⁹ Global institutions must coordinate to preserve the goods that benefit us all. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2021/12/Global-Public-Goods-Chin-basics>

или значительно приуменьшается. Также исключается большинство расходов на исследования и разработки, проводимые в развитых странах. Это стало, по мнению зарубежных исследователей, поводом для формирования предложений по расширению программ помощи за счет включения дополнительных компонентов в матрицу расчетов (22, с. 3).

По нашему мнению, следует обратить внимание на выбор приоритетов в сфере ОПР. Отмечается, что многочисленные исследования, а также статистические данные дают основания полагать: для государств-доноров приоритетное значение имеют их собственные национальные интересы. Многие развивающиеся страны по-прежнему не являются приоритетными целями инвесторов, а направляемая в них помощь далеко не всегда является основой для экономического роста (12, с. 287).

В этой связи интересен пример Великобритании, которая по-прежнему пытается продолжать курс, сочетающий помощь развитию с военными и дипломатическими усилиями, и позиционирует её не только как свой вклад в достижение стабильности и устойчивого развития в мире, но и как средство обеспечения собственной безопасности. На практике британское руководство вынуждено реагировать на кризисные ситуации и пересматривать приоритеты своей политики. Для Великобритании первопричина оказания помощи развитию кроется в вопросах безопасности и национальных интересов, а также в гуманитарных соображениях (16, с. 40). Необходимо отметить, что расходы на безопасность в ОПР и СМР не включаются, однако, как было показано выше, каждое государство по-своему определяет форматы оказания содействия развитию и его компоненты, даже несмотря на международно-признанные положения.

Скандинавская модель может выступать в качестве противовеса британской, так как она заточена под многостороннее сотрудничество без ориентации на двусторонние программы. Это объясняется до последнего времени нейтральным статусом государств Северной Европы и их стремлением улучшить свой имидж посредством оказания всеохватной помощи неограниченному кругу государств (14, с. 178).

Таким образом, зарубежные подходы на официальном уровне близки к российским, однако при этом ряд государств руководствуется специфическим подходом к пониманию оказания международной помощи.

Российская нормативная основа СМР

Как было упомянуто выше, ключевым документом в сфере СМР на сегодняшний день является Концепция СМР, утвержденная в 2014 г. Она представляет собой систему взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере СМР, а также на приоритеты и формы

оказания иностранным государствам технической, финансовой, гуманитарной и иной помощи, направленной на их устойчивое социально-экономическое развитие, урегулирование кризисных ситуаций, возникающих вследствие стихийных бедствий, техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций, внутренних и (или) международных конфликтов (пункт 1 Концепции СМР)¹⁰.

В Концепции СМР указаны приоритетные направления деятельности, которые находятся в рамках национальных интересов Российской Федерации и потому оказывают непосредственное влияние на цели и задачи государственной политики в сфере СМР. К приоритетным направлениям в сфере СМР на региональном и глобальном уровнях относится деятельность по содействию развитию:

1. систем государственного управления;
2. торгово-инвестиционной деятельности;
3. промышленности и инновационных технологий в производстве;
4. экономической активности;
5. систем противодействия организованной преступности и международному терроризму;
6. в рамках процессов миростроительства;
7. региональной экономической интеграции;
8. транспортной инфраструктуры;
9. добывающих отраслей экономики;
10. в направлении обеспечения доступа к электроэнергии и водоснабжению;
11. современных технологий;
12. сельского хозяйства;
13. систем здравоохранения и социальной защиты;
14. образования;
15. системы охраны окружающей среды;
16. институтов демократического общества, включая защиту прав человека¹¹.

Проведение политики СМР осуществляется на двусторонней и многосторонней основе.

Двустороннее сотрудничество предусматривает:

- грантовые инициативы;
- поставки товаров или оказание услуг государствам – получателям помощи на безвозмездной основе;
- предоставление льгот по кредитам;

¹⁰ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утв. указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

¹¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утв. указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334>

- реализацию инвестиционных проектов;
- техническое содействие в отраслях, представляющих взаимный интерес;
- отказ России от требований по погашению имеющейся задолженности («прощение долгов»);
- предоставление тарифных преференций;
- содействие вовлечению в международную торговлю;
- участие в деятельности международных организаций посредством внесения взносов (при оказании помощи по линии международных институтов развития учитывается позиция страны, предоставившей в общий фонд средства, в части направления расходования переданных ресурсов).

Сотрудничество на многосторонней основе предполагает:

- уплату взносов в международные организации;
- деятельность в рамках функционирования межгосударственных организаций и объединений¹².

Вместе с тем необходимо отметить, что специально оформленного и обособленного определения СМР в Концепция СМР не содержит. При этом, в настоящее время на этапе рассмотрения находится проект обновленной редакции Концепции СМР, который предусматривает ряд новых положений, дополняющих действующий документ, в том числе определение понятия «содействие международному развитию»¹³. Так, под СМР планируется понимать «комплекс мероприятий, которые осуществляются органами государственной власти, коммерческими и (или) некоммерческими организациями на безвозмездной или льготной основе и имеют в качестве своей основной цели поддержку социально-экономического развития иностранного государства или урегулирование кризисных ситуаций, возникающих вследствие стихийных бедствий, техногенных катастроф, других чрезвычайных ситуаций, внутренних и (или) международных конфликтов».

Таким образом, представленное определение, в целом, описывает сущность СМР. При этом, по нашему мнению, оно требует уточнения в части компонентов деятельности в сфере предоставления международной помощи.

Описанные выше направления, выделенные отечественными исследователями, в совокупности способны оказывать влияние на развитие того или иного государства – получателя помощи:

1. *Экономическая помощь* обеспечивает повышение уровня благосостояния населения.

¹² Там же.

¹³ О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259: проект Указа Президента Российской Федерации. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113016>

2. *Культурно-гуманитарное сотрудничество* способствует развитию социальной сферы и совершенствованию общественных процессов, повышая уровень благополучия.
3. *Гуманитарные акции* обеспечивают возможность оказывать содействие развитию в экстренном порядке.

Важно отметить, что первые два компонента подразумевают возмездную основу предоставления, а третий – безвозмездную. Объединение всех трёх компонентов СМР в рамках одного понятия, по нашему мнению, обеспечит возможность проведения комплексного учёта деятельности Российской Федерации в области содействия развитию.

Обязательным критерием СМР является предоставление помощи в целях развития. Таким образом, например, зарубежные туры российских творческих коллективов не могут относиться к категории СМР, а мероприятия по организации и проведению курсов актёрского мастерства для артистов иностранных государств, в которые вовлекаются российские творческие коллективы, могут относиться к данной деятельности.

В этой связи считаем целесообразным дополнить версию представленного выше определения СМР, включив в него компоненты оказания международной помощи. Итак, предлагается определить СМР как комплекс мероприятий, которые осуществляются органами государственной власти, коммерческими и (или) некоммерческими организациями в рамках экономической помощи и культурно-гуманитарного сотрудничества на льготной основе, а также гуманитарных акций на безвозмездной основе и имеют в качестве своей основной цели поддержку всестороннего развития государств – партнеров Российской Федерации или урегулирование кризисных ситуаций, возникающих вследствие стихийных бедствий, техногенных катастроф, других чрезвычайных ситуаций, внутренних и (или) международных конфликтов.

Под государствами – партнерами Российской Федерации понимаются иностранные государства, сотрудничающие с Россией в вопросах развития и получающие от неё помощь.

Предлагаемая редакция, в целом, отражает сложившийся подход к СМР в России, однако дополнительно конкретизирует состав компонентов оказания помощи и обеспечивает учёт наибольшего количества потенциальных форм её предоставления. В соответствии с закрепившейся идеей о недопустимости включения военной помощи в ОПР и СМР она не представлена в составе авторского определения.

Обсуждение результатов

Предложенное в рамках основной части исследования определение СМР,

которое потенциально обеспечит закрепление однозначного понятия содействия развитию, может быть применено в российской правовой практике, так как отражает сущностную и практическую стороны оказания содействия развитию.

Дополнительно необходимо отметить, что разночтения, которые могут возникать вследствие наличия различий в подходах к учёту оказываемой Россией международной помощи, по нашему мнению, сводятся к минимуму при применении авторского определения СМР. Это обеспечивается за счёт объединения различных компонентов в составе одного определения, что позволяет упростить управленческие процессы в сфере оказания международной помощи как с позиции финансового обеспечения и учёта расходования средств бюджетной системы или иных ресурсов, так и с точки зрения принятия решений, в том числе связанных с внесением изменений в документы планирования.

Вопросы соотношения и сопоставления ОПР и СМР, а также темы, касающиеся конкретных форм оказания помощи, вместе с тем, представляют интерес как предметы проведения дальнейших исследований. В настоящее время фактически ОПР и СМР представляют собой почти идентичные явления, если опираться на информацию из официальных нормативных источников. При этом незакрепление в российском правовом поле понятия «официальная помощь развитию», как представляется, говорит о перспективе выработки собственного российского понимания категорий международной помощи и её форм. Именно в рамках такого подхода и было сформулировано авторское определение, предлагающее комплексный взгляд на СМР, которое может включать в себя как возмездные (льготные), так и безвозмездные мероприятия.

В перспективе упрощение управленческих процедур в сфере СМР позволит обеспечить Российской Федерации более уверенную позицию в конкурентной борьбе в области предоставления международной помощи, которая становится всё более напряжённой в условиях нарастания геополитической конфронтации. Одновременно с этим, в ходе оказания содействия развитию при предоставлении странам ближнего зарубежья приоритета с точки зрения СМР России необходимо обеспечивать соблюдение своих национальных интересов как в отношении государств коллективного Запада в лице, в том числе, государств – членов Европейского Союза (15, с. 47) и Соединённых Штатов Америки (24, с. 4-5), особенно на пространстве Содружества Независимых Государств (10, с. 48), так и во взаимодействии с другими участниками международных отношений, включая, например, Китай (8, с. 868-869). Реализация политики СМР может осуществляться как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Выводы

В ходе проведённого исследования были рассмотрены российский и зарубежный (международный) подходы к пониманию помощи развитию, оказываемой государствами-донорами государствам-реципиентам, а также отечественное правовое поле в сфере СМР.

Результатом проведенного исследования стало формирование авторского определения СМР, которое, по нашему мнению, обеспечивает оптимизацию управленческих процессов в указанной сфере в связи с исключением разночтений в отнесении тех или иных категорий деятельности к СМР.

Дополнительно в работе определены перспективы дальнейших исследований в области понимания и продолжения нормативного оформления СМР.

Список источников

1. Великая А.А. (2020), Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве [Problems and Prospects of the Humanitarian Cooperation of the Post-Soviet States]. Постсоветские исследования. Т. 3. № 3. С. 235-241
2. Дегтерёв Д.А. (2011), Основные подходы к оказанию содействия международному развитию [Main Approaches to International Development Assistance Providing]. Вестник МГИМО Университета. № 4 (19). С. 99-104.
3. Дегтерёв Д.А. (2013), Перспективы участия бизнеса в программах содействия международному развитию в контексте выхода на рынки развивающихся стран [Prospects of Business Participation in the International Development Assistance Programs in the Context of Access to the Markets of Developing Countries]. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 1. С. 60-66.
4. Дегтерёв Д.А. (2014), Российская политика в сфере СМР - контуры партнерства со странами БРИКС [Russian IDA Policies – Contours of BRICS Partnership]. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 1. С. 5-12.
5. Дегтерёв Д.А. (2012), Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов [Game-Theoretic Analysis of International Development Assistance Regimes]. Вестник МГИМО Университета. С. 47-58.
6. Зайцев Ю.К. (2020), Новые вызовы для российской внешней помощи в контексте достижения целей устойчивого развития [New Challenges for Russia's Foreign Aid and Its Contribution to the Sustainable Development Goals]. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 15. С. 63-83.

7. Игнатов А.А. и др. (2019), Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития [Leading Donors Approaches to SDGs Implementation]. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 14. № 1. С. 164-187.
8. Колесников А.Е. (2020), «Мягкая сила» Китая – перспективы, возможности, проблемы и угрозы российско-китайского сотрудничества в контексте инициативы «один пояс - один путь» [China's "Soft Power" – Prospects, Opportunities, Problems and Threats to Russian-Chinese Cooperation in the Context One Belt – One Way Initiatives]. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы X международной научно-практической конференции. Т. 10. С. 865-870.
9. Королева А.А. (2015), Стратегия «мягкой силы» в формировании внешнего имиджа России и Испании [«Soft Power» Strategy in Building the Russian Federation's and the Kingdom of Spain's Images Abroad]. Право и управление. XXI век. № 1 (34). С. 97-103.
10. Курбатова А.Г. (2021), Деятельность зарубежных институтов содействия международному развитию в странах ближнего зарубежья: вызовы для России [Activities of Foreign Institutions for Promoting International Development in the Countries of the Middle Abroad: Challenges for Russia]. Человеческий капитал. № 3 (147). С. 35-50.
11. Осадчев Д.Н., Грибанич В.М. (2022), Проекты развития как инструмент нанесения ущерба национальной финансовой безопасности зарубежной страны [Development Projects as a Tool for Damaging National Financial Security of a Foreign Country]. Цифровая экономика в контексте национальной безопасности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. С. 62-88.
12. Попова О.П. (2017), Содействие международному развитию и его роль в разрешении социально-экономических проблем современности [International Development Assistance and its Role in Resolution of Modern Socio-Economic Problems]. Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений. Сборник научных трудов участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения». С. 285-289.
13. Попова О.П. (2014), Государственно-частное партнерство в политике содействия международному развитию: опыт ФРГ [Public Private Partnership in Facilitating International Development Policies: the German Experience]. Государственная служба. № 4 (90). С. 96-100.
14. Растольцев С.В. (2019), Скандинавская специфика в содействии международному развитию [Scandinavian Specificity in Facilitating International Development]. Современная Европа. № 5 (91). С. 176-185.

15. Сидоров А.А. (2019), Содействие международному развитию как фактор национальной и международной безопасности и особенности российского содействия развитию государств-участников СНГ [Assistance to International Development as a Factor of National and International Security and Features of Russian Development Assistance to the CIS Member States]. Обеспечение безопасности стран СНГ в современном миропорядке: противостояние военно-политическим угрозам, расширение систем коллективной безопасности, трансконтинентальные экономические инициативы. Сборник научных статей участников 2-й Международной научно-практической конференции. С. 43-49.
16. Харитонов Е.М. (2015), Программы содействия международному развитию и национальная безопасность: опыт Великобритании [Development Assistance Programmes and National Security: the British Experience]. Пути к миру и безопасности. № 2 (49). С. 29-43.
17. Химич Г.А., Терентьева Е.Д. (2018), Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании [The Role of Humanitarian Cooperation in Contemporary Foreign Policy of Spain]. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. Т. 18. № 1. С. 197-207.
18. Хомякова Л.И. (2021), Роль финансовых институтов содействия международному развитию в развитии внешнеэкономической деятельности [The Role of Financial Institutions for International Development Assistance in the Development of Foreign Economic Activity]. Горизонты экономики. № 3 (62). С. 148-154.
19. Чернов И.В. и др. (2019), «Русофония» как инструмент «мягкой силы» России в глобальном лингвистическом пространстве [The «Russophone» Movement as an Instrument of «Soft Power» of Russia in the Global Linguistic Community]. Научный вектор Балкан. Т. 3. № 2 (4). С. 84-87.
20. Kenny, C. (2020), A Process to Define ODA-Eligible GPG Expenditures. Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development. pp. 13-14.
21. Kenny, C. (2020), Updating ODA? Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development pp. 12-13.
22. Kenny, C. (2020), What is Official Development Assistance Meant to Be? Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development pp. 2-3.
23. Naidu, V. (2019), Development Assistance Challenges. Understanding Oceania. Australian National University. P. 268.
24. Runde, D.F. (2020), U.S. Foreign Assistance in the Age of Strategic Competition. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 5 p.

References

1. Velikaya, A.A. (2020), Problems and Prospects of the Humanitarian Cooperation of the Post-Soviet States. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 3. No. 3. pp. 235-241. (In Russian)
2. Degteryov, D.A. (2011), Main Approaches to International Development Assistance Providing. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 4 (19). pp. 99-104. (In Russian)
3. Degteryov, D.A. (2013), Prospects of Business Participation in the International Development Assistance Programs in the Context of Access to the Markets of Developing Countries. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*. No. 1. pp. 60-66. (In Russian)
4. Degteryov, D.A. (2014), Russian IDA Policies – Contours of BRICS Partnership. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1. pp. 5-12. (In Russian)
5. Degteryov, D.A. (2012), Game-Theoretic Analysis of International Development Assistance Regimes. *Vestnik MGIMO Universiteta*. pp. 47-58. (In Russian)
6. Zajcev, Y.K. (2020), New Challenges for Russia's Foreign Aid and Its Contribution to the Sustainable Development Goals. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 15. pp. 63-83. (In Russian)
7. Ignatov, A.A. et al. (2019), Leading Donors' Approaches to SDGs Implementation. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 14. No. 1. pp. 164-187. (In Russian)
8. Kolesnikov, A.E. (2020), China's "Soft Power" – Prospects, Opportunities, Problems and Threats to Russian-Chinese Cooperation in the Context One Belt – One Way Initiatives. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Vol. 10. pp. 865-870. (In Russian)
9. Koroleva, A.A. (2015), «Soft Power» Strategy in Building the Russian Federation's and the Kingdom of Spain's Images Abroad. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. No. 1 (34). pp. 97-103. (In Russian)
10. Kurbatova, A.G. (2021), Activities of Foreign Institutions for Promoting International Development in the Countries of the Middle Abroad: Challenges for Russia. *Chelovecheskij kapital*. No. 3 (147). pp. 35-50. (In Russian)
11. Osadchev, D.N., Gribanich, V.M. (2022), Development Projects as a Tool for Damaging National Financial Security of a Foreign Country. *Cifrovaya ekonomika v kontekste nacional'noj bezopasnosti. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. pp. 62-88. (In Russian)
12. Popova, O.P. (2017), International Development Assistance and its Role in Resolution of Modern Socio-Economic Problems. *Social'no-ekonomicheskie problemy sovremennosti: poiski mezhdisciplinarnyh reshenij. Sbornik nauchnyh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj konferencii «XXIV Kondrat'evskie chteniya»*. pp. 285-289. (In Russian)

13. Popova, O.P. (2014), Public Private Partnership in Facilitating International Development Policies: the German Experience. Gosudarstvennaya sluzhba. No. 4 (90). pp. 96-100. (In Russian)
14. Rastol'cev, S.V. (2019), Scandinavian Specificity in Facilitating International Development. Sovremennaya Evropa. No. 5 (91). pp. 176-185. (In Russian)
15. Sidorov, A.A. (2019), Assistance to International Development as a Factor of National and International Security and Features of Russian Development Assistance to the CIS Member States. Obespechenie bezopasnosti stran SNG v sovremennom miroponyadke: protivostoyanie voenno-politicheskim ugrozam, rasshirenie sistem kollektivnoj bezopasnosti, transkontinental'nye ekonomicheskie iniciativy. Sbornik nauchnyh statej uchastnikov 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. pp. 43-49. (In Russian)
16. Haritonova, E.M. (2015), Development Assistance Programmes and National Security: the British Experience. Puti k miru i bezopasnosti. No. 2 (49). pp. 29-43. (In Russian)
17. Himich, G.A., Terent'eva, E.D. (2018), The Role of Humanitarian Cooperation in Contemporary Foreign Policy of Spain. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 18. No. 1. pp. 197-207 (In Russian)
18. Homyakova, L.I. (2021), The Role of Financial Institutions for International Development Assistance in the Development of Foreign Economic Activity. Gorizonty ekonomiki. No. 3 (62). pp. 148-154 (In Russian)
19. Chernov, I.V. et al. (2019), «The «Russophone» Movement as an Instrument of «Soft Power» of Russia in the Global Linguistic Community. Nauchnyj vektor Balkan. Vol. 3. No. 2 (4). pp. 84-87. (In Russian)
20. Kenny, C. (2020), A Process to Define ODA-Eligible GPG Expenditures. Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development. pp. 13-14.
21. Kenny, C. (2020), Updating ODA? Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development. pp. 12-13.
22. Kenny, C. (2020), What is Official Development Assistance Meant to Be? Official Development Assistance, Global Public Goods, and Implications for Climate Finance. Center for Global Development. pp. 2-3.
23. Naidu, V. (2019), Development Assistance Challenges. Understanding Oceania. Australian National University. P. 268.
24. Runde, D.F. (2020), U.S. Foreign Assistance in the Age of Strategic Competition. Center for Strategic and International Studies (CSIS). 5 pp.

Информация об авторе

ПИЛЬЩИКОВ Антон Константинович, экономист, Автономная некоммерческая организация дополнительного образования взрослых «Центр повышения квалификации государственных и муниципальных служащих», Пермь, Российская Федерация. E-mail: pilsikovanton98@gmail.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21.02.2023. Одобрена после рецензирования: 28.02.2023. Принята к публикации: 16.03.2023. Опубликовано: 17.04.2023.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Anton K. PILSHCHIKOV, economist, Autonomous Non-profit Organization of Additional Adult Education «Center for Advanced Training of State and Municipal Employees», Perm, Russian Federation. E-mail: pilsikovanton98@gmail.com.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 21.02.2023. Approved after peer review: 28.02.2023. Accepted for publication: 16.03.2023. Published: 17.04.2023.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Макет и предпечатная подготовка
Издательство ООО «Институт региональных и международных исследований»
(ИРМИ)
г. Москва, г. Московский, мкр 3, 11-345. 108819.

Подписано в печать 17.04.2023

Отпечатано
АО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5.

Тираж 500 экз.

Фотоматериал для обложки
К. Коворин, «Москворецкий мост», 1914 г, Фото: <https://artchive.ru/>
К. Рабус «Храм Василия Блаженного», 1830-е гг. Фото: <https://artchive.ru/>

ISSN 2949-1142

9 772949 114001 >

@ropijournal

<https://www.ru-society.com/>

ropi.journal@yandex.ru

ИРМИ
■■■■■
IRIR

Издатель: ООО «Институт
региональных и международных
исследований» (ИРМИ)